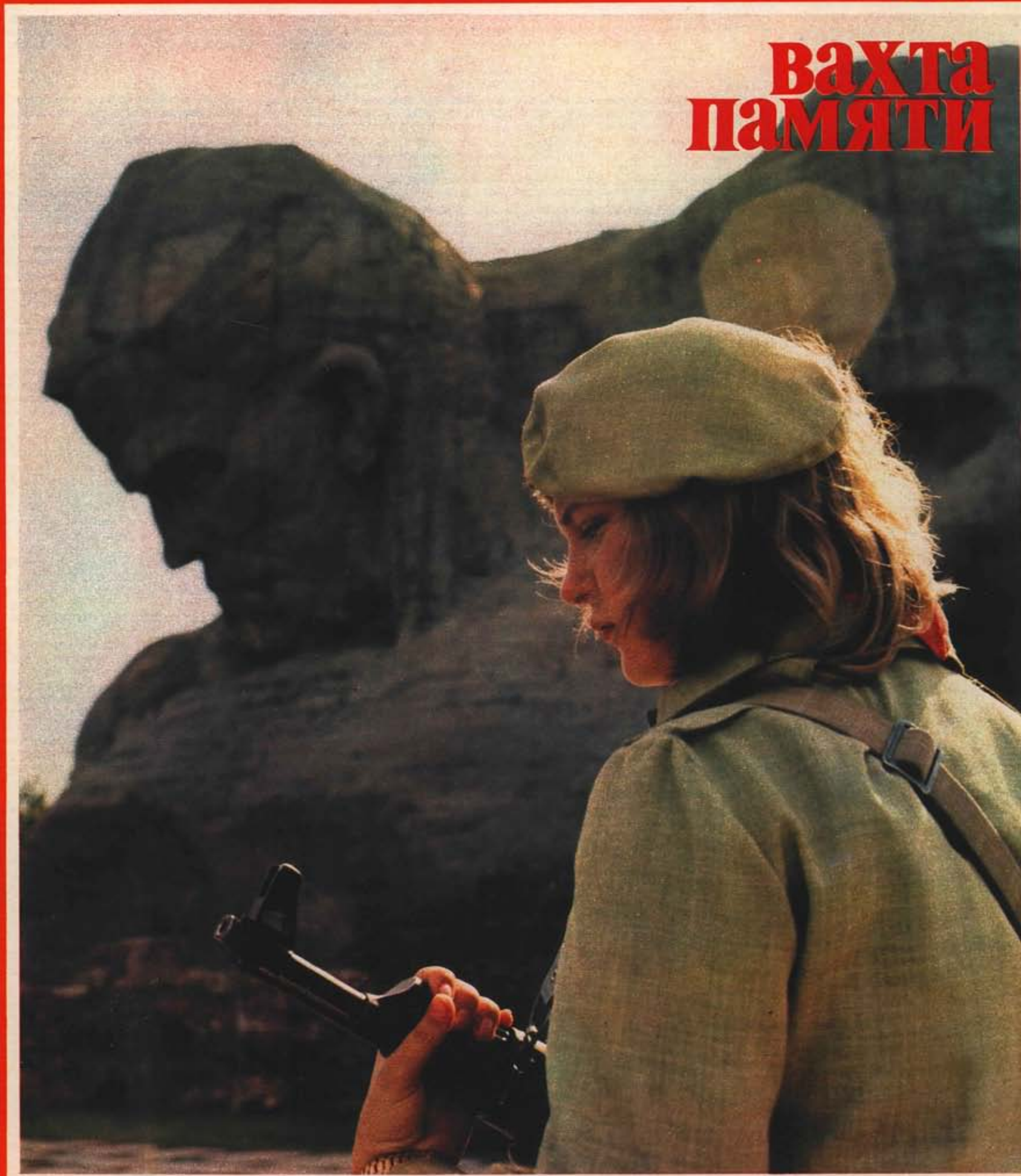

СМЕНА

№ 12 июнь 1981

Вахта памяти

Сегодня мы начинаем разговор о бригадире. Должностное лицо. Профессионале. Человеке.

Такой разговор, по нашему мнению, выводит к самым коренным проблемам трудовой жизни, поднимает вопросы морального воспитания и нравственного становления молодых рабочих в первичной производственной ячейке — бригаде.

XXVI съезд КПСС подчеркнул необходимость повысить роль трудовых коллективов в управлении и планировании производства, решении вопросов подготовки кадров, улучшения условий труда и быта работников, укреплении дисциплины и в воспитании коммунистического отношения к труду.

Для 500 000 комсомольско-молодежных производственных коллективов страны — это конкретная программа действий.

Особая роль в выполнении этой программы — у бригадиров. Людей, от которых зависит самочувствие бригады, ее отдача, настрой, творческий потенциал, будущее.

смена Работа как дело жизни

**Владислав СЕРИКОВ,
Герой
Социалистического Труда,
заслуженный
строитель РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР**

Двадцать семь лет я был бригадиром и считал, что дело это изучил достаточно хорошо. Но когда попытался как-то систематизировать свои знания о бригаде — не одной конкретно, а вообще, — то понял, что не помню многих простых вещей. Допустим, когда впервые появились бригады и бригадиры? Какова их история, развитие? Словом, пришлось порыться в энциклопедии, справочниках, в своих старых записях, дневниках.

Оказалось, слово «бригада» связано с трудом сравнительно недавно. Первые бригады в России — это войсковые соединения, введенные Петром Первым. А звание бригадира являлось чем-то средним между полковником и генералом.

Позже бригады и чины были упразднены; возродились — в новом качестве — в годы гражданской войны. Но это были уже не царские «полугенералы», а люди, овеянные славой, навсегда вошедшие в историю: легендарные красные комбриги, такие, как Котовский. Есть какой-то глубинный смысл в том, что новые, советские трудовые коллективы были также названы бригадами: может быть, как символ такой же самоотверженности, готовности всего себя отдать... теперь уже — рабочему делу.

Между прочим, бригады двадцатых годов — не просто достойные истории. Многие их жизненные и организационные принципы и сегодня представляются современными. В 1926 году по инициативе комсомольцев предприятий Урала, Ленинграда и строительства Днепротреста стали появляться молодежные бригады. Именно они начали движение за подъем производительности труда, перевыполнение заданий с меньшим числом рабочих — чем не нынешний щекинский метод? А бригады-коммуны на строительстве Горьковского автозавода, жившие одной дружной семьей, все радости и неудачи делившие поровну, — не напоминают ли они вам современные бригады коммунистического труда? Конечно, время идет вперед, и на каждом новом витке спирали бригады обогащаются новым опытом, совершенствуются в развитии. Но основа — то у всех одна: бригады-коммуны, стахановские бригады, молодежные, фронтовые...

Мы привыкли к словосочетаниям «коллектив предприятия», «коллектив цеха» и т. д. А что за коллектив бригада? И какую роль играет в нем бригадир?

Когда-то бригадиром мог быть человек, едва умевший читать. Сейчас — практически каждый рабочий со средним образованием, а в бригадиры — уже ведутся такие дискуссии — должны идти люди с образованием инженерным.

Было время — бригады не знали другого инструмента, кроме кайла, лопаты, топора. Нынче они управляют сложнейшими механизмами, возводят объекты и создают машины, которые раньше делали целые заводы. В цене теперь не физическая сила — технические знания.

Когда-то бригады были в основном в строительстве, сегодня они заняли ведущие позиции и в промышленности, на транспорте. Бригады станочников; комплексные и специализированные: во всех отраслях — комсомольско-молодежные. Разные названия, но суть одна: бригада стала основной ступенью нашего хозяйства, на которой сегодня замыкаются все проблемы экономики. Здесь нет преувеличения. Все поставленные задачи, пройдя через плановые, экономические, хозяйственные организации, практически осуществляются в коллективе, имя которому — бригада.

Я говорю эти прописные в общем-то истины вот для чего. Мы часто по инерции мышления считаем бригаду лишь первичной производственной ячейкой, забывая подчас, что развитие производства неотделимо от социального развития. И самое примечательное в бригаде, на мой взгляд, не только техническое перевооружение, а то, что она стала основной формой нашей жизни, первичной общественной ячейкой.

Естественно, что возрастают и требования к бригадире. Если когда-то он мог просто командовать, то теперь обязан управлять. И управлять не только производством, а прежде всего социальной жизнью бригады. Поэтому я убежден: каждый бригадир может закончить институт и стать инженером. Но далеко не из каждого инженера может получиться настоящий бригадир. Дело в том, что обязанности инженера примерно регламентированы: организация, экономика, техника; чертежи, планы... У бригадира нет и не может быть строго ограниченного поля деятельности, потому что бригадир работает сначала с людьми, а потом уже — с чертежами и техникой. Это я считаю самым важным. У нас в бытовке даже лозунг висел: «Главное — сделать хорошего человека, а из хорошего человека мы сделаем хорошего специалиста».

Здесь скептики усмехнутся: дескать, красивые слова, но «хороший человек» — не профессия, а производству требуются профессионалы, выполняющие план; обеспечить бригаду работой,

хорошим заработком — и нечего рассуждать о воспитании хороших людей, пусть этим в школе занимаются. Когда-то сам так считал; первейшей обязанностью бригадира перед бригадой понимал умение «делать» деньги. И больно на этом споткнулся...

В конце пятидесятых годов на стройке в городе Заполярном бригада у меня подобралась крепкая — все мастера своего дела. Поскольку работать мы умели, я решил диктовать свои условия руководству управления: заявил, что «цена бригады» — сто рублей в день, и никак не меньше. Мое условие выполняли — наверное, неохота было терять «специалистов». Ясное дело, без приписок не обходилось. Я же казался себе умелым, пробивным и уважаемым бригадиром.

Видимое благополучие разлетелось вмиг, когда я уехал в отпуск и в мое отсутствие бригаде закрыли наряды по фактически сделанному, то есть намного меньше того, к чему привыкли. Вернулся я — в бригаде полный разброд, недовольство, работа идет кое-как. Пошел в управление «воевать за интересы бригады», но кончилось это полным поражением — нас сняли с объекта и отправили копать на сопке кабельную траншею.

К счастью, мы не затаили обиду, в конце концов признали свою неправоту, но я о многом передумал, находясь на той сопке. Понял, что развращал бригаду, причая к легкой, бездумной жизни, и уважали меня вовсе не за то, за что стоит уважать бригадира. Что бригада моя, несмотря на профессиональные достоинства всех ее членов, — ненадежный пока коллектив. Вместо единства — видимость единства. Произошла некая «осечка», но все стало на свои места. А больше всех виноват был бригадир — за заработком не видел людей.

Тогда я еще только подходил к первой бригадирской заповеди — умению планировать завтрашние радости, как говорил Макаренко. Что это означает для бригадира? Создать в коллективе атмосферу настоящего энтузиазма, трудового напряжения, высокий эмоциональный настрой, а для этого суметь обратиться к лучшим чувствам людей: чувству долга, патриотизма, товарищеской солидарности, здорового соперничества и честолюбия. От этих понятий бригадиры часто отмахиваются, опять-таки считая главным стимулом энтузиазма рубль. Стимул важный, не спорю, но примитивный. На большое дело он человека не поднимет. Знаю по собственному опыту.

В глухой тундре надо было построить никелевый рудник. Руда находилась на дне речки Алы, поэтому предстояло соорудить в мерзлом грунте перепад на канале, отводящем реку в озеро. Предстояло также построить дробильную установку, котельную для будущего по-

БРИГАДИР: ДОЛЖНОСТЬ? ПРИЗВ

селка. Никакого жилья, кроме палаток, там еще не было.

Учитывая тяжелые условия, руководители треста решили послать помесячно по одной бригаде в месяц. В ноябре наступил и наш черед. Приехали и увидели, что прежние бригады практически ничего не сделали — отбыли свое время, и только. А морозы начались лютые, за сорок. Сидим и думаем — как быть? Все понимали — если зимой не пробьем водосбросный участок канала, весной тундра «отойдет», и ничего нельзя будет сделать. Как-то импровизированно состоялось собрание бригады, где все вдруг почувствовали: мы — коллектив, от которого страна ждет руды, и мы дадим ее. И никаких смен делать больше нельзя, иначе рудника не будет. Построим основные сооружения сами.

Два года жили в палатках. Спали в валенках, фуфайках, ватных штанах. Из снега кипятили чай, снегом и умывались. Грунт били клинками и двухлудовыми кувалдами — адская была работа. Что заставляло нас так работать в тяжелых условиях? Чувство долга. И бригада выполнила свой долг.

Жизнь часто сама подсказывает, что в данный момент является самой мощной движущей силой для бригады. Если рудник мы построили на чистом патриотизме, то мельницу — на самолюбии. Нам пытались доказать, что одна бригада не справится. Я обратился к бригаде — неужели не обидно такое слышать? Построили за год вместо трех по норме.

В другом случае выручили рабочее товарищество. Однажды в Заполярном оказался «бесхозным» дом. Стоял он в плане строительства, но сил у строителей не хватало. Наша бригада взялась за этот дом, хотя опыта жилищного строительства не имела. В стройком нам предложили соревноваться с бригадой Алексеенко, одной из лучших в городе. Приз победителям — квартира.

Мы посоветовались между собой: квартира очень нужна Саше Кузнецову, он у нас самый нуждающийся. «Готовься к новоселью», — сказали Саше. И началось. Сначала Алексеенко нас обогнал — опыт у него огромный, а мы толком даже названий деталей не знали: «подай ту», «принеси эту»: Видим, уплывает Сашкина квартира. Стали мозговать и надумали — подключили лебедки для подъема деталей в помощь крану.

Работали так, что впору было за руки держать. Норма — 25 деталей в смену, ставим — 75. Словом, победили. Получили квартиру для Саши, справили новоселье. А победа эта была результатом не столько профессионального мастерства, сколько товарищеской солидарности — всем миром друга выручили.

...Сумеешь обратиться к человеку, к его лучшим человеческим чувствам, тогда любая работа станет для бригады кровным делом, честью и совестью. Только так, с учетом самых разных, по ленинскому выражению, приемов привлечения людей к труду, их глубокой личной и общей заинтересованности создается настоящий коллектив.

Принцип «Главное — сделать хорошего человека» не выдуман мною единолично. К нему вела вся логика развития бригадной жизни. Работали мы хорошо, досрочно сдавали объекты, но на определенном этапе нам этого стало недостаточно, появилась какая-то неудовлетворенность. Мало ли бригад работает хорошо? Но не может жизнь бригады заключаться в одной работе.

Попробую пояснить эту мысль. В начале года все бригады берут обязательство. С чего обычно они начи-

наются? С цифр. Выполнить план к такому-то числу, произвести столько-то метров, кубометров, станков, тонн, и т. д. Так было и у нас. Так вроде и должно быть — конкретные обязательства, конкретные цифры. Но не перестаем ли мы за цифрами видеть людей? К чему их звать, чтобы к концу года получить нужные цифры?

Мы долго над этим размышляли, и в результате однажды родились обязательства весьма необычные. Конкретные экономические рубежи стояли у нас последним, десятым пунктом. Они как бы итожили предыдущие девять, в которых бригада формулировала меры по коммунистическому воспитанию членов коллектива. Это были не разовые мероприятия, а целая программа социального развития коллектива на несколько лет. Годовые экономические обязательства были лишь частью программы.

Здесь мы не преуменьшали значения экономических показателей, а подчеркивали: дальнейшее повышение производительности труда зависит прежде всего от морально-волевых качеств, дисциплинированности, добросовестности, инициативности каждого рабочего. Мы начали искать резервы производства в душе человека.

Хочу подчеркнуть, что полное осуществление такого принципа возможно только при бригадном подряде. Именно при нем происходит полное слияние моральных и материальных стимулов. Это единство создает совет бригады. Материальная оценка каждого члена бригады, которую совет дал в виде определенной премии, является одновременно и единственной в коллективе моральной оценкой.

Когда коллектив получил право распределения материальных стимулов (вернее сказать, подряд отобрал это право у администрации), то вдруг стал учитывать не только произведенные рабочим кубы и метры, но и его человеческие достоинства. Экономит ли рабочий материалы, уважает ли коллектив и бережет его честь, участвует ли в общественной жизни, в частности, в подготовке рабочей смены? Проявляет ли инициативу, творчество в работе, овладевает ли смежными профессиями?

Случайно ли обращение совета к человеческим качествам членов бригады? Нет. Такое заинтересованное обсуждение в коллективе достоинств и недостатков каждого рабочего показывает, что, по общему мнению, в бригаде нелогично (да и незачем) разделять деловые и нравственные качества человека. Так бригада создает свои справедливые и цельные оценки нравственных качеств рабочего, его личного вклада в труд и жизнь коллектива. Именно в **жизнь!**

Я не могу говорить отдельно о чисто технологической, если можно так выразиться, стороне бригадирской профессии, потому что все решения, поступки, действия бригадира всегда сходятся, отражаются на человеке. Предположим (это снова из собственного опыта), есть все условия для нормальной работы. Но я пришел чем-то расстроенный, сорвал злость на бригаде — наорал на кого-то, нагрубил. Все, день пропал — бригада фактически не работала. Опомился, наутро явился в радужном настроении, с улыбкой — совсем другое дело! После этой смены — хорошей смены — рабочие поочередно подходили и говорили мне на прощание: «Теперь понял, Пахомыч? Нам плевать, какое у тебя настроение. Это твоё личное дело. Ты к нам по-человечески — и мы к тебе тоже». Вывод? Один неосторожный поступок бригадира может осложнить все.

Было время, после войны, когда руко-

«Сложна проблема поисков достойного руководителя бригады. Есть немало мастеров — первоклассных производственников, которые еще не обладают организаторскими и педагогическими способностями. Возникает порой и противоположная ситуация: человек с неплохими организаторскими задатками не вызывает, однако, уважения товарищей, поскольку на его счету нет весомых трудовых достижений. Бригадир, возглавляя бригаду, работающую по единому наряду, должен воспитать в себе качества организатора, высокого профессионала и, главное, человека. Но не следует думать, что и бригадир и члены бригады подбираются из числа тех, кто уже целиком подготовлен к новому методу работы. Бригады единого наряда — это не «сверхлюди»: в них встречаются и «трудные» подростки, и малоопытные новички, и те, кто еще только приравнивается к твердым и вместе с тем справедливым требованиям нового духа коллективной работы. Такие бригады и становятся школой приобретения профессии, школой нравственности, приобщения к лучшим традициям рабочего класса. Бригадам единого наряда еще предстоит сложная и длительная работа по воспитанию человека. И в этом особое значение почин».

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
писатель, Герой Социалистического Труда,
делегат XXVI съезда КПСС

водители сами подбирали бригадиров, по принципу — чтобы мужик был характером похотел, держал бригаду в кулаке. От них и кличка известная пошла «бугры». Бугры, в общем, неплохо тогда командовали, но их время прошло. Жесткость, грубость — не помощники. Бригадир обязан быть добрым уже по долгу службы.

Самое сложное из бригадирских дел — индивидуальная работа с человеком. С 1973 года я завел дневник, в котором записывал свои наблюдения, характеристики людей. Не для печати — для себя. Но сейчас это дело прошлое, думаю, ребята не станут возражать, если некоторые выдержки из дневника приведу.

Но сначала о том, какую практическую пользу принес мне этот дневник. Когда начинаешь составлять письменные портреты людей — часто делаешь неожиданные находки. Например, пытаюсь охарактеризовать на бумаге деловые качества двух супругов, работавших у меня, раскрыл (вернее, вспомнил) одну особенность — жена работает лучше всего, если муж находится поблизости. Значит, делаю вывод, надо ставить их где-то на зрительном расстоянии друг от друга.

Другой случай, выдержка из характеристики каменщика В. «Слабохарактерный, но веселый и общительный. Надо все время руководить его поступками. Хитроватый, но хитрость зачастую наивная, а потому всегда разоблачаемая. Из-за этого попадает в неловкие положения. Если в бригаде «буза» (иногда это бывает), любит пошуметь, хотя потом ходит за мной и кается в «грехах». Читает газеты, книги, но вещи в основном несерьезные. Нужно много работать, чтобы сделать из него самостоятельного, целеустремленного человека. Сейчас он все время под контролем партгруппы».

Дневник помог мне не только четко сформулировать свое представление о людях, но и в чем-то предугадать их судьбу. О Викторе Гуцало когда-то записал: «Монтажник, каменщик, плотник. Мой заместитель. Любит и умеет командовать. Трудолюбив, энергичен, может зажечь людей... Характер твердый, упрямый. Всегда говорит правду в глаза. Люди его уважают. Умеет успокоить разгоревшиеся страсти. Рабочие за ним идут. Много читает, много знает. Заметно вырос за год в своем развитии как человек и руководитель. Перспективы — неограниченные. За такими — будущее, это настоящая наша смена».

Так и случилось. Витя теперь бригадир, мой преемник; награжден орденами

Ленина, Трудовой Славы третьей степени. Он мой преемник и в другом — я был делегатом XXV съезда партии, Витя — XXVI...

Позже я пришел к выводу, что настала пора иметь не только более глубокие, объемные характеристики портретов, но и план работы с каждым человеком в отдельности — такой же, как план социально-экономических мероприятий для бригады. Выбрать самое главное, существенное, что нужно для каждого человека, его дальнейшего развития, становления.

Например, В. В. Кроме обычного внимания как к человеку, вставшему на верный путь (бывший пьяница — пить бросил в бригаде), ему нужно поручать беседы с некоторыми товарищами о дисциплине, попросить заранее подготовиться и выступить на собрании, избрать членом профгруппы или совета бригады — короче, отрезать ему путь к прошлому. И все это не «когда-нибудь», а в определенный, указанный в дневнике срок. Изучение интересов, увлечений В. В. помогло мне в правильной рекомендации литературы, спектаклей, кино... И так по каждому человеку в отдельности — обдумано, не спеша, чтобы действительно помочь людям становиться лучше, богаче душой. Важнее, я считаю, ничего нет.

Но тут мне скажут: не слишком ли много предлагаю взвалить на бригадира? У него и так ежедневно дел по горло, да еще если в бригаде сотня человек — когда тут разбираться с каждым? Трудно, конечно. Но возможно. А с большой бригадой работать или с маленькой — принципиальной разницы нет. С большой даже во многом легче. Это не парадокс.

Выше я говорил, что бригадир — это человек, который управляет. Все дело в том, как понимать это слово. К сожалению, еще бытует представление о бригадире как о вездесущем, вникающем во все детали производства, оперативно решающем все вопросы профессионале. Но это не профессионал, а дилетант. В чем настоящий профессионализм бригадира? В умении передать свои обязанности членам бригады. Потому что бригада стоит на трех «китах» — самоуправлении, самоорганизации и предпринимчивости. Управлять ею — значит создать условия для этих самых «китов».

Когда-то я тоже пытался везде поспеть, во все вникнуть и единолично решить. В небольшой бригаде это еще как-то удавалось. Но когда возглавил коллектив в сто человек, то понял — делю что-то не то... Я полностью отраба-

АНИЕ? ПРОФЕССИЯ?

Наша обложка:

**ШКОЛЬНИКИ
В ПОЧЕТНОМ КАРАУЛЕ
У ПАМЯТНИКА ГЕРОЯМ
БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ.**

Фото Виктора САККА

- 1** РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«БРИГАДИР: ДОЛЖНОСТЬ? ПРИЗВАНИЕ? ПРОФЕССИЯ?»
- 6** НАВСТРЕЧУ VII СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
- 7** НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Ольги БИРЮКОВОЙ и Анатолия БОЧИНИНА.
- 8** НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.
«Я БЛАГОДАРЕН СВОЕЙ РАБОТЕ...».
Письма Олега КУВАЕВА.
- 9** Рассказ Владимира ТОЛМАСОВА «УТРЕННЕЕ ЧУДО».
- 11** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 12** «ВАМ — ВЗЛЕТ».
Фоторепортаж Олега ПЕТРИЧЕНКО и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.
- 14** Анри РАЧКОВ. «ПАРТИЗАН ИЗ ЗИМБАБВЕ».
- 16** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «КАСКАДЕРЫ».
- 18** МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Евгений БОГАТЫРЕВ. «ЧТО БЕЗ ХАРАКТЕРА ТАЛАНТ?».
- 20** КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ... «КЕРАМИКА».
- 22** АВТОБИОГРАФИИ.
Иван БАГРАМЯН. Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза.
«ПРИСЯГАЯ ОТЧИЗНЕ».
- 25** Стихи Михаила СМОРОДИНОВА.
- 26** ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 28** Повесть Валерия ВИНОКУРОВА и Бориса ШУРДЕЛИНА
«СЛЕДЫ В КРУТОМ ПЕРЕУЛКЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1981 г.

тывал с двумя сменами и еще расставлял по местам третью. Кто же выдержит такую нагрузку? К тому же, занимаясь только текущими делами, я не мог думать о перспективе.

На верную мысль меня натолкнул Макаренко (кстати, я его часто перечитывал и много полезного почерпнул для себя как бригадир). Знаете, что поразило меня в «Педагогической поэме»? Как Макаренко умело распределял обязанности. Жизнь воспитанников идет по нужному руслу, а сам Антон Семенович вроде бы и ни при чем. Самые острые проблемы решает совет командиров. Я же пытался решать все сам, с утра до ночи мотаясь по объектам.

Сделал для себя два вывода.

Первый. Не умею подбирать, как правило, хороших помощников-заместителей. Значит, надо попробовать на этой должности как можно больше членов бригады — ведь все познается в сравнении.

Второй. Совет бригады бездействует, потому что возглавляю его сам (а в непрерывной беготне мне иногда некогда хотя бы собрать совет). Конечно, с одной стороны; мне удобно и выгодно руководить советом — могу провести через него любое решение. Но, с другой, более важной стороны, такой совет — липа, формальность, придаток бригадирской власти.

Настоял, чтобы ни бригадир, ни его замы в совет не входили. А сам совет полностью переизбирался каждые полгода — чтобы никто не «заедался» и все прошло школу управления.

Такой независимый от бригадира совет стал действительно органом самоуправления. Чем он занимается? Контролирует доставку материалов, работу техники, ведет табель выхода на работу. Но главная его функция — воспитательная. Я уже говорил, как совет создал единство материальных и моральных стимулов. Наши роли как бы поменялись: не бригадир имел совет, а совет — бригадира. Кстати, получив право поощрять и наказывать, совет без стеснения пользовался им и в отношении бригадира — я ведь тоже святым не был... Зато когда сначала ко мне подходили обиженные на совет, я только пожимал плечами: «А что могу сделать? Мне и самому коэффициент снизили». У человека тут же пропадала обида: «Во дают, никаких авторитетов не признают!» Но обиды были редки. Каждый знал: сегодня я в совете, завтра — ты. И судил по справедливости.

Лишившись председательского места (а ведь и Макаренко не был председателем совета командиров — не случайно же?), я приобрел деятельного помощника. В случаях, когда мог сорваться срок сдачи этапа строительства, совет объявлял десять ударных дней, и все работало с удвоенной энергией. Между прочим, я в те периоды иногда вообще отсутствовал. В другом случае совет (без моего ведома) исключил из бригады троих рабочих с формулировкой «за неуважение к подряду». Суровое решение, но единственно правильное при тех обстоятельствах. Мы первый год работали на подряде; в нас еще почти никто не верил. Чтобы доказать перспективность своей идеи, нам, как никогда, нужны были дружба, единомыслие. А те трое пытались посеять смуту, недоверие к подряду — чего бригада и не потерпела.

В третьем случае... Впрочем, кажется довольно примеров. Заметьте одно — не бригадир решил (приказал, выгнал, наказал) — решил совет, бригада. Это и есть самоуправление.

Теперь о самоуправлении.

У нас в бригаде было несколько специализированных звеньев. Каждому звеньевому я выдавал задание на год, указывая, на разные непредвиденные случаи, запасные работы. (Бригадир обязан знать перспективу на долгое время. Когда бригаде известно, что она должна сделать, то есть время продумать, как она будет это делать.) И все. Дальше звеньевые сами планировали

свою работу. Меня интересовала лишь конечная цель — сдача объекта, а в расстановку людей я вообще не вмешивался. Звеньевому видней.

Должен сказать и о таком «нюансе». Хотим мы того или нет, в бригадах часто существуют микрогруппы, обычно складывающиеся по профессиям — плотники, каменщики, — и так называемые неформальные лидеры. Как поступать в таких случаях бригадир? Не нужно бояться «покушений» на бригадирский авторитет, видеть в этих лидерах соперников. Они способны стать хорошими союзниками. Тем более что многие рабочие действительно во многом сильней бригадира — лучше монтируют, варят, ведут кладку. Авторитет неформальных лидеров должен стать помощником бригадира, работать на общую цель. Я, например, поступал очень просто: звеньевыми назначал обычно именно таких рабочих. Пусть доказывают право на лидерство не в пустяках, а в серьезном деле...

Главное в самоорганизации — каждый должен знать свой маневр. Для этого есть все условия, когда звеньям выделены постоянные участки, долгосрочные планы работы. Если на каком-то месте назревает остановка из-за перебоев в снабжении — переходит на другое, маневрирует, не паникует, не жалуется бригадир, что звену делать нечего. Работа на стройке есть всегда.

Что же остается на долю бригадира? Бригадирская подготовка производства. Ведь в подготовку инженерную многие вопросы не входят. Бригадир обязан знать не только, что и как должен делать коллектив, но и как он будет жить. Бригадир отвечает за создание нормальных условий труда, за питание людей, доставку на работу, обустройство бытовок, — словом, обеспечивает надежные «тылы».

...Никакими проектами организации работ, никакими даже самыми умными и грамотными указаниями руководителей нельзя предусмотреть всех ситуаций, которые ежедневно возникают на стройплощадке. Дело и в другом, чего греха таить: все ли эти проекты, решения, указания мы можем считать истинно хозяйскими? Думаю, не ошибусь, если скажу, что немало указаний весьма далеки от того, что рабочие подразумевают под хозяйским отношением к делу. Сейчас мы имеем право об этом говорить, потому что на собственном опыте бригады начали познавать механизм хозяйственного расчета, начали убеждаться в том, что никакие руководящие указания не могут заменить рабочий хозяйский взгляд на материальные ценности, которые создаем.

Видимо, для руководства хозрасчетные принципы все же более абстрактны, чем для бригады. К примеру, всем строителям известно, что только правильная технология строительства требует наименьших затрат труда, материалов. Но сколько раз мы видели, как эта технология нарушалась, кромсалась вопреки здравому смыслу. А вот как раз здравый смысл рабочего коллектива не позволял нам нарушать технологию на своем объекте. Потому что это противоречило не только принципам хозрасчета, это было невыгодно и для нас: кому интересно дважды делать одну работу или выполнять ее вручную, когда есть механизмы? В бригаде было правило: не перекрывать этаж здания, пока на нем не выполнены все работы, вплоть до уборки мусора. Всегда помнили поговорку: «Дважды делает ленивый, дважды платит скупой». Здесь тоже есть существенная деталь: мы при подряде поставлены в такие условия, когда бригада оказывается невыгодным как раз то, что невыгодно и государству.

На поиски кратчайших и простых путей, ведущих к цели — сдаче объекта, — направлена бригадная предприимчивость. Ведь практически на любом рабочем месте можно проявить хоть минимальную изобретательность: всегда есть способы сократить сроки, сэкономить средства. Самоорганизация и

предприимчивость коллектива позволяют бригадиром исполнять самую ответственную обязанность — принимать решения, автоматически оценивая при этом силу бригады.

Однажды мне предложили за год сделать очистные сооружения мясокомбината. Срок малореальный — обычно они строятся по три года. Но город не мог ждать столько времени. И я согласился, хотя знал — нам не осилить задание, если бригада не придумает что-то принципиально новое. Но я знал и другое: не может быть, чтобы бригада не придумала.

В бытовке развесил чертежи, обратился к рабочим — изучайте, думайте, предлагайте. Срок на раздумья — месяц. Положение — критическое. Декабрь, снег, мороз... В таких условиях начинать бетонирование резервуаров — гиблое дело.

В январе собрались еще раз, посмотрели, кто что придумал. Предложений было много; выделю главное: плотники предложили сделать нижнюю конусную часть резервуаров на поверхности, а потом кранами спустить в котлован. Дело небывалое в строительной практике. Но именно это нас спасло. Многие потом удивлялись: «Как вы додумались?» Мы отвечали, что таково наше правило — не кто кого перебегают, а кто кого передумает.

Риск, конечно, был. Но кто не рискует — тот не выигрывает. Разумеется, риск должен быть с расчетом: надо проиграть в уме возможные варианты, постараться предвидеть трудности.

...Бригадирские стратегия и тактика многообразны. Трудно даже перечислить круг вопросов, часто не предусмотренных никакими инструкциями, с которыми приходится сталкиваться бригадиром. Такая уж должность... Впрочем, может, никакая не должность, а особый талант, призвание? Прежде всего бригадир — профессия, специальность, как всякая другая. Однако так получилось, что этой массовой профессии нигде не учат. Нет ни соответствующих ПТУ, ни техникумов, ни тем более институтов. Откуда же появляются бригадиры?

Мне кажется, главнейший «университет» бригадиров — сама бригада. Несколько лет назад мы из своей бригады выдвинули на должность бригадира в новом коллективе коммуниста Михаила Гуню. Вместе с ним отпустили 13 опытных монтажников, чтобы легче было молодому бригадиром поначалу. А теперь у нашего воспитанника — два ордена Ленина. Всего же из моей бывшей бригады стали бригадирами пятнадцать рабочих. Убежден, что каждый бригадир должен подготовить к бригадирству трех-четыре человек — только тогда он оправдывает свое звание. Эти люди должны стать опытными профессионалами, умеющими самостоятельно решать сложные задачи и передавать накопленный опыт из рук в руки. Они должны организовать дело лучше, чем в старой своей бригаде.

Вместе с тем подготовка в бригаде не всегда достаточна. Чтобы восполнить этот пробел, существуют бригадирские курсы. Но, к сожалению, занятия на курсах часто оторваны от реальной жизни, учебные пособия малопонятны и потому неэффективны. Стоит подумать над тем, как нам создать свой, особый «институт бригадиров». Создать популярный, доступный учебник по специальности бригадира. Привлечь опытных бригадиров к работе в профтехучилищах, техникумах, чтобы уже на этой стадии обучения отыскивать и пробуждать таланты будущих организаторов производства. Время требует самого серьезного и всестороннего подхода к подготовке бригадиров.

...Я не считаю, что высказал все о бригаде и бригадире — тема поистине необъятна. Не считаю также, что всегда и во всем абсолютно прав. Но надеюсь, что бригадиры продолжают этот разговор.

Виктор МУХА,
корреспондент черниговской газеты «Комсомольский гарт»

ЖЛОПОТЫ

РАССКАЗ О КАВАЛЕРЕ ЗНАКА ЦК ВЛКСМ «НАСТАВНИК МОЛОДЕЖИ» А. И. ШАЦКОМ И «НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫХ» ЕГО ЗАБОТАХ, КОТОРЫЕ СТАЛИ ПОТРЕБНОСТЬЮ ДУШИ

Ехали за ежевикой. Пока выбирались из сонного, почти безлюдного города, пришлось поторчать под несколькими светофорами. Но вот остались позади и древний Вал с золотистыми куполами соборов и двенадцатый — еще петровских времен — пушками, и несколько хмуроватые корпуса силикатного завода, и дачные участки близ Пролетарской дубравы.

— Интересно знать, Вася, вам там, на комбинате, не икаетесь? — расслабившись за рулем, спросил Шацкий у сидящего на заднем сиденье Калиты.

— В смысле?

— В прямом. Мы уже второй месяц еле-еле план вытязываем. А все потому, что в цехе стало как на вокзале. Готовите вы новичков, а они словно через сито просеиваются.

Что мог ответить тестю молодой мастер производственного обучения созданного при объединении «Черниговский радиоприборный завод имени Ленина» учебного комбината?

— Не вам объяснять, хороший токарь может, как минимум, через два-три года работы состояться. А мы учим четыре-шесть месяцев... Ну, и, безусловно, у нас не театральные институты. По полсотни человек на место не претендуют.

По крыше машины, в стекла застучал дождь. Сначала неуверенно, как будто с лентой, а затем все настойчивее... Прошло уже четверть века, а Шацкий хорошо помнил утробную, в замасленной кепке мастера, который подвел его к станку, не совсем разборчиво объяснил задание и, полон хлопот, куда-то удалился. Заготовка упрямо «не хотела» приобретать нужную форму. Мастер перед окончанием смены вновь подошел к новичку, увидев шесть сломанных резцов, закричал: «Да это же, знаешь-понимаешь, месячный лимит! И что вам только в ремесленном, знаешь-понимаешь, в головы вдальблывали? Выкручивайся теперь, как сможешь!..»

— А все ли хорошо обдумал? — спросил парторг цеха Михаил Макарович Кияшко, когда Шацкий сказал ему о своем желании сформировать и возглавить бригаду новичков. — В жизни ведь так, неосмотрительность выезжает верхом, а возвращается пешком.

Они беседовали долго.

...Вообще все это — текучесть кадров, качество пополнения, адаптация новичков — Шацко могло и не волновать. Тогда, в 1977-м, он уже имел репутацию одного из лучших на предприятии токарей. Зарабатывал, естественно, прилично. Доверяли ему новичка — поручение выполнял усердно. А что касается общецеховых, заводских проблем...

Беседа вышла обстоятельной, удовлетворены остались оба.

Через несколько дней в цехе вывесили приказ о создании бригады Шацко. Из пяти включенных в нее молодых токарей четверо были недавними выпускниками учебного комбината.

В те дни Шацкий слышал разное. «Тебе, что, больше всех надо? — недоумевали одни. — Забот и так полон рот. Семья, учеба в вечернем техникуме...» «Смотри, Андрей, как бы не опростоволосился», — предостерегали другие.

Прошел лишь год, а бригаду Шацко уже начали ставить в пример на

различных районных, городских и даже областных совещаниях, упоминать в местной печати. Путь к успеху, казалось бы, не был извилистым и трудным. Уже в первый месяц работы коллектив выполнил плановое задание. Не случилось провалов и позже. Однако ссылаясь лишь на такие факты — все равно что смотреть на землю через иллюминатор летящего самолета. Скрадывая детали, высота становится искусным ретушером.

Было и другое.

Заметнее всего на качестве работы сказывалась неопытность ребят. Чем больше старался, в частности, Яша Ушанков, тем, как это ни странно, плачевнее иногда оказывались результаты. Андрей Иванович, сохраняя спокойствие, принимался анализировать причины брака, объяснял, что к чему не только «отличившемуся», а и другим членам бригады — чужие ошибки учат тоже. Он не терпел любителей «ярлыков». Появится в цехе новичок, и, ожидая, через несколько дней чей-то наметанный глаз заметит в нем, к примеру, нерасторопность. В другом «откроют» леность, в третьем — безразличия. Нет, Шацкий никого не склонен идеализировать, но зачем делать поспешные выводы, когда молодой человек попадает в незнакомую обстановку и только начинает осваиваться? К примеру, у Володи Полковниченко, когда он после учебного комбината пришел в цех, дела на первых порах обстояли хуже не придумаешь. Мастер заявлял даже: «Должен кто-то из двоих остаться. Или я, или Полковниченко. Третьего не дано...» А когда Володя уходил в армию, вручили ему в объединении за хорошую работу и грамоту и денежную премию. Такие вот метаморфозы!

...Был день зарплаты. Заглянув после работы домой, Андрей Иванович поспешил вскоре в универсам «Сиверский» за подарками к 8 Марта. По дороге, возле пивбара, и встретился ему Яша. В компании беззаботно настроенных, с уже порозовевшими лицами парней.

Ушанков явно ступсывался.

— А вы, Андрей Иванович, где-то здесь живете?

— Почти рядом, — кивнул головой в сторону расположенной напротив пятиэтажки и не без иронии добавил: — Живописная, должен признать, картина открывается.

Восприняв реплику бригадира как укор, Яков внутренне съехидился. Но Шацкий читал нравочный не любил.

— Какое сегодня число?

— Ну, седьмое марта. А что?

— Праздник, как говорится, на носу. О подарках матери и сестренке уже побеспокоился?

— Успеется...

— Не скажи... Я вот что предлагаю: может быть, сейчас вдвоем этим и займемся?

Не без колебаний и сожаления, но со своими событульниками Яша тогда попрощался. А через много дней, будучи уже в армии, вспомнил об этом случае в одном из писем: «Видели б, Андрей Иванович, как мать тогда обрадовалась. Спасибо вам!»

С особой заинтересованностью следили за становлением коллектива в парткоме и комитете комсомола объединения. Надеялись, что Шацкий сможет преподать хороший урок работы с молодым пополнением. К тому же

Андрей Иванович и его воспитанники решили работать на один наряд.

Михаил Ильющенко, к примеру, раньше более чем на восемьдесят процентов сменные нормы не выполнял. А в бригаде быстро почувствовал — трогается лед. Почему? Ну, во-первых, проблема выгодной и невыгодной работы исчезла. В бригаде все заинтересовались конечным результатом. Во-вторых, что-то не получается — Андрей Иванович без совета не оставит. А наука не в лес ведет, а из леса выводит.

На пользу делу пошло и предложенное Шацким одно нехитрое нововведение. Он добился, чтобы не члены бригады были закреплены за станками, а наоборот. Что это дало? Раньше нередко случалось: выполнишь какое-нибудь задание, а до окончания смены почти час. Вроде бы и есть время за другую работу взяться. Однако пока с чертежами разберешься, станок настроишь... Вот и начинаешь взвешивать: стоит ли овчинка выделки? Когда же на твоем рабочем месте в другую смену товарищ по бригаде трудится, ситуация меняется: ты начнешь — он закончит.

— Яша? Вот это сюрприз!

Да, на пороге его квартиры стоял Яша Ушанков.

— «Дембильнулся» из части в числе первых, а домой приехал вчера. И вот решил вас, Андрей Иванович, навестить. Примете снова в бригаду?

— О чем речь! Все будет, как и договаривались.

— А что в бригаде?

— Нового? Мишу Масляного опять депутатом райсовета избрали. У нас теперь четыре коммуниста. Миша Кобец цеховую комсомольскую организацию возглавляет, Сергей Ольховик — участка, Миша Ильющенко — бригадую.

— А чем, интересно, история с Виктором закончилась? Помните, вы писали...

— Пока — не сглазить бы — все в норме.

...На переводе в бригаду Шацко тридцатилетнего токаря Виктора С. начальник цеха не настаивал. Сказал только:

— Руки у него золотые. Однако к рюмке прикладывается. Отсюда и все беды. Пробовали с ним и по-хорошему и по-плохому, а толку никакого.

Новый коллектив Виктор вначале не подводил. Потом «сорвался». И не единожды. С прогульщиком строго разговаривали в отделе кадров. А право решения — увольнять или не увольнять — предоставили бригаде.

— ...И я считаю, что нянчились мы с ним предостаточно, — такими были заключительные слова на собрании первого выступающего. Его поддержали второй, третий...

А Шацкий считал иначе. Дважды он ходил к Виктору домой, беседовал с его женой. Появлялся: если бригада не вытеснит парня из «трисины», то жизнь он себе, вероятно, испортит окончательно. Но вмешиваться в ход собрания Андрей Иванович не спешил.

Не собиравшись выгораживать виновного и Леонид Косяк. Но разговор повел по несколько иному руслу.

— Здесь говорили о чести коллектива, о том, что всякое терпение может лопнуть. Правильно? Конечно. Но я на собственном опыте знаю, что это такое — без отца расти. Его, кстати, вода и сгубила.

ЭПИЦЕНТР АКТИВНОСТИ

**Геннадий ВОЛОДКОВИЧ,
бригадир
комсомольско-молодежной
бригады
Вильнюсского завода
радиокомпонентов**

Если бы сейчас я подрядился поподробнее изложить биографию Геннадия Володковича, бригадира комсомольско-молодежной бригады Вильнюсского завода радиокомпонентов, то вряд ли удивил бы его читателя. Это еще молодой человек, родившийся в Вильнюсе, в семье рабочего, 31 год тому назад. Учился в школе, в 16 лет пришел на завод. Сначала трудился учеником слесаря, потом слесарем, стал и сварщиком. Мы должны отметить, что в 1967 году Геннадий вступил в комсомол, а с 1972 года он член КПСС. И вот года полтора тому назад ему был доверен штурвал комсомольско-молодежной бригады. И здесь, поддавшись первому впечатлению, мы бы должны воскликнуть, что бригадирство продвигается в общем-то удачно. Парни до апреля прошлого года справились с пятилетним заданием — этим законно гордятся и члены бригады и сам бригадир.

Значит, жизнь почти идеальная, без кочек, зигзагов, тупиков?..
Но давайте остановимся.
И не будем торопиться.
И давайте уточним.

Что называть «кочками и зигзагами»?

Недостатки в работе? Неприязнь друг к другу? Споры?

А может быть, минуты и часы, когда человек в раздоре с самим собой? Когда в своей должности — бригадира и рабочего — натывается на такие конфликты, которые не позволяют сомкнуть глаз в тяжелый сумеречный час перед восходом солнца, которые заставляют трудно и тяжело искать ответы на вопросы, что ставят жизнь, повседневная работа сварщика пятой категории, руководителя комсомольско-молодежной бригады?..

Г. Володкович. В нашей бригаде 17 рабочих. Работа очень интересная, каждое изделие новое, отличающееся от предыдущего. Среди них есть, я думаю, и уникальные — помогали строить даже новую вильнюсскую телебашню. Значит, обычные, повседневные операции (сварка, слесарные работы и др.) реализуются по-разному. А это, между прочим, требует постоянного самоконтроля, совершенствования каждого члена бригады или, короче говоря, все более зрелой, качественной работы, постоянного творчества...

Вот далеко не полное перечисление того, что мы делаем. Это и тельферы (специальные подъемные краны) для цехов завода, стеллажи, верстаки, металлические несгораемые шкафы и шкафчики, металлические ящики — тары для готовой продукции завода, ванны для гальваников (кстати, это самое любимое мое изделие), сушильные шкафы, оборудование, некоторые детали для станков...

Здесь вы говорили о бесспорных вещах. Кто же лучше, чем вы сами, может оценить ваш повседневный труд! Но мы должны поближе подойти к конкретной теме — «Бригадир».

Г. Володкович. А я думаю, что все время мы только об этом и говорим. Работа на нашем участке не конвейерная. Значит, каждый свою операцию мог

бы делать и сам по себе. Но нет — мы объединены в бригаду, в коллектив. И это не только производственная необходимость, но и человеческая. Ведь человек — существо коллективное (я думаю, что к этой мысли мы волей-неволей будем возвращаться еще не раз). Значит, раз уж мы являемся первичным звеном трудового коллектива, то должны быть, ну, если и не большим симфоническим оркестром, то и не менее чем слаженным камерным ансамблем. И если хотите, бригадир — руководитель, дирижер такого ансамбля. Он обязан слышать каждый диссонансирующий инструмент, вовремя уточнить его партию — если можно, без остановки ансамбля, а если нет, то и заново начать исполнение...

Вот пример, иллюстрирующий мои соображения. Не так давно мы изготовляли станок для производства металлических угольников. Работали вдвоем — Гинтас Маркаускас и Пранас Пятренас. Одна из важнейших операций — высверлить отверстие. Гинтас сверлил неточно, я бы сказал, «непунктуально». Пранас это заметил — хорошо, что не слишком поздно. Вместе с Пранасом еще раз объяснили Гинтасу, что перед сверлением необходимо очень точно разметить деталь, что надо бы повнимательнее обращаться со сверлом. Все это происходило, так сказать, «в рабочем порядке», мы старались не отвлекать других товарищей по бригаде. Но все время чувствовали, что и они следят за этим рядовым уроком, что и их случай волнует. Мне кажется, что вот так мы и совершенствуем друг друга, учимся все больше уважать и свой труд и труд коллектива...

И в этом особенность вашей бригады?

Г. Володкович. Одна из самых важных особенностей нашей бригады — то, что у нас как бы две довольно сильно отличающиеся категории рабочих. Одна — кто уже имеет зрелый, солидный опыт, знатоки своего дела. Ну, а другие — молодежь. Вот тут-то и кроется самая серьезная проблема, которую я для себя и выделил уже в первые месяцы своего бригадирства. Пусть, в общем, она и не нова, но для нас архиважная. Нужно добиваться того, чтобы мы играли не каждый сам по себе, а чтобы у нас более крепкий рабочий помог тому, кто послабей, и чтобы последний, в свою очередь, был бы всячески готов перенять опыт старших товарищей.

Можно ли назвать конкретные фамилии?

Г. Володкович. Есть у нас в бригаде такие товарищи, как Франц Довгяло, Феликсас Гутаускас, — эти постарше; Ионас Янелюнас, Тадеуш Клемента — эти комсомольцы. Именно их я назвал бы людьми, на которых молодым можно и нужно равняться. А таким, как Витаутас Сербента, необходимо у них учиться, догонять их. Так я бы, пожалуй, смог на две группы разбить почти всех членов бригады. Так вот — две группы. Но от того, сможет ли бригада работать в едином стиле, от того, насколько цельным монолитом будет выглядеть, зависит все. Где, как, когда учиться — сегодня уже не проблема. Я сам закончил университет марксизма-ленинизма, а сейчас к тому же посещаю курсы усовершенствования бригадиров при нашем заводе. Вообще учеба — это вопрос вопросов. Я уже упоминал фамилию комсомольца Гинтаса Маркаускаса. Так вот, этот парень никак не мог сдать экзамен и получить более высокий разряд. По-моему, ему не хватало теоретических знаний, хотя практические навыки

и были. И вот эта личная его проблема стала проблемой всей бригады. Особенно много Гинтасу помогал Пятренас — занимался с ним, пояснял теоретические сложности нашего дела. И сегодня у Маркаускаса уже более высокий разряд.

Ну, а бригадир должен и поощрить и наказать...

Г. Володкович. Вот-вот, поощрить или наказать... Ведь не бывает одинаковых людей — каждый чем-то силен, чем-то слаб. А работать мы обязаны так, чтобы на качество изделия не повлияло ни самочувствие любого из нас, ни настроение. И вот один из методов влияния на человека — «поощрить или наказать». На нашем заводе практика такова, что я как бригадир имею вместе с мастером определенный фонд премирования, который могу распределить по своему усмотрению. В прошедшем году, когда с выполнением плана у нас было все благополучно, эта сумма составила около 350 рублей. Их мы заслужили за неплохие результаты в социалистическом соревновании среди комсомольско-молодежных коллективов. И вот особенно в первые месяцы бригадирствования я чувствовал как бы ухмылочку некоторых рабочих постарше, может быть, определенное их недоверие к моим решениям. Честное слово, тогда, как и сейчас, я изо всех сил старался распределить деньги как можно честнее, объективнее, учитывая все, что можно учесть. Но мне кажется, что такие сложности переживает любой руководитель, когда он начинает свою работу. Может, только молодому человеку это больнее, глубже врезается в память. Главное здесь — не поддаваться ложным амбициям, не спешить, не переопределить легковесной, незлобной насмешки, не перепутать ее с искренним и обоснованным недовольством; и нужно очень тщательно и постоянно себя контролировать — может быть, строже и тщательнее, чем самый яркий недоброежелатель. И в конце концов не только в деньгах тут дело. Ведь человек очень чувствителен к оценке своей работы.

Со временем я убедился и в том, что наказывать человека не так-то легко даже в том случае, если он поступил абсолютно неправильно. Наш товарищ по бригаде — назовем его Х. — отпросился с работы на два дня по уважительным личным причинам. А отсутствовал три. По правде говоря, особых бесед с ним не вела — и так все понятно. Но премии лишили. Процедура, должен сказать, пренеприятнейшая. И я искренне рад, что таких случаев за время моей бригадирской практики было очень немного. Между тем существенной частью наказания стало и немногословное, но явное порицание других членов бригады. Ведь прогульщика надо было подметить, появилась серьезная угроза завалить одно задание... Но мне кажется, что Х. все понял. И что работает он не только за деньги, но и за совесть. Наказание он перенес по-мужски, твердо и серьезно, я бы даже сказал, солидно. Значит, этот конфликт выявил и некоторые положительные черты его характера...

Тут мы и подошли к одной из сложнейших, а вместе с тем и интереснейших функций бригадира. Но, может быть, не станем толковать о ней с помощью общих слов, а попытаемся сделать следующим образом. Сначала было бы интересно узнать, как, на ваш взгляд, члены вашей бригады оценивают бригадира, какие черты они хотели бы видеть в этом руководителе? Затем уточним и следующее: каким видится идеальный бригадир руководству вашего цеха?

И в следующих выступлениях говорили уже в первую очередь о том, все ли средства воспитательного воздействия исчерпал коллектив? Решили: не все. Надо бороться за человека.

...Многое произошло в бригаде, пока Ушанков служил в армии. Шацкий всегда считал: пусть производственные показатели будут даже рекордными, но если за проходной интерес друг к другу теряется, о настоящем, сплоченном коллективе говорить не приходится. Всей бригадой и ездили, например, в пригородное село, чтобы поздравить Мишу Кобца и его невесту. Когда вручали общий подарок — радиолу, какая-то из женщин заметила:

— В городе, сестра рассказывала, нынче так: не только в одном доме, в одном подъезде живут, в одном лифте ездят, а как величать всех соседей — не ведают. А эти, видите, какие!

«Раскучивалась» рабочая неделя. Приоткрыв дверь в кабинет начальника цеха, Шацкий увидел его разговаривающим — и на довольно высоких тонах — с кем-то по селектору. Лозбень жестом пригласил бригадира войти, показал на стул.

— Широкий Петр у тебя работает?
— Есть такой, — ответил Андрей Иванович.

— И какое у тебя о нем, Широком, сложилось мнение?

— Претензий серьезных не имею. Башковитый парень.

— А знаешь, что в пятницу, когда ты был в отгуле, случилось? Надо было на срочной работе нескольких человек задействовать, так он, представ себе, «торговлю» устроил.

— Это за ним наблюдается — острый, как перец, — подтвердил Шацкий. — Но неужели так и не послушался?

— Не проверял — другие заботы отвлекли. А тебя прошу: разберись.

Разобрался: бурчал Широкий. Бурчал, а дело сделал. Своевременно и, как всегда, на совесть.

Впрочем, Петра Андрей Иванович все-таки пожурил. Правильно, конечно: с перцем иль не с перцем — лишь бы с добрым сердцем. И дисциплина, понятное дело, есть дисциплина. А тут еще на участок принесла мать, от утвержденный график очередных отпусков.

— В передовиках ходишь, план вытаскиваешь... А в отпуск, значит, в феврале. Как же это называть? Благодарностью? — высказывал Шацкому недовольство один из парней.

Пришлось проводить собрание бригады. Твердо сказать: исключительных у нас нет.

А разве мало хлопот предтоит с Игорем Зоценко? Паренек, прямо надо сказать, разбалованный. Дошло до того, что из дневной школы исключили. Совсем, как признавалась мать, от рук отбилась. Она и попросила Шацкого принять сына в свой коллектив.

И хотя в то время в социалистических обязательствах бригада записала: производственную программу одиннадцатой пятилетки выполнить за четыре года, — парня решили взять. Кстати, в тех же обязательствах одобрили и пункт о шефстве над девятым классом одной из школ.

А прежде чем предложить ребятам взяться за это дело, Андрей Иванович мысленно возвратился в то — теперь уже далекое — воскресное утро. Вспомнил разговор в «Жигулях», как бы увидел серебряные нити неожиданного ливня и радующую взгляд чистоту горизонта, к которому — убежден — всегда и без усталости надо стремиться.

Г. Володкович. Вопрос, если не обидитесь за такое определение, с хитринкой, но тем не менее не новый. Поэтому тут не избежать некоторых условностей.

Думаю, что мои друзья на посту бригадира хотели бы видеть человека, хорошо знающего свое дело. Они уверены, что бригадир должен быть и в какой-то мере личным другом — это, я твердо уверен, особенность только бригадирской должности. По мнению многих, особенно молодых рабочих, бригадир должен быть их первым и самым последовательным защитником от всевозможных напастей. И от старших рабочих, которые умеют иногда так позубоскалить, что даже слезу выдавят; и от экономиста-плановика, который, бывает, и без умысла так напугает, что только руками остается разводиться; и от бюрократа, который никак не хочет спуститься со своих бюрократических высот на землю; и от снабженца, по вине которого иногда приходится простаивать... Ну, и, конечно, бригадир должен быть защитником... и от самого бригадира. Ведь и я сам человек, очень даже способный ошибиться. А с точки зрения комсомольско-молодежной бригады бригадир должен быть человеком, которому близки и понятны интересы молодого человека — его увлечения в свободное время, разумеется, в какой-то мере и его личная жизнь. Конечно, по правильному мнению членов бригады, меня в определенной степени должно заботить и такое непростое понятие, как социальная будущность бригады — кому необходимо учиться, кому действительно из-за сложных семейных обстоятельств надо уделить побольше внимания и т. п.

Разумеется, несколько иначе — я уже успел в этом убедиться — человека, занимающего пост бригадира, оценивает руководство цеха. Но опять же первая черта — та же. Чтобы это был специалист серьезной квалификации. Во-вторых, чтобы имел в бригаде авторитет, то есть чтобы управлял бригадой, а не наоборот... И третья особенность, которую, думаю, каждый начальник цеха хотел бы видеть в своем бригадире, — это надежность. Чтобы на этого человека можно было положиться во всех ситуациях!

Прекрасный восклицательный знак. И мне кажется, что вам удалось выразиться достаточно лаконично. Говорят, что выражение лица человека может иметь около 20 тысяч вариантов. Не менее, видимо, и черт характера. А вы «уместились» в какие-нибудь шесть особенностей. Но заметили ли вы сами, что упоминали достаточно разные и где-то даже противоречивые оценки? Не означают ли эти несовпадения, что вы иногда попадаете как бы между нескольких огней, когда поступаете не так, как от вас ожидается? Бригада (а здесь люди и постарше, и помоложе, и каждый со своим характером) — между прочим, очень молодая и поэтому непосредственная; или не так, как надеется руководство — требовательное и строгое; или же не так, как требуете от себя вы сами — самый строгий и бескомпромиссный судья себе?..

Г. Володкович. Отвечая на этот вопрос, я должен рассказать одну конкретную историю.

До сих пор, кстати, не могу сам себе окончательно ответить, каким должен был быть правильный выход в ситуации, которая то и дело повторяется. Довольно часто ребята нашей бригады отвлекаются на подсобные работы, которые нам не положено выполнять ни по специальности, ни по квалификации. Часто из-за этого спорю с руководством цеха да и перед коллективом бригады не скрываю своего мнения о том, что нас отвлекают от непосредственной работы из-за неудовлетворительной организации труда, бывает, что и из-за недостаточного уровня механизации. Конечно,

здесь проще и легче всего встать в позу такого «обиженного», «непонятого» и уйти в «глухую защиту». Но мне кажется, что каждый раз мы обязаны оценивать ситуацию очень конкретно, имея в виду все обстоятельства. Так вот, в тот раз мы должны были срочно погрузить готовую продукцию нашей бригады в машину. Мы не бригада грузчиков. А вот в этом конкретном случае мы обязаны были грузить — я в этом уверен, — да и времени не так уж много и потеряли бы. Тогда простаивал грузовой. А где-то очень ждали наше изделие. Я пригласил ребят к этому делу, а они... отказались. Я растерялся. Но поступил так, как мне подсказал первый импульс. Спокойным тоном заявил, что в таком случае пойду и буду грузить один. Так и поступил. Начал погрузку, а через несколько минут почувствовал, что рядом становятся мои друзья... Поверите — сглотнул вдруг появившийся в горле комочек...

Тут я должен отметить еще два обстоятельства. Ведь последние, кто подошел к грузовику, были самые опытные рабочие бригады, самые сильные специалисты. Значит, как бригадир я должен добавить, что именно самые «ценные музыканты» больше всего дорожат своим рабочим временем, профессией. Но, с другой стороны, именно они в определенном смысле и наиболее индифферентные личности, которых не так уж легко расшевелить.

Вы показали один из конфликтов, которые возникают во время работы...

Г. Володкович. Нет. Этим примером я хотел показать, как важно, чтобы люди бригады в принципе имели одинаковые критерии оценки человеческого труда. Чтобы так или иначе, но они реализовывались бы.

Мы уже говорили, одна из моих обязанностей — и как коммуниста и как бригадира — добиваться, чтобы производственные задания выполнялись быстрее, качественнее. Ну, хотя бы производство тех же ящиков под тару. Однажды мастер распределил работу в бригаде так, что одну операцию доверил рабочему У. Но мне казалось, что резоннее было бы, если бы ее выполнял Вацлавас Кайрявичус — уж очень разнится квалификация этих ребят. Спокойно посоветовались с мастером, с товарищами по бригаде и действительно, перераспределив обязанности, увидели, что качество изделия безупречное, работа была выполнена быстрее. И такой случай не единичен. Но...

Давайте возьмем такую понятную и ясную каждому ситуацию. Предположим, рабочий нашей бригады — назовем его Н., — молодой, бойкий паренек с творческой жилкой, изготавливает верстаки. Норма за рабочий день — один верстак. Он очень старается и пять верстаков изготавливает за четыре дня. Скажете — вот и прекрасно, вот и хорошо? И я так думаю. Но то-то и оно, что я, как бригадир, да и руководство цеха не сможем на один сэкономленный день предоставить для Н. работу, соответствующую его квалификации. Наконец, так же хорошо оплачиваемую, как изготовление верстаков. В таком случае наш Н. не очень-то будет заинтересован в реализации своих способностей. Потому что, к сожалению, не всегда его и им же сэкономленное время нужно цеху.

То есть в повседневном труде мы — как первичный рабочий коллектив — встречаемся с тем, что наши усилия сделать свое дело эффективнее, быстрее, наконец, наши попытки искать рационализаторские новшества не всегда имеют конкретную перспективу.

Вот где возникает конфликт в самом бригадире. Ведь я должен этого Н. по-всякому поощрять, чтобы он сделал свои верстаки за четыре дня. Но мы оба понимаем, что в оставшийся день он будет, грубо говоря, подсобным рабочим или, во всяком случае, его высокая квалификация делу не понадобится.

Может быть, и такие вот вещи в

«Считаю... что необходимо повышать роль и авторитет бригадиров. Для работы на подряде они должны обладать более глубокими знаниями в области планирования, финансирования, хозяйственного права. Следует специально готовить руководителей низового звена. Во главе хозрасчетной, а тем более укрупненной бригады должен стоять высококвалифицированный, образованный рабочий, пользующийся авторитетом, умеющий правильно организовать труд, способный быть не только руководителем, но и воспитателем людей».

Владимир ЗАТВОРНИЦКИЙ,
бригадир строителей, Герой Социалистического Труда,
делегат XXVI съезда КПСС

повседневном производстве заставляю меня говорить о том, что с высоты разных должностей мы по-разному оцениваем личность бригадира. И иногда ох какие непростые конфликты возникают — ведь тебе в глаза смотрит твой товарищ, молодой рабочий.

Геннадий, я понимаю, что было бы банально спрашивать вас, какие все же слова вы находите в подобных ситуациях. Ведь если положение безвыходное, значит...

Г. Володкович. Нет, того, что положение без выхода, я не говорил и не говорю. Я размышлял о том, как в каждом таком случае трудно найти подходящие слова для самого себя и для человека, который смотрит на тебя — на самый большой для рабочего авторитет, — на бригадира. И ждет, что ты ему скажешь, что посоветуешь. И не вообще, не вокруг да около, а по существу. Сейчас же. В этот трудовой день и час...

Наша бригада — объединенная бригада слесарей и сварщиков участка нестандартного оборудования — пробует внедрить метод бригадного подряда. Пока мы очень внимательно изучаем, что да как, стараемся всесторонне оценить, как изменится наш труд, когда будем работать на одном наряде. Ведь тогда придется создать совет бригады — я думаю, из пяти человек. И по

окончании каждого рабочего дня совет будет оценивать личный труд каждого рабочего определенным баллом. В конце месяца станет ясно, как трудился каждый из нас. По труду — и оплата. Самым большим преимуществом этой системы, на мой взгляд, будет то, что коллектив сплотится еще сильнее, потому что каждый из нас станет отвечать за каждое изделие. Мы будем обязаны еще больше учиться, чтобы квалификация у всех была как можно ровнее. И опять же забота каждого будет компетентность товарища.

Парень немного набекрень нахлобучил шапку, обмотал шею шарфом, улыбулся в усы, закрыл за собой дверь редакционной комнаты, в которой мы беседовали.

Завтра утром в раздевалке он опять оставит свою щеголеватую шубейку, опять возьмет в руки электродный держак. И опять станет бригадиром. Личностью, которая является рабочим, но уже находится на первой ступени пирамиды управления. Личностью, болеющей проблемами производства, полной жизни, полной негибкой и твердой решимости поступать так, как это диктует требовательная и ничего не прощающая совесть потомственного рабочего.

Беседу вел Яковас ШАДЯВИЧУС.

АНКЕТА «СМЕНЫ»

1. Ваш рабочий стаж?
2. Где и как, по Вашему мнению, следует готовить бригадиров?
3. Каковы наиболее распространенные ошибки начинающих бригадиров?
4. Что, на Ваш взгляд, лучше — когда бригадиром становится член бригады или человек со стороны?
5. Хотели бы Вы, чтобы Ваш бригадир был Вашим личным другом? Или только руководителем?
6. Бригадир — это обязательно лучший мастер в коллективе? Или важнее другие достоинства?
7. Самый запомнившийся поступок Вашего бригадира? Тот, которым он сразу заставил себя уважать или, наоборот, оттолкнул?
8. Приходилось ли Вам работать с идеальным, на Ваш взгляд, бригадиром? Если да — назовите его. Расскажите о нем.
9. Каких черт не должно быть у бригадира? Без каких человеческих качеств работник не может стать бригадиром?
10. Какую роль в жизни Вашего коллектива играют совет бригады, комсомольская группа?
11. Надо ли пересмотреть или дополнить круг обязанностей и прав бригадира?

Если хотите, назовите свою фамилию, специальность, предприятие, на котором работаете.

Если Ваши ответы на вопросы не укладываются в размеры анкеты, ответьте письмом.

НАВСТРЕЧУ VII СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА

О ней—о новых талантливых произведениях литературы и искусства говорилось с трибуны XXVI съезда КПСС. И в мощи этого прилива советские литераторы вложили немало сил. Им есть о чем с гордостью говорить на своем седьмом съезде. Есть о чем и задуматься—конечно же, в первую очередь о литературной смене. Ведь ей вышла доля столь же почетная, сколь и трудная—продолжать традиции нашей, русской и советской, литературы.

Право на слово. Право на дебют. Именно с этих позиций следует понимать глубинную суть известного постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». С позиций требовательности и ответственности молодых прозаиков и поэтов перед читателем—перед народом. Ибо тропинка в литературу ставится широким путем только у тех, чье перо пьет живая жизнь.

Наблюдая сегодня приход нового поколения поэтов и прозаиков, с удовлетворением видишь, что крепнет и становится все более плодотворной одна из основополагающих, добрых традиций советской литературы—дружба комсомола и советских писателей. Эта взаимность вызвана самой жизнью.

Множество семинаров, совещаний, творческих командировок, постоянное внимание и молодая со стороны журналов и издательства ЦК ВЛКСМ—все это дало немалые конкретные результаты. А в журналах, в книжных сериях для молодых уже зазвучало о себе «племя младое», пока еще не очень знакомое читателям, но делающее уверенные шаги по пути в литературу.

«Приход нового поколения писателей,—говорил Георгий Марков в обращении к молодым,—ценен прежде всего тем, что они приносят в литературу образы и атмосферу своего времени». Сегодня можно радоваться приходу молодого поколения литераторов, принесших с собой новое, свое, ощущение жизни народной, видение и осмысление мира. Но нужно внимательно всмотреться в эту литературную поросль, осмыслить и понять ее, поддержать лучшее и перспективное, резко отсеять все проходное, поверхностное, бездумное и бездушное. Ибо всякое «чистописание» тормозит движение молодых к творческой зрелости. С трибуны XXVI съезда прозвучали требовательные, безусловно программные для нашего писательского корпуса—от мастеров до молодых—слова: «Важно здесь, конечно, добиваться того, чтобы актуальностью темы не прикрывались серые, убогие и художественном отношении вещи».

Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» закрепило достижения Союза писателей и комсомола в деле воспитания молодой творческой поросли—стало основой для стройной системы, новым импульсом. Оно—долговременная программа совместных действий советских писателей и комсомола в этом важном направлении. Ищущие свою тему, свое слово могут всегда рассчитывать на помощь в творческих поисках, если в основе их—стремление к гражданской дерзости мысли, к обретению активной жизненной позиции.

«Новое имя» — традиционная рубрика журнала, в которой мастера прозы и поэзии представляют читателям начинающих свой путь в литературу. За годы от VI до VII съезда писателей СССР на страницах «Смены» прозвучало 46 новых для читателей имен молодых поэтов и прозаиков. Многие из них стали постоянными авторами нашего журнала, а некоторых можно поздравить с первыми книгами.

Публикация в «Смене» часто становится для начинающего литератора мостиком к книге. В спецномере «Отрочество» (1979 год) мы познакомили читателей с рассказом шестнадцатилетней школьницы из Казани Майи Валеевой. Теперь же студентка Казанского университета Валеева стала автором книги «Повесть о черной собаке». За рассказ «Как помочь хорошему человеку» молодой кировский прозаик Анатолий Корсаков был награжден премией «Смены» 1980 года. И вот—первая книга рассказов о земляках-ветниках.

«Смена», как и другие молодежные газеты, журналы и издательства, стала постоянно действующей мастерской, где идет практическая работа над первыми пробами пера, где молодые получают уроки гражданственности и мастерства. Результаты этой работы ярко проявились в специальных номерах журнала: к VII Всесоюзному совещанию молодых писателей (1979 год) и «Молодая литература—XXVI съезду КПСС».

Третий год журнал ведет конкурс одного стихотворения «По моему Отечеству», в котором участвуют самодеятельные поэты: рабочие, студенты и школьники, инженеры, научные работники. Опубликовано более двухсот стихотворений авторов из всех уголков нашей страны. На фото—разворот со стихами первых победителей нашего конкурса: экскаваторщика из Москвы Виктора Смирнова-Фролова, шофера из Сургута Петра Суханова, инженера из Кирова Валерия Фокина. Все они по рекомендации «Смены» стали участниками VII Всесоюзного совещания молодых писателей. И вот уже вышла в свет первая книга стихов В. Смирнова-Фролова «Ковш».

Истинно творческое содружество связывает «Смену» с литобъединениями на крупнейших заводах и стройках страны. Страницы журнала всегда открыты для прозы и поэзии в рабочей сплцовке.

Поэтический мир Ольги Бирюковой сродни тем мирам в поэзии, двери которых распахнуты перед читателем настезь. Всякого рода инскажания, изощренность метафорических одежд, тайный смысл и символика не для ее поэтических регистров. Ей не от кого прятаться и нечего скрывать: вот что со мной происходит, вот как живу.

Значит, о себе — и только! — стихи Ольги Бирюковой? При всей обнаженности души, открытости текста не замкнулась ли она на сугубо личных переживаниях? Нет. Лирическая поэзия потому и читаема так на нашей земле, потому так любима, что поэты, изливая как бы лишь собственные чувства, выражают состояние многих и многих близких им по складу людей: отсюда у читателей и любящие стихи и любящие поэты.

Ольга Бирюкова с юга нашей страны, из Грозного. Она училась в метеорологическом техникуме, работала намотчицей трансформаторов, краповщицей, техником на метеостанции. Жила в Каменск-Уральске, Харькове, Киеве, Куйбышеве. Но где бы она ни жила, кем бы ни работала, она всегда ощущала себя прежде всего поэтом. Это ощущение, это понимание себя рано или поздно должно было привести к профессиональным занятиям литературой. Так и случилось. Сейчас она на пятом курсе Литературного института имени А. М. Горького. Выбор души сожмулся наконец с делом, которое для Ольги Бирюковой не очередная проба новой специальности и не временное увлечение, а именно выбор души.

Сергей ЧУПРИНИН

Город спит. Колышутся деревья.
Шторы ночи виснут на домах.
Чувствую, как медленно старею,
Как неумолима эта тьма.

Город спит и будет спать веками,
Каждым утром выходя из тьмы,
И другими, лучшими стихами
Кто-то скажет, как любили мы,

Как ловили шепот сонных веток,
Как, состарясь, уходили прочь,
Чтобы там, за линией рассвета,
Разгадать, осмыслить эту ночь.

Может быть, поэтому не спится
Мне, живой, в дремотности ночей,
Что колыхает сонные ресницы
Чей-то взгляд... Но я не знаю чей.

Ты хочешь,
Я расскажу тебе о том,
Как ночь приходит? —
Она похожа
На кошку черную с огромнейшим хвостом!

Едва касаясь мостовых, неслышно,
Как воробья, подстерегая день,
Она крадется. Огненную вспышку
Глаз-фонарей еще не разглядеть.

А хвост уже метет уцеляя улицы,
И окна-искры вслед за ним летят.
И вот уже проснулись, потянулись
По подворотням тысячи котят.

И город, настороженный, под крыши
Своих домов забился, затаился... —
Прыжок — и с неба падают неслышно
Пылающие перья воробья,

И капли крови медленно стекают
На горизонт, на сумерки окон...
А ночь лениво спину выгибает
И лижет шерстку влажным языком.

Ольга БИРЮКОВА

Я пришла сказать, что земля бела.
Я пришла сказать, что зима пришла.
И что белый свет так порочно чист,
Словно звон монет, словно смех в ночи.

Я тебя ждала, столько лет ждала,
Пока осень мне память не свила,
Пока осень мне из огня костра
Крылья белые не преподнесла.

Я к тебе пришла, чтоб тебе сказать:
Замела метель и в моих глазах,
Замела метель — нет дороги вспять!
Мне тебя теперь ни к чему терять.

Средь чужих потерь, средь чужих имен
Замела метель по стеклу времен,
Размотала шлейф — все белым-черно!..
Я пришла к тебе, как давным-давно.

Как века назад, как снега назад,
Что ж белым-бело у тебя в глазах?
Что ж душа бела, что земля бела?
Как же вышло так, что зима пришла?..

Сто вопросов, сто ответов,
Отчего бывает так?
Просто иней белых веток
Разметался по кустам.

Просто хочется немного
Теплоты и доброты.
Да ушла твоя дорога,
Белым инеем застыв.

Ну и пусть. Какое дело
До тебя и до меня
Этой зимой, этой белой
Неприкалности дня?

Я хочу дожидаться лета,
Чтобы солнце без конца,
Чтобы стерся с белых веток
Иней милого лица.

Погасло ощущение прекрасного.
Окончен день, и в ожиданье снов
Стоит окно — огромное и праздное,
Вмещающее будущую ночь,
И птиц, увитых сумеречной дремою,
И ветки, потерявшие листву...
Стоит окно — огромное, огромное!
Спокойно поглощая синеву.

Как будто кто-то вычерпал меня,
И ничего не спрячешь за душою!
И что-то неосознанно большое
Осталось позади снопом огня.
Еще глаза не свыклись с темнотой,
И все реально, близко, ощутимо...
А взгляд уже туманится от дыма,
Навевянного близкой пустотой.
Еще там что-то будет впереди,
И будет через новые потери.
Но облаков мятущиеся тени
Прольют мне в душу новые дожди.
И будут вновь, покуда я жива,
За днями дни дождями в сердце литься.
И оседать на белые страницы,
Переходя в обычные слова.

Анатолий БОЧИНИН

Хлеб

«Черт с ним, с горем, когда нагрянет!
Черт со мной и с моим искусством!»
А из рук моих выпал пряник,
И мне стало до боли грустно.
Нет, на хлеб не скажу я: «Черт с ним».
Перед ним не расслаблю нервы.
Пусть он будет хоть трижды черствым
Или черным, как в сорок первом.
Моя жизнь у огня не грелась
С равнодушием в паре.
Путь из детства в мужскую зрелость
Был размером в один сухарик.
Дух народа был тверже кремня.
С коркой хлеба за щами постылыми
Я голодный кусочек времени
Пережил наравне со взрослыми.

Мне кажется, что я не просто докер,
А самый настоящий Геркулес.
Гружу в порту, в родном Владивостоке,
И соль, и уголь, и муку, и лес.
Не выбираю грузы, что полегче.
Порою так прижмет, хоть умирай.
Взвалив судьбу тяжелую на плечи,
Держусь руками за Приморский край.

Мне стать сильным повезло.
Лишь бы только пыл не стих.
По-боксерски встречу зло:
Знай, мол, нас, детдомовских.
А придет беда — беду,
Что бумагу, сконкаю.
Я в поэзию иду
Не с пустой котомкою.
То печаль, то боль в груди.
То от мук бессонница.
«Жизнь — не поле перейти».
Жизнь с шипами. Колется.
Не она ли, не она
(Верю только в добрую)
То была ко мне добра,
То бросалась коброю.
Я рассматривал ее
Детскими глазницами,
Словно был поводом
У слепого нищего.

Утро брызжет настоем осени.
В тихой бухте ни бурь, ни волн.
В тихой бухте мы якорь бросили
Переждать циклон.
Лес как лес. Все знакомо вроде бы,
А понять вот не так-то просто —
За три тысячи миль от Родины
Чужеземный остров.
«Стоп, машина!» — и я нараспашку,
Не в поклон заграничным благам
Вместо робы надел рубашку
Одним цветом с флагом.
Серп и молот — основа истины,
Как цветок, дышит к миру завязью.
И толпа безработных с пристани
В мою сторону смотрит с завистью.
Жизнь — фрегат в кругосветном плаванье.
Съешь пуд соли морской, а там уж ты
Сам признаешь: нет лучше гавани,
Чем родная Россия-матушка.

Однажды в редакцию «Смены» пришел молодой человек и сказал: «Вот, принес вам стихи. Я в Москве проездом. Хочу еще зайти в «Огонек». Там фотокорреспондентом работает мой однофамилец. Может, он мой родственник, кто знает?»

Фотокорреспондент не оказался родственником. А Анатолию Бочинину, молодому поэту, так бы хотелось этого. Ведь воспитывался он в детском доме. И конечно же, не получил того тепла, которое имеют дети, живя с родными.

Анатолий Бочинин работает во Владивостоке докером. В его стихах отражена его нелегкая судьба. Но, несмотря на трудное детство, поэтический мир Бочинина — светлый, оптимистический мир. И хочется от души пожелать молодому поэту из Владивостока счастливого пути в литературу.

Владимир ФИРСОВ,
лауреат Государственной
премии РСФСР,
лауреат премии
Ленинского комсомола

«Люблю грозу в начале мая», —
писал известный всем поэт.
Весь мир душой воспринимая,
Он мог любить. А я вот нет.
Стихи памятного усердство —
Есть боль, омывтая слезой.
Мне с малолетства ранит сердце
Все то, что связано с грозой.
Брожение туч казалось адом.
Сгущался мрак. Ревел прибой.
На окна, выбитые градом,
Я был похож своей судьбой.
Воспринимая мир, как драму,
В его раскатах грозových
В испуге звал к себе я маму.
А мамы не было в живых.

И надо же такому вот случиться:
Вдруг потянуло снова сесть за парту.
Учился бы, да незачем учиться —
Читать географическую карту.
Вы только дайте, дайте мне указку.
С закрытыми глазами обведу
Родной земли священную окраску,
Где я познал и радость и беду.
Шагая в жизнь, все трудности осмилит.
Кривая мною пройденных дорог
В одной черте с границами России.
Другую бы я выстрадать не смог.

Уже во мгле рыбацкий путь.
И за кормою скрылась тундра.
И вся надежда отдохнуть
Прервалась выкриком: «Полундра!»
Ревел прибой, разинув рот.
Рыдает ветер. Гром на реях.
На рыжих крыльях буря жмет,
Будто зачет сдает на время.
Сейчас бы в солнечной тени
Лечь нам где-нибудь на пляже.
Но нас вот медом не корми,
Дай только в море побродяжить.
Того гляди, волной оглушит.
Какой уж тут покой и сон!
Подобно скрипкам, наши души
Звучат со шквалом в унисон.
Удачи ждут нас. Ждет и промах.
Всю тяжесть промысла не зря
Мы познаем в рыбацких робах,
Как тридцать три богатыря.
Под штормовыми небесами
Погоду делают не боги.
Погоду делаем мы сами.

"Я БЛАГОДАРЕН СВОЕЙ РАБОТЕ..."

ПИСЬМА ОЛЕГА КУВАЕВА

Десяток лет назад в предисловии к одному из ранних сборников рассказов Олег Куваев так писал о начале своей литературной работы: «Я вырос в вятских лесах, но меня тянуло именно в безлесные пространства, вроде тьянь-шаньских предгорий или Чукотской тундры... «Вокруг света» напечатал в 1962 году несколько моих рассказов. Я пытался как-то взвесить все, что произошло. В общем-то это были, пожалуй, стандартные размышления о смысле жизни. В результате я самостоятельно додумался до апробированного поколением вывода, что главное — это работа, вернее, степень ее интересности. Все остальное — сопутствующие явления... Главное — работать с азартом...»

Окончив Московский геологоразведочный институт, Олег Куваев с азартом ринулся, как тогда сказали бы, на край света. А началом своей работы выбрал то место на карте, где больше всего находилось белых пятен и про которое известный русский поэт Ф. И. Тютчев написал:

*Тяжелый небосвод окутан ранней мглой,
Укутана река под снеговой покров,
И гонит буйный вихрь, не знающий покоя,
Пыль снежную вдоль смутных берегов.*

Это была Чукотка. Здесь в 1958 году в заполярном городе Певеке впервые встретились и подружились молодой геолог Олег Куваев, шурфовщик с прииска «Красноармейский» Николай Балаев и журналист газеты «Чаунская правда» Владимир Курбатов.

Вот что вспоминает о том времени Владимир Курбатов: «Николай Балаев пришел к нам в районную газету (тогда еще «Чаунскую правду» в Певеке) прямо, как говорят, «от сохи». В данном случае — из разведочного шурфа. Уж больно чистые и интересные пару рассказов он нам прислал. Мы только что сколотили хиленькое литературное объединение — с приходом Балаева и еще нескольких ребят оно стало довольно приличным. Примерно в это же время, поздней осенью 1959 года, после очередного полевого сезона в геофизической партии, вошел в наш круг и Олег Куваев. Принес он нам первый рассказ, скорее, даже эссе, «По земле чаучу и каврали-

нов» (т.е. оленных людей и охотников на морского зверя). Сейчас я понимаю, что это была довольно наивная и слабенькая вещь — особенно для последующего Куваева. Но тогда она поразила и увлекла нас чистотой письма, сочностью и богатством языка, глубиной восприятия и ощущения той тундры, которую мы все будто бы хорошо знали, влюбленностью в нее, в населяющих тундру людей. В дальнейшем были другие рассказы — «Ошейник», «Зверобой», «С тех пор, как плавал старый Ной» и пр. Трудно сказать, как это Олегу удавалось, но каждый новый рассказ был значительно — именно значительно, а не чуть-чуть — совершеннее, литературно грамотнее, глубже по содержанию. Нам, тогдашним участникам литобъединения, такой рост, темп его были не только непонятны, но и не под силу: возможно, из-за нехватки таланта, возможно, потому, что мы не отдавали литературе с таким самозабвением и глубиной осмысления предмета, темы, не находили времени и подчас желания упорно, постоянно, скрупулезно работать над формой, стилем, языком».

Куваеву скоро стало тесно в литобъединении. Он начал работать для областной газеты, печатался там, затем начал публиковаться в сборниках Магаданского издательства, там же выпустил первую свою книгу «Не споткнись о Полярный круг». После этого он уже стал печататься в Москве и вскоре переехал туда жить, хотя его работу как геофизика ценили в Магаданском ВНИИ-1, и директор института, ныне академик и руководитель Дальневосточного научного центра АН СССР, Николай Алексеевич Шило не раз предлагал Куваеву вернуться и продолжать работу: очень интересное, важные и нужные геофизические исследования на Чукотке начал, проводил и не закончил Олег. На его отчеты и результаты неоднократно ориентировались и ссылались в серьезных специальных трудах. Но он уже весь ушел в литературу и остался в ней навсегда.

Начало творческого пути будущего писателя, его искания, взгляд на литературный труд, огромная требовательность к себе — все это предстает нам из писем Куваева друзьям.

Ноябрь 1972 года.

«...Надо писать о рабочем классе. Писать о нем весьма трудно, ибо... тема достаточно испорчена плохой литературой... Написать историю «Валькумея», но так, чтобы это была не история, а сегодняшний день и чтобы во главе угла был все-таки рабочий класс и работа, а не пурга и т. п. — вот в чем задача».

ИЗ ПИСЕМ Н. БАЛАЕВУ.

Август 1965 года.

«...Через два года на «произведение» в стиле ура-мальчиков и ужас-природы будут косо смотреть даже в редакциях типа твоего «Аноийского вестника». Наступает время философской, раздумчивой литературы. Это я серьезно, точно говорю.

«...Надо думать стратегически. Поэтому то, что я сейчас пишу, должно уже отвечать запросам 1968 года, а не этого. Тогда в 68-м ты будешь писателем, а не провинциальной знаменитостью... В редакциях мои поиски понимают те самые люди, которые подняли в свое время на щит «Люську» («Берег принцессы Люськи») и «Ноя», говорят, что я стою на правильной дорожке. Если я им принесу сейчас вторую «Люську», они скажут: «Это великолепно, Олег, это мы публикуем, но мы ждем от тебя большего». Я от него (Олега) тоже жду большего, а не топтания на одном уровне, одной манере, одном цикле проблем... Интуиция есть, и она говорит, что поиски идут в нужном направлении. Особенно над этим надо подумать тебе. В нашей газете каждый должен быть стратегом, а не только тактиком, Николай Петрович.

Февраль 1973 года.

«...Все в мире делается не так быстро, как нам кажется и хочется... Но может, чем черт не шутит, ты сейчас конопатишь избу по имени перевалбаза и прицеляешься насчет подледного лова. Тогда я тебе завидую. Если, конечно, недалеко от этого подледного лова есть место, куда поставить машинку. Потому как без машинки я себе бытия не мыслю. Сейчас моя «колибри» стоит на втором этаже эдакого особняка, сложенного из дикого камня и именуемого «Эльбрусское лесничество». Комнатка у меня маленькая, в два окна: одно на восход, второе на закат. Одним словом, красиво.

Добиваю роман. Чего и тебе желаю. Понимаешь,

Коля, я все-таки думаю, что у каждого мужика должна быть некая сквозная нить бытия, все же остальное: Эльбрус, перевалбаза, Преображенки, Болшево и озеро по имени Гыгыгыгын — не более, чем сопутствующие моменты. Нельзя ставить их целью, если, конечно, бытие на перевалбазе не является твоей сквозной линией жизни.

Август 1973 года.

«...когда я еще работал великим полярником, погнав собак по острову Врангеля, пересекал, сплавлялся и огибал, один мой друг говорил мне: «Чудак ты, Олег, демонстрируешь тут мне квадратную челюсть. А ведь истинное Заполярье, как и истинные джунгли, находится в городах. Твои льды, байдары и легендарные переходы — ерунда по сравнению с событиями в обыкновенной коммунальной квартире».

Тогда я шибко его презирал, ибо я покорила Чукотку, а он сидел в редакции и ездил не на собаках, а на троллейбусе. Теперь вот я убедился, что он был полностью прав. Все наши так называемые арктические трудности — курорт и благодать по сравнению с проблемами города.

Это я тут сижу на перевалбазе, это я на Чукотке, а не ты, брат, на курорте, где маленько приходится шевелить руками. Но последнее во благо. Сон крепкий, и душа не болит.

Насколько я понял, ты там миниатюры начал писать. На мой взгляд — это занятие для графоманов с лирической эдакой душой. Тебе надо прозу писать и еще надо учиться ее писать. А когда ты научишься ее писать, тебе еще надо будет научиться проходить сквозь литературные джунгли. Последнему я тебя научить не смогу, сам не умею».

Конец 1973 года.

«Работаю я изрядно, но как-то плохо. Недоволен я. Давно бы уже пора быть скачку, а скачка нет, топчусь на месте. И идеи есть, но эти идеи не переходят в образы, что ли. Я так и думал, походить там за оленями, проплыть по Пеггемелю, подумать. Пора делать скачок. Я его откладывал до романа. Роман есть. Второй роман уже должен быть другим. Про что он, я знаю. Как писать — тоже знаю. Осталось некий жизненный перелом найти».

Январь 1974 года.

«...Обо мне. Журнальный вариант романа выйдет в апреле. В журнале «Наш современник». Называется роман «Территория».

И кончается сие жестокое произведение словами: «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все это время? Довольны ли вы собой?»

Книжный вариант романа отдан на 75-й год. Но я его для себя еще раз перепису.

И уже пора дальше, пора дальше. Хороший надо писать роман о причинах и следствиях бичизма. Называется он «Правила бегства»...

Если что есть — шли мне. Но плохого не шли. Лучше ничего не представлять в твои годы, чем представлять плохой товар. Можно подождать до встречи. Вместе обсудим и выберем».

Апрель 1974 года.

«...Тут недавно в связи с дальнейшей экранизацией творческого наследия посмотрел повесть «К вам и сразу обратно». Плохонькая повесть-то, Коля. Первый ее вариант при всей наивности все-таки был лучше. Я уж его сейчас слабо помню, но, по-моему, он был сентиментально хорош и краток. Профессионализм при всей его необходимости не всегда приносит лучшее.

Привет окрестностям.

Роман мой называется «Территория». Неплохо бы написать второй — «Окрестности».

Когда-то Олег Куваев написал одному из своих друзей:

«Люди просят у жизни всякое: кто денег, кто красоты, кто талантов. Пусть же даст мне фортуна возможность шляться по планете именно так, как я хочу, и умение писать об этом так, чтобы жирным дачникам не спалось по ночам, — и счастливее меня не будет человека. Удивительно и прекрасно каждое место на земле, и люди обязательно должны понять это. Может быть, посмотреть, как мчится по кочкам вспугнутый олень, — не менее достойное занятие, чем слушать «Пиковую даму». А ведь мне повезло в жизни — я уже видел и держал в руках розовую чайку... Я слушал, как плещут на озерах гагары, и наши спины сгибались под тяжестью гусей. Не каждому посчастливилось замирать от ужаса в бушующем море, не каждый чуть не плакал от злости на тридцатом километре кочек. Я благодарен своей работе за это...»

Публикация Аллы БЕРШАЧЕВСКОЙ.

ИЗ ПИСЕМ В. КУРБАТОВУ.

Апрель 1964 года.

«...Ну, и самое главное, о чем надо сейчас переговорить, — это о «Валькумее» (В. Курбатов пытался тогда работать над повестью об одном из крупных и интереснейших по истории и внутренним проблемам руднике — первенце горной промышленности на Чукотке). Вообще о «Валькумее» надо писать серьезно. Сам материал-то выигрышный, можно и взоры поднять, но ведь куча проблем была, да и внешне-торговые условия с оловом менялись и меняются, и конкуренция Иультина, и... Ну что тебе об этом говорить...»

Не думай ты: «опубликуют — не опубликуют» — пиши, как считаешь нужным и честным...»

Сентябрь 1966 года.

«...Не ехал на Чукотку по простой причине — надо было сдавать книгу, потом замаячила следующая... Книга у меня сейчас написана на 40% — хорошо, на 60 — плохо, и дальше никак. А сдать рукопись я должен не позднее 1 декабря. Еще надо две повести. И я живу часто не так, как надо, когда сдаешь книгу. Первая повесть пойдет с 1-го номера в журнале «Сельская молодежь», видимо, в трех номерах, в ней пять листов. Это лучшее из всего, что я написал. Вторая вот лежит передо мной в расхристанном виде... В 68-м году я книгу издавать не буду. Буду писать роман».

Ноябрь 1966 года.

«...О твоих литературных делах. Я позволю себе дать тебе пару советов.

Главное: забудь о том, что ты газетчик. Всячески вытрави из себя газетчика. Ты школьник из 10-го класса, которого переполнили впечатления, и он взял в руки авторучку. Ужасным образом следи за штампами.

Второе главное: прежде всего интересны твои личные мысли, факт личный взгляд на вещи... Ты видишь явление, твой ты умный человек, больше за правое дело, и вот именно твой личный, для самого себя написанный, сокровенный взгляд и нужен».

* Здесь и далее примечания автора публикации.

На страницах «Смены» можно встретить не только литературные дебюты молодых, но только произведения мастеров, но стихи и рассказы зрелых уже людей, бывалых, не связанных с литературой профессионально. В девятом номере этого года с рассказом «Фотопортрет сорок второго года» выступил известный кинодокументалист Лев Данилов, сейчас предлагаем вашему вниманию рассказ Владимира Толмасова «Утренняя роса».

Владимир Толмасов — капитан дальнего плавания, долгое время командовал известными каждому, от «болеющего» морем мальчишки до ветерана, парусниками: шхуной «Запад» и барком «Круженштерн». Морские пути-дороги крепко переплелись с дорогой литературной. Владимир Александрович — автор нескольких книг, постоянно печатается в журнале «Вокруг света» и ежегоднике «На суше и на море». Сейчас капитан Толмасов продолжает нести свою морскую вахту — он работает в администрации Северного морского пути.

Матроса Володю Крюкова разбудили тяжелые шаги в соседней, боцманской каюте; затем он услышал, как с визгом передвинули стул, более глухие и мягкие звуки подсказали ему, что боцман одевается: вот он топнул каблучком — надел сапог, потом другой, уходя, притворил за собой чуть скрипящую дверь. Потом прогудели под ним ступени трапа, и Володя, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить матросов, тоже оделся и выскользнул на палубу.

Шхуна малым ходом входила в бухту. Кругом была темень, хоть глаз выколи, лишь моргали над головой звезды. Монотонно стучал в глубине судна двигатель, и с характерным приглушенным звоном пощивала выхлопная труба.

Постепенно глаза Володи привыкли к темноте; он осторожно прошел к правому борту, примостился под шлопочными рострами — решетчатой площадкой, на которой расположились судовые шлюпки, и огляделся.

Бодрствовала вахта, расплывчатой тенью маячил у брашпиля боцман, не спал капитан — в открытом иллюминаторе рулевой рубки вспыхивал огонек сигареты, на несколько мгновений освещая его сухое лицо.

Ночные заходы в полыхающие огнями, неугомонно шумные порты или в немую темноту заливов лишали Крюкова покоя, будоражили его воображение. И если он не стоял в это время на вахте, старался не пропустить минуту, когда боцмана вызовут к якорям.

А еще, когда судно стояло где-нибудь в бухте или на морском рейде, любил он встречать рассвет, на что у него были причины, о которых он, правда, не распространялся, но эта привычка его со временем превратилась в привычку, которой он не изменял.

Судно проходило неширокий пролив, образованный утесами, и, хотя было темно, Крюков будто видел знакомые сосны и редкие кусты, которыми поросли их склоны, — картина, известная тем, кому довелось совершать рейсы вдоль кольского и карельского побережья Белого моря.

Звездный свет струился по переборкам рубок, темным, пропитанным олифой мачтам, путался в дымных клубочках, вылетающих из выхлопной трубы.

Володя перегнулся через борт. Там неподвижно стояла отходящая от судна под острым углом волна с искрящимся гребнем, и окрест в проливе и дальше, в замкнутом просторе залива, тихо колыхалась черная блестящая гладь, на которой местами виднелись матовые проплешины — это слабые порывы ветерка взбудораживали ее, образуя пятна ряби.

В вышине, в абсолютно прозрачном воздухе, какой только бывает на крайнем Севере в редкие осенние ночи, желтыми мазками без ореолов светились фонари топовых огней, а по бортам зеленый и красный, отличительные, но эти огни не могли разогнать густой мрак бухты, куда вошла шхуна. В черноте береговых уторов не зажегся ни один огонек, ни одна искорка не вспыхнула во тьме. Тем не менее Крюков знал, что на берегу находится целый поселок, а глаз все же проваливался в ночную темень: движок поселковой электростанции на ночь останавливали. И, видно, в поселке крепко спали намайвавшие за день люди, даже свечечки не горело ни в одном окошке, и оттого дикими и угрюмыми казались берега обжитой бухты.

Лязгнул машинный телеграф, и машина, корот-

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ко вздохнув, стихла. Судно, сохраняя инерцию, будто крадучись, описывало пологую дугу, подходило к месту якорной стоянки.

«Ну, мастер, ну и капитан! — подумал Володя. — Во дал, в губу среди ночи зашел. Ведь ни черта же не видно. Где створы, где пролив? Локатор, правда, работает. Но все равно что с завязанными глазами... Вот это дал!»

Стукнула дверь рулевой рубки, и на мостике появилась фигура капитана, вся в черном, только чуть светился воротничок сорочки под темным лицом да бледнел чехол на фуражке. Капитан немного постоял неподвижно, потом наклонился и поднял что-то коническое, сверкнувшее в звездном свете. «Рупор, — догадался Крюков. — Сейчас на якорь становиться будем».

И точно — над притихшей сонной бухтой прозвучало усиленное медью мегафона:

— У правого якоря стоять!

— Есть! — сильно отозвался боцман и склонился над брашпилем.

Капитан отвернулся к раскрытому иллюминатору рубки и что-то сказал вахтенному штурману. Снова лязгнул машинный телеграф. В машине чихнуло, зашипело, и шхуна содрогнулась с первыми оборотами винта на задний ход — все в ней затряслось, зазеленело, задрезжалось. Из-под кормы выползла странная волна, поднятая массой выворачиваемой воды, ее гребень закручивался к корме, а позади возникали десятки быстрых водоворотов. Повинуясь закону действия гребного винта, нос шхуны покотился вправо.

— Отдать правый якорь! — опять раздалась медно-голая команда.

Боцман раскрутил ленточный стопор, и в воду бухнулся тридцатипудовый якорь, увлекая за собой цепь, которая с оглушительным грохотом проскакивала сквозь чугунный якорный клюз.

И вдруг стало тихо. Не было слышно ни машины, ни сумасшедшего грома якорь-цепи. Лишь все еще урчали, заканчивая свою круговорот, водовороты из-под кормы, и боцман отбил два четких удара в судовую рынду — большой бронзовый колокол: в воду ушло две смычки якорной цепи — полста метров.

Едва отзвучало бронзовое эхо, как тьма ожила собачьим лаем. Этот брех нарастал, потому что в хор вступали новые голоса, и, достигнув своего

апогея, стал ослабевать, и в конце концов лишь одна самая визгливая собачонка долго изводила себя истошным лаем, сердая на нарушителей тишины.

— Володя! — раздалось с полубака, возвышенной носовой части судна, где находился брашпиль.

От неожиданности Крюков вздрогнул, но откликнулся на зов боцмана.

— Поди сюда, огонь якорный включить надо.

Крюков знал, что боцман не мог видеть его с полубака и, удивляясь его догадливости, прошел на полубак, поднял стойку с якорным фонарем, закрепил ее в гнезде, подсоединил вилку в штепсель судовой электросети и щелкнул выключателем. На стойке в плафоне, похожем на перевернутую стеклянную банку, зажглась лампочка, и сразу же потухли фонари на мачтах, погасли ходовые в своих углообразных щитах — зеленом и красном, и, словно в театре, мир вокруг сократился до размеров шхуны, освещаемой якорным огнем. Лишь над головой все так же недоступно далеко и отчетливо ясно горели звезды. Фонарь же мазал желтым светом переборки рубок, шлопочные борта, а тени на палубе были особенно черны и непроглядны.

— Ты, боцман, наугад меня звал или как? — спросил Крюков, сматывая на локоть валяющийся по палубе электрокабель.

— Или как, — прокряхтел боцман из-под брашпиля. Снаружи торчали одни его широко раскинутые ноги. Он что-то там смазывал, постукивая масляной и извлекая из нее булькающие звуки.

— Будто я тебя не знаю. Ни одного захода не пропускаешь. Любопытен ты чересчур.

Крюков хмыкнул, усталый глаза в черном-смоляную воду за бортом, в которой подрагивали золотистые блики от якорного огня, и сказал:

— Поставь на вахту с четырех утра, Степаныч.

Боцман опять закряхтел, вылез из-под брашпиля, уселся тут же на палубе, отставил в сторону на кусок брезента маслянку, чтобы не пачкать палубный настил, и стал обтирать ладони ветошью.

— Обрати на чуде поглядеть хочешь?

Крюков насторожился, но в этот раз не уловил в голосе боцмана обычной насмешки. Как-то Володя рассказал ему, зачем встает по утрам ни свет ни заря и ждет восхода солнца, но боцман недоверчиво покачал головой и посмеялся: «Выдумываешь, брат, все...» От такого разговора Крюкову будто в

душу наплевали. И, не вдаваясь в подробности, сказал он поварихе Кате, что может показать чудо. А сказал именно ей, потому что давно и тайно был влюблен в нее.

Катя блеснула лукавым взглядом, тряхнула шестимесячной завивкой и сказала: «Ну что ж, покажи. Люблю я всякие страсти-мордасти...» Володя чуть было не обиделся и не сказал ей, что никакие это не страсти, но раздумал, потому что в спор пускаться не хотел...

— Да, хочу поглядеть. И Кате показать,— как можно тверже ответил Володя.

— Валей, заступай с четырех. И не забудь повариху разбудить. Да гляди, у баб не задерживайся. Они там, поди-ка, нагишом спят. Будет тебе тогда чудо...

И захихикал, закудахтав старческим смехом, щура глаза на Крюкова.

Степаньч был на пенсии и плавал в каботаже, хотя здоровье у него было дай бог каждому. Крюков с завистью смотрел на жилистого, поджарого боцмана. Каким-то неказистым он сам уродился: прямые редкие волосы торчат в разные стороны, особенно — после бани; нос маленький и мягкий, как ластик, такой называют боксерским, только Володя не боксер и вообще драться не любит ни под каким предлогом; уши тоже маленькие, не музыкальные, — он это страшно переживал, думая, что слуха у него нет по причине этих маленьких ушей. Единственной достопримечательностью у Володи были глаза. Казались они приставленными к нему от другого человека и были большими и карими, как у девушки, — за эти глаза в детстве его дразнили «Зоей»...

Боцман съерничал насчет женской каюты, а Володю опять сомнения одолели, когда он подумал о том, что даже в сравнении со стариком боцманом пентюх он пентюхом, и, может быть, поэтому так безразлична к нему повариха Катя-Катюша-Катерина, круглолицая и сердитая дивчина. Но никто, кроме него, не сможет показать ей чудо!...

— Ладно! — согласился Володя и заторопился отойти от боцмана — мало ли чего еще нагородит. До вахты у Крюкова было время, и он спустился в каюту вздремнуть часок-другой. Поскорее забрался в койку и некоторое время лежал на спине, закинув руки за голову и глядя в потолок.

Сегодняшняя ночь, бдение на палубе не давали покоя, будили в сознании какие-то добрые, красивые слова, но слова эти с языка не слетали, и Володя понимал, что пока еще спрятаны они у него глубоко-глубоко, и он очень досадовал на себя, что хоть и читает много, да бестолково, и никак не может приучиться с чувством «выпивать» книгу, как цедят со смаком хорошее вино, и оттого у него не разбужены те слова, которыми он должен был бы выразить чувство, охватившее его сегодня ночью, во время захода шхуны в бухту...

Светало, когда Володя второй раз за эту ночь выбрался на палубу. Гасли звезды. Но сумерки еще не разжили объятий своих мягких лап. Планета Венера — Утренняя Звезда — застенчиво опустилась на самый кормовой флагшток, словно вспыхнул яркий кормовой огонь. Володя шагнул в сторону, и Венера прыгнула с флагштока и снова стала обычной звездой.

Приняв вахту, Володя натянул на рукав бушлата красную повязку с белой полосой посередине и прошелся по палубе. Над бухтой стоял ядреный запах сосновой смолы, боровой ягоды и сырого мха.

Шхуна как вымерла. На палубе не было ни души. Судно медленно разворачивало на якоре течением то вправо, то влево. Из отливного забортного отверстия холодильника, который охлаждал динамомашину, с безостановочным плеском падала за борт струя воды, а сама динамика глухо стучала в глубине шхуны, напоминая, что судно живет.

Володя посмотрел на ближний берег. По угорам, по улицам поселка, меж темных изб и амбаров клубился, медленно расплываясь на жидкие рваные клочья, белесый туман, и поэтому облик поселка поминутно менялся, и на это было занято глядеть.

Потом Крюков прошел на корму, облокотился о деревянный планширь — лакированную дубовую доску поверх бортовых ограждений — и стал смотреть на него. Где-то далеко за проливом, за горизонтом студеного моря рождалось солнце. Но самого пролива не было: перегораживая его, на зеленовато-золотистом фоне северо-восточной четверти горизонта из моря поднимались фантастические бесформенные скалы, средневековые замки, исподни-ские доисторические животные бродили по невиданным холмам — менялись призрачные картины, создаваемые воображением из обычных утренних облаков.

Ночь стремительно сваливалась на запад за крутые гранитные склоны, за дикий лес с корявыми сучьями деревьев, и вовсю похлынула Утренняя Звезда, предвещая близкий восход.

Крюков провел ладонью по планширю: дерево

было холодным и влажным от утренней свежести выпавшей росы.

— Значит, чудо состоится, — обрадовался он, — надо разбудить Катю. Я обещал ей показать...

Он понимал, что будить повара на камбузную работу еще рано, но неумное желание разделить радость с Катей заставило его пойти и разбудить девушку на час раньше.

Володя отворил дверь в помещение, где находились женские каюты. Оттуда дохнуло сонным теплом, незнакомым запахом. Вниз вел крутой трап с накладками из медных полос. Володя осторожно, стараясь не греметь, спустился вниз и остановился перед приоткрытой дверью в каюту. Вспомнились слова боцмана, и ему сделалось неловко. Он тихо потянул на себя дверь, готовясь сразу же зажмуриться, но женщины спали под одеялами...

Сверху сквозь толстое зеленоватое стекло палубного иллюминатора проникли тусклый свет, и в полутьме надменно скалили красивые зубы красоти, вырезанные из иностранных журналов и прищипнутые на клей к переборке; маленький столик был накрыт вышитой салфеткой, на нем лежала начатая пачка сигарет, спички, раковина вместо пепельницы. Было душно.

Катя спала лицом к двери, приоткрыв рот. Темные кудряшки выбились из-под белого платочка, которым она повязала на ночь голову, и вздрагивали на смуглой щеке. Крюков бросил взгляд на ее оголенную руку и покраснел — рука была обнажена от шеи до кончиков пальцев. Значит, боцман говорил правду, и горячая ревность забурлила в Крюкове без видимой причины: по его мнению, на судне, где почти сплошь мужики, женщина не должна вот так оголять себя, выставлять напоказ свое тело. Но тут же он спохватился, подумав, что не может же Катя спать совершенно одетой, и притом спать — она у себя в каюте, и мужикам тут нечего делать. Он и сам здесь не бывает, зашел только разбудить ее...

Он протянул руку, слегка потрогал Катю за плечо и снова покраснел как вареный рак, словно совершил святотатство.

Девушка вздохнула во сне, чуть шевельнулась и продолжила спать.

«Какая она чудесная, — подумал Крюков, любясь ее лицом, изгибом шеи, полным плечом, — а как она обрадуется, когда увидит чудо. Ведь такое не забывается...»

Он опять, уже смелее, потербил ее за плечо, и, очевидно, на лице у него появилась дурацкая улыбка, потому что Катя, встрепенувшись, открыла глаза, некоторое время недоумевающе глядела на Крюкова, а может быть, она была еще очень далеко, где-то в зыбких сновидениях, от которых так некстати отрешало ее настойчивое прикосновение матроса. Потом спрятала руку под одеяло и натянула его до самого подбородка.

— Чего тебе?

Голос ее звучал хрипло и потому был таким необычным и неожиданным, как и сама Катя, измятая сном, с припухшими недобрými глазами и блеклым ртом.

— Пора! — шепнул он, косясь на Катину соседку, буфетчицу.

— Что пора? — удивленно спросила Катя, глядясь в него с изумлением и подтягивая под одеялом колени к животу.

— Я обещал показать тебе чудо, — удивляясь тому, что его не понимали, тихо сказал Володя. — Идем на палубу. Там увидишь.

— А-а, — все так же хриловато произнесла Катя и зевнула, — спать охота. Сколько времени?

— Через час тебе на работу, — поспешил успокоить ее Володя.

— Вишь, через час, а ты меня в экую рань поднял.

— Так ведь чудо... — растерялся Володя. Еще недавно Катя горела желанием поглядеть на чудо «хоть среди ночи», а теперь, когда время подходит, ей «спать охота».

— Сама же просила, — повысил голос Володя и уже раздраженно сказал: — Никто за язык не тянул.

Володя ощупью вышел за дверь, плотно притворив ее за собой, прислонился спиной к ее скользкой лакированной поверхности.

Что-то не складывалось у него в голове. Когда он рассказывал ей про чудную игру природы, то упомянул, что для этого нужны ясное утро и обязательно роса, и что он непременно разбудит ее в такое утро. Катя согласилась, но, видимо, тут же и забыла об этом.

Его начало отодвигать в сторону — это Катя открывала дверь. На ней был белый халат, на голове — поварской колпак, полные босые ступни втиснуты в босоножки.

— На улице прохладно, — сказал Володя, кивнув на босоножки.

— Зато на камбузе жарко, — Катя перекинула через плечо полотенце, захихнула в карман халата

мыльницу, зубную щетку, мятый тюбик пасты, — не век же ты свою чуду казать будешь.

— Не век, — согласился Володя, но что-то больно кольнуло его в сердце.

— Поднимайся первым, — сказала Катя и снова прикрыла ладошкой вырвавшийся зевок.

Будто приветствуя их выход на палубу, с берега донесся первый крик петуха, и пошла петушиная поверка, и было это, наверное, похоже на то, как в старину перекликались часовые на крепостных стенах.

«Славен город Москва!» — басил один.

«Славен город Суздаль!» — вторили высоким голосом на другой башне.

«Славен город Владимир!» — кричали с третьей. И воевода знал — часовые не спят, зорко стерегут они крепость и родную землю от вражеского приходу.

Вот и тут, в глухом северном поселке, разнраженые в радужные перья голосистые красавцы встречали рассвет, встречали радостно и переливчато.

— Ну, чего делать-то? — нетерпеливо спросила Катя. — А то я на камбуз пойду картошку чистить. Боясь, что она и в самом деле уйдет готовить завтрак, Володя схватил ее за руку и потянул за собой на полубак.

— Ты чего, сдурел? — пыталась вырваться Катя, но Володя упрямо тащил ее и по-прежнему не говорил ни слова.

— Ну, вот, — сказал он наконец, когда они остановились на полубаке, — гляди, какой откуда вид открывается. Все как на ладони: и мачты, и тросы, и веревки разные.

— Сдурел точно, — сказала Катя, найдя ступней потерянную босоножку и надевая ее, — что я, мачт не видела? Ты давай чуду показывай.

Володя, улыбаясь, перевел дух — глубоко вздохнул, шумно выдохнул — и сказал:

— Сейчас взойдет солнце. Ты сожми ладошку с пальцами в трубочку и гляди на мачты, на снасти и увидишь такое...

Словно вздрогнуло море, точно пробежала по нему дрожь, — крохотный сегмент солнца вспыхнул и лучом пронзил небеса.

Володя поднес к глазу согнутую в трубочку ладонь и замер, едва не задохнувшись от восхищения.

Корпус судна чуть вибрировал от работы динамо-машины, и на мачтах, на оснастке, на кормовых реelingах дрожали и переливались мириады алмазов: солнечный свет преломлялся в каждой капельке утренней росы, заставляя их вместе излучать сказочное сияние.

— Ну как? — шепнул он, не отрывая глаза от волшебного зрелища.

Некоторое время Катя молчала, потом, красная и раздосадованная, отняла ладонь от лица и с негодованием глянула на Володю.

— Порешь ты вечно какую-то чепуху, — зло проговорила она. — Зачем разбудил? Спала бы да спала.

— Ты что, в самом деле ничего не видела? — ошарашенно спросил Володя. И он заторопился, сбиваясь и заикаясь. — Ты встань сюда, на мое место. Скорее, иначе эффект скоро кончится.

— Какой еще эффект?! — ворчала Катя, не на шутку распаяясь. — Ну, смотреть-то куда?

— На снасти смотри. — Володя, сам того не замечая, обнял Катю за плечо и вдруг ощутил щечкой прикосновение ее жестковатых завитых волос. — Ну, видишь?!

Катя сердитым движением плеча сбросила с себя его руку.

— А что я, по-твоему, должна видеть? Приволок зачем-то на полубак: чудо, говорит, покажу. Где она, твоя чуду? Чудодей тоже мне...

И ушла на камбуз.

Володя в растерянности поднес к глазам согнутую ладонь, но чудесное видение пропало, музыка смолкла.

Утренняя Звезда, названная именем богини любви, растворилась в лучах взошедшего светила, туман на берегу, как живой, уплыл в спасительную лесную чащобу.

На судовых снастях роса высыхала очень быстро. Под солнцем начинала парить отсыревшая за ночь палуба. «Испарится вода, и снова палуба станет сухой и белой, как дочиства выскобленный пол в избе», — подумал Володя. С этой мыслью стала возвращаться к нему успокоенность, правда, какая-то она была избитая, израненная.

Еще несколько минут Крюков глядел на берег, где уже можно было видеть редких жителей, встающих с солнцем и вышедших из дому по делам. Затем он вытащил из кармана бушлата пару брезентовых рукавиц: нужно было наносить угля на камбуз.

А из камбуза доносилось бряканье посуды, через парусиновый мусорный рукав высыпали за борт ведра с очистками.

Начинался будний день.

Творчески откликнувшись на постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», наш журнал организовал «Литературно-критическую мастерскую», в которой занимаются начинающие критики. За время работы Мастерской более 30 рецензий ее участников было опубликовано в рубрике Экслибрис «Смены». На этот раз журналист из Тулы В. Плешаков и воспитатель рабочего общежития А. Шеянов из Москвы представляют читателям книги молодых. В традициях нашей критической рубрики — отклик писателя на первую книгу молодого товарища по литературному цеху: Георгий Баженов рецензирует сборник прозаика Геннадия Абрамова. «Детям и о них» — этот раздел появился в Экслибрисе «Смены» в Международный год ребенка и получил, как говорят, постоянную прописку. Сегодня мы знакомим читателей с интересным и удачным, на наш взгляд, опытом издательства «Детская литература» — сборником «Снег первый».

ПРОЗА

Океанские университеты

У флотского офицера Бориса Шереметьева довольно-таки обычная биография: Нахимовское училище, затем — Высшее военно-морское инженерное имени Ф. Э. Дзержинского, где Борис впервые пробует перо. Юношеское увлечение перерастает в призвание. Год от года он совершенствует мастерство. И вот уже Б. Шереметьев участвует в VI Всесоюзном совещании молодых писателей.

Впечатления от океанских походов, жизненные наблюдения, морская романтика, философские размышления, характеры десятков людей, штормы и штили — все это и легло в основу романа «Красная эскадра» («Современник», 1980).

Действие романа разворачивается на больших противолодочных кораблях «Гвардеец» и «Дерзкий», которые готовятся к выходу в дальнее плавание: «...хотелось как-то оттянуть надвигающийся час, когда отсеки, палубы содрогнутся командой: «Корабль к бою приготовить!» Но час этот неумолимо приближался. Они ощущали его кожей и потому были неустойчивы в своих чувствах к родным, возлюбленным. Корабельные почтальоны выбирали из ящичков груды разноцветных конвертов, а к обеду, возвращаясь с узла, приносили и того больше — туго набитые портфели писем».

Потом был поход в Атлантический океан, ставший настоящей проверкой на боевую зрелость, серьезным испытанием моральных и физических качеств, экзаменом на выносливость. Навстречу советской эскадре, проводящей учение, выдвигаются военно-морские силы НАТО. Неожиданно происходит ЧП — американский фрегат «Белкан» обнаружил радиовкушечный буй, поставленный нашими моряками. Учение под угрозой срыва. Всех волнует вопрос: «Кто раньше успеет? Русские подойдут и вытащат из воды буй или американцы подцепят его на грузовую стрелку?»

В этой критической ситуации проявляются характеры советских моряков: Егора и Феликса Евстафьевых, Василия Горяинова. И здесь же сталкиваются лицом к лицу два образа жизни. две идеологии, честность и коварство, патриотизм и авантюризм...

Как известно, в любом противоборстве побеждает тот, у кого крепче нервы, точнее расчет, тверже вера в успех. Советских моряков отличает остро развитое чувство долга, преданность Родине. Они служат не за страх, а за совесть. Перед нами прохо-

дит целая галерея людей, непохожих друг на друга, разных по возрасту, характерам, привычкам, но объединенных общей любовью к морю, гордящихся своей причастностью к Военно-Морскому Флоту СССР. Это, например, командиры противолодочных кораблей Косов и Прокопов, идущие наперекор жизненным неурядицам. Это и лукавый рассылный Сорока, «спец» по розыгрышам и анекдотам, и чудаковатый первоходок Трубинов, и мудрый адмирал Воргун — командующий «красной эскадрой». Контрастируют с ними мрачные фигуры капитана «Белкала» Пувера, американского офицера Мэрингтона.

Вряд ли стоит пересказывать события, напоминающие иногда по динамизму захватывающий детектив, в котором действует не только условный детективник.

«Океанские университеты», пройденные молодым прозаиком Борисом Шереметьевым и героями его романа, накладывают на книгу яркий отпечаток достоверности, правдивости, актуальности событий, происходящих на море и на суше.

Валерий ПЛЕШАКОВ,
участник
литературно-критической
мастерской «Смены»,
Тула

ПОЭЗИЯ

Строку начав с биографии

Геннадий Красников родился на Южном Урале, в городе Новотроицке. Он работал электриком в автохозяйстве, слесарем на металлургическом комбинате, корреспондентом в районной газете. Потом окончил МГУ, и вот теперь, в тридцатилетнем возрасте стал автором первой небольшой книжечки стихов «Птичка светофоры» («Молодая гвардия», 1981 г.)

Я не случайно начал с биографии, подчеркнул, что книга — ее итог. Так уж часто бывает: все есть у человека — и трудовой стаж и годы учебы в институте, однако нет судьбы поэта в стихах, живут зарифмованные строчки сами по себе, не отражая испытанного, пережитого, пережитого, пережитого. Стихи же Г. Красникова составляют как раз приятное исключение. Они о том, что было с ним, чем жила страна. Они в полной мере представляют мироощущение автора, переплавленное в поэтическую строку.

Есть два подхода к творчеству. Один — ни дня без строчки. Другой — пиши только тогда, когда не можешь не писать. Красников ближе второй принцип. Поэзия для него слишком серьезное дело, которому он от-

дается со всей страстью души. Красников «обживает» такие вечные темы, как любовь, память, долг, ищет свое слово о Родине, размышляет о времени. Он старается понять себя, определить свое место в жизни.

Красников как бы стыдится звучных рифм. Он ставит перед собой иную задачу — говорить со своим читателем не в расчете на эффектный слог, а просто и доверительно, как с другом. Он хочет, чтобы рифма не отвлекала, а была при мысли, при чувстве — не более. Не рифмой, а образом старается поэт придать свежесть стихам. И тут у него немало удач. Вот он пишет об ушедшем детстве, находя необычное толкование календаря: Все перепутал возраст. Я-то знаю!

Хоть подходи к мальчишкам во дворе и спрашивай: когда начало мая и первый гром на их календаре?.. А стихотворение «Зимние часы» — это сказочный образ. Вот его начальные строки: Снова зимние часы. Легким пуценым нажимом шестереночки снежинок на невидимой оси.

Книжка Красникова прочитывается единым духом. Однако к ней хочется возвращаться снова и снова. И при повторном прочтении какие-то стихи обретают иную окраску, ты начинаешь находить в них что-то свежее, не уловленное при первом прочтении. И это ли не говорит о жизни стиха, это ли не лучшая оценка первой книги молодого поэта.

Александр ШЕЯНОВ,
воспитатель
рабочего общежития,
участник
«Литературно-критической
мастерской «Смены»

ПРОЗА

Путь к самому себе

Николай Воронов в послесловии к первой книге Геннадия Абрамова «Теплом одеть» («Молодая гвардия», 1979 г.) отметил, что Абрамов — «из тех молодых писателей, кому долго не исчерпать пережитого». И действительно, самая яркая черта сборника рассказов Абрамова не просто новизна фактурного и фактического материала в каждой вещи, но отсутствие каких бы то ни было точек соприкосновения с предыдущими или последующими рассказами. Всякий раз, принимаясь за чтение рассказа Абрамова, мы удивляемся: как не похож он по материалу, по мысли, по стилю на другие вещи.

Поиск самого себя — нового, неожиданного, страстного в доказательстве художественной правды — одна из самых трудных и коварных дорог для молодого писателя. Нередко писа-

тель ищет и наконец, как ему кажется, «находит себя», а затем начинается повторение тем, сюжетов, приемов, материала. Это пока не грозит Геннадию Абрамову, и дело тут в богатстве жизненного материала, которым он владеет. Уж так складывалась жизнь молодого автора, что он хорошо знает и сельскую и городскую жизнь, а, кроме того, бывая в многочисленных командировках, сталкивался с людьми самых разных профессий, характеров, нравственных вероисповеданий.

Главное содержание рассказов «Розы», «Долг», «Ничья», «Лестница», «Помощница», как бы ни рознились по материалу сами рассказы, — это боль за человека, и боль эта не пессимистична, наоборот — она высока и очищающая, она заставляет биться наши сердца с состраданием и участием к тем, кто сполна хлебнул житейского горя. Тридцать лет живут вместе Петр и Елена (рассказ «Розы»), и все эти годы между ними стоит не столько Иван, первый муж Елены, потерявший на фронте ноги, сколько образ беспощадной войны, до сих пор мешающей всем трем быть счастливыми. В другом рассказе («Долг») от тяжелого недуга должен умереть кормилец семьи Фома, и вместе с ним мы переживаем боль и горечь не столько оттого, что смерть неизбежна, сколько от беспощадного здравого смысла его жены: все равно умрет, и думать о нем нечего, надо дальше жить... В рассказе «Ничья» нас задает за живое не то, что сын и дочь условились между собой, чтобы их мать жила у каждого по неделе, сколько тонко поданная нам истинная правда: на самом деле они вообще перестали думать о матери, она обуза, и вместе с автором нам становится страшно и больно...

В первой книге Геннадий Абрамов создал много ярких, запоминающихся характеров. Ему удалось создать свой микроклимат, собственный мир нравственных ценностей, и все это вместе: глубина и новизна характеров, и беспощадный нравственный суд над своими героями, и неподдельная боль за человека, за его слабости и компромиссы — все это убеждает в мысли, что перед нами не просто первая книга молодого автора — перед нами начало пути самобытного художника.

Георгий БАЖЕНОВ

ДЕТЯМ И О НИХ

Адрес выбран точно

В самом начале рецензии от души хочется поблагодарить составителя сборника «Снег первый» («Детская литература», 1980 г.) Ирину Стрелкову за на-

стоящую книгу для подростков — без попыток стать на уровень ниже, то есть приблизиться к ребенку формально, а на самом деле удалиться.

«Снег первый» — книга в особую. В ней собраны рассказы писателей — и молодых и с именем, специально для детей не пишущих, но имеющих в своем творчестве произведение о них. Ведь несомненно, что каждый настоящий писатель должен хотя бы раз обратиться, прикоснуться к детской или юношеской теме. Кстати, у идеи, благодаря которой появился сборник, видится интересное, плодотворное развитие — например, цикл рассказов о детях разных времен и народов.

Под обложкой сборника собраны произведения, временной, географической и тематической диапазон которых широк и многообразен: север и юг, годы Великой Отечественной и современности 80-х, город и село... Буквально каждый рассказ — настоящая проза, нет ощущения перепадов — этот полущен, этот похуже.

Порой, читая произведение для детей, замечаешь, как писатель старательно приравнивается к возрасту своего читателя. И зря. Ибо для детей, подростков нужно писать без скидок, как для взрослых, а то и лучше. Серьезность постановки проблем исподволь подведет юного читателя к пониманию многообразия жизни, ибо сколько ни повторишь ему эту истину, сдобренную тем или иным словесным соусом — пройдет мимо, не станет вдумываться. Не должно быть в таких произведениях смягченного драматизма или правды с пометкой «Для детского возраста». В «Снеге первом» как раз и попытались собрать рассказы без нарочитых смягчений, сноска и заигрывания с читателем. И удалось, получилось.

Каждый рассказ не только доходит до адресата — юного читателя, не только заинтересовывает, захватывает его, но, помимо интереса, побуждает его к возвышенной работе души — работе над воспитанием в себе добра, искренности, чистоты.

По-разному видят своих героев, мальчишек и девчонок, писатели, разные берут ситуации и, естественно, пишут в свойственной только себе манере. Одни — одно — теплое, задумчивое отношение к юным героям. Михаил Голубков успевает влюбить нас в братьев и сестру Бронниковых, показывая трогательные отношения между ними, а ведь совсем крохотный отрезок времени взят писателем — ребячий футбольный матч в селе. Психологичен, глубокий взгляд Георгия Баженова на своего героя в рассказе «Другу смотри в глаза». Юрий Козлов обращается к военному лихолетью, когда «мужали мальчишки», получая суровые уроки горя и лишений («Бабушка Прасковья, солдатские дети и Солдатка»), а в рассказе Владимира Крупина «Утя» бурлит и кипит жизнь сегодняшняя, требующая от юных собранности, твердости, целостности характера.

В короткой рецензии не уместить всех произведений, вошедших в сборник. Прочти его, читатель. И тебе еще долго будут помниться маленькие герои небольших этюдов о самом дорогом для людей всех возрастов: Добре, Дружбе, Счастье, Верности.

Ксения ВАСИЛЬЕВА

РЕПОРТАЖ ИЗ ЛЕНИНГРАДСКОГО
АЭРОПОРТА ПУЛКОВО, ГДЕ ИСПЫТЫВАЮТСЯ
НОВЕЙШИЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ СИСТЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ

Вам — Взлет!

Олег ПЕТРИЧЕНКО.
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

30 июня 1956 года с интервалом в три минуты со взлетно-посадочной полосы международного аэропорта Лос-Анджелеса в ярко-синее небо ушли два авиалайнера: «Супер констеллейшен» компании «Транс уорлд эрлайнс» и «ДС-7» компании «Юнайтед эрлайнс». Они направлялись в разные города — Канзас-сити и Филадельфию, но вплоть до Большого Каньона в Аризоне их маршруты примерно совпадали.

Совпадению этому суждено было стать роковым. Уходя от внезапной грозы, самолеты столкнулись на высоте 6400 метров. Эхо взрыва, унесшего 158 жизней, потрясло воображение современников. Казалось невероятным, что-

надежности и точности, какой отличает сегодня разве что наш безупречный метрополитен.

Впрочем, электроника электроникой, а управлять ею еще долгие годы будет все-таки человек. От его настроения, здоровья, сообразительности будут и впредь зависеть наши жизни. Человек не машина, в него так просто не заглянешь, и история авиации знает немало примеров, когда именно психологическая «неисправность» членов экипажа становилась причиной серьезных ЧП.

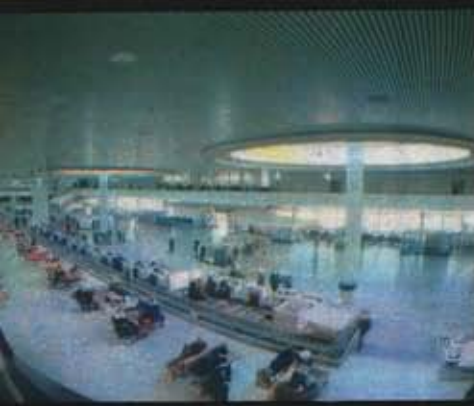
...Вадим Васильевич Гуляев, начальник здравпункта аэровокзала Пулково мои тезисы о безмерной сложности человеческой природы выслушал с пониманием и вежливо согласился. А потом пригласил к насыщенному различным датчиками, тумблерами, экранами оборудованию, плотно приковавшему к себе А. И. Рудзинского — бортрадиста-инструктора, собиравшегося лететь в Будапешт. Через какое-то время аппарат, отстучав на бумажных рулонах нечто,

СОВРЕМЕННЫЙ СЕРВИС ДЛЯ
ПАССАЖИРОВ АЭРОФЛОТА.

ДИСПЕТЧЕР СЛУЖБЫ ДВИЖЕНИЯ
СЕРГЕЙ ШАБОРДА
КОНТРОЛИРУЕТ ВОЗДУШНУЮ
ЗОНУ ПУЛКОВА.

«СТАРТ» РАБОТАЕТ НА
БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ.

С МОМЕНТА ВЗЛЕТА ДО ПОСАДКИ
ЗА КАЖДЫМ САМОЛЕТОМ
НЕУСТААННО СЛЕДИТ
НАЗЕМНЫЕ СЛУЖБЫ.

бы в поистине безбрежном просторе пятого океана могла произойти столь нелепая и трагическая встреча. Ничтожность подобного шанса газеты сравнивали с возможностью обнаружить каплю молока, случайно пролитую на белоснежное покрывало Антарктики. Авиаспециалисты в сравнениях были куда сдержаннее и хмуρο утверждали обратное: бурное развитие воздушного транспорта сделало небо слишком тесным.

Минувшее двадцатилетие усугубило проблему. Неумолимая поступь технического прогресса незаметно превратила воспетую лириками «бездонную синь» в действительно напряженное шоссе. Многократно возросшие объемы воздушных перевозок неизмеримо усложнили управление движением по этой суперскоростной «магистральной». Уже сегодня многие аэропорты принимают и отправляют по два самолета ежеминутно!

И не случайно статистика установила, что наиболее рискованной частью любого воздушного путешествия является не заоблачная его часть — девяносто процентов всех летных происшествий приходится на моменты взлета, захода на посадку и непосредственно посадку. Вот почему именно аэропорты стали своеобразными лабораториями, где от-

работываются различные элементы обеспечения безопасности полетов.

Воздушная гавань Ленинграда — аэропорт Пулково — один из них, уже несколько лет тут успешно действует автоматизированная система управления воздушным движением — АСУВД.

Пулково, безусловно, один из красивейших аэропортов мира. Элегантный, современных очертаний комплекс удивительно созвучен строгой архитектурной классике города. Но не только этим

перекинут мостик в будущее. Контуры его проглядывают и в сегодняшних технических достижениях. Здесь, помимо «Старта», испытана система медицинского контроля «Пилот-1», действует АС управления работой служб аэропорта. Здесь с помощью «быстрой разумом» электроники настойчиво и последовательно создается образцовая система обслуживания пассажиров, гарантирующая им, несмотря на все капризы природы, такой уровень безопасности,

отпустил Александра Ипполитовича, а Гуляев, пробежав глазами ленту, удовлетворенно кивнул: «С вами все в порядке, можете лететь».

Я в Будапешт не собирался. Но тоже снял пиджак, засучил рукава и сел за освободившееся после Рудзинского место. Экзамен начался.

Экзаменовалось мое здоровье. Проверялись зрительно-моторные реакции: передо мной внезапно и беспорядочно вспыхивали разноцветные лампочки, а я должен был успевать нажимать на пульт соответствующей окраски кнопки. Контролировалась оперативная память: вместо лампочек на экране с периодичностью в доли секунды стали появляться многозначные комбинации цифр, которые следовало точно повторить на миниатюрной клавиатуре...

Затем, следуя указаниям врача, я вставил средние пальцы в специальные гнезда, прижал локти к электродам и, держа в зубах металлический стержень термометра неизвестной мне конструкции, стал ожидать оценки.

— Ну что ж, — вскоре объявил Гуляев, — для новичка весьма неплохо. Кардиограмму видите сами, ну, а на ленте отмечены результаты психофизиологических тестов. Точность их можете проверить в ближайшей поликлинике. Только хорошо, если там за несколько

ОПЕРАТОР ДИСПЕТЧЕРСКОГО ПУНКТА
НИНА ЗАБЕГАЕВА «ВСТРЕЧАЕТ» ВОЗДУШНЫЕ ЛАЙНЕРЫ В НЕБЕ НА ПОДХОДЕ К ЛЕНИНГРАДУ.

часов все нужные кабинеты обойдете, а здесь, как видите, хватило пяти минут.

Оперативность — одно из основных преимуществ системы «Пилот-1». К тому же, если до сих пор готовность летчика к рейсу проверялась в основном по пульсу и артериальному давлению, то электронный помощник медиков контролирует двенадцать важнейших параметров организма. В дальнейшем перед обследованием каждый летчик будет предъявлять «Пилоту» свой медицинский «паспорт» — небольшую металлическую пластинку, на которой закодированы его индивидуальные характеристики. Эта пластинка, прочитанная специальным приемным устройством, станет своеобразным эталоном, ориентируясь на который «Пилот» подметит и зафиксирует все изменения в организме.

...Когда я приехал в аэропорт, погода резко ухудшилась. Откуда ни возьмись, набегали аспидно-черные тучи, загрозил гром, и, хоть гроза оказалась мимолетной, на память о себе она оставила порывистый ветер и дождь. Терять из-за нелетной погоды часы даже в таком симпатичном аэропорту, как Пулково, никому не хотелось.

И не пришлось. Несмотря на явно нелетный, с точки зрения пассажира, характер окружающей среды, рейсы

никто отменять не спешил. Усиленный репродукторами женский голос все так же спокойно приглашал на посадку.

— День как день, — спокойно заметил исполняющий обязанности руководителя полетов Геннадий Васильевич Фомичев. — Дождь, кстати, скоро кончится, ветер, облачность вполне терпимые, хотя, конечно, еще несколько лет назад теперешняя погода доставила бы нам немало хлопот.

...Я вспомнил свои предыдущие встречи с диспетчерами. Случались они в разные годы, в разных аэропортах, но картина, в общем, всегда была одинаковой: затемненные помещения (чтобы лучше видеть на мерцающем экране бледные точки, обозначающие самолеты), огромное напряжение занятых расчетами людей, напряжение, электризирующая сила которого чувствовалась буквально с порога.

И потому первое, что приятно удивило меня в диспетчерской Пулково, — отсутствие усталости в глазах людей. Той усталости, что обычно накапливается к концу смены, предельно заполненной ежеминутными расчетами высот, скоростей, курсов подопечных самолетов, необходимостью держать в голове кучу всевозможных сведений о них, постоянно с помощью секундомера и навигационной линейки вносить в эти сведения

диктуемые телеэкраном, радиопереговорами, метеосводками поправки.

В просторном, светлом зале возле элегантных пультов сидели молодые ребята и деловито, но без спешки дирижировали сложнейшей симфонией взлетов и посадок. Звучали в динамиках далекие, приглушенные расстоянием голоса командиров направлявшихся к Ленинграду самолетов, ясно и четко докладывали о готовности к рейсу пилоты вылетающих лайнеров. И каждая команда, каждое принятое решение тут же обретали видимую суть на зеленом поле индикатора воздушной обстановки.

Пультов было несколько, соответственно количеству обслуживаемых диспетчерами зон: посадки, круга, подходов. А совокупность их, собственно, и составляла АСУВД «Старт» — первую в нашей стране отечественную автоматизированную систему управления воздушным движением для районов аэропортов с высокой интенсивностью полетов.

Впрочем, пульты — лишь видимая часть могучего электронного комплекса, основное оборудование его размещается в соседнем зале. Глядя на это изобилие техники, я невольно посочувствовал Геннадию Васильевичу.

— Еще одно усилие ученых, еще один

«ГЛАЗА» АЭРОПОРТА.

такой зал, и профессия диспетчера канет в Лету — автоматизированная система станет полностью автоматической.

— Исключено, — улыбнулся Фомичев. — За рубежом уже предпринимались подобные попытки: невероятно сложно, дорого и... ненадежно. В критических ситуациях лишь человек способен действовать творчески и оперативно правильно.

— И он же способен порой ошибаться?

— Да, если неоправданно перегружен. Подсчитано: работая по старинке, только на получение информации о высотах полета диспетчер тратит 17 процентов своего времени, еще 4 процента уходит у него на опознание самолета и так далее. Эти и многие другие заботы ныне взял на себя «Старт». Вот смотри-те.

Щелкнул тумблер, и передо мной на панели пульта зеленым кошачьим глазом высветился солидных размеров круглый экран. Картина, возникшая на нем, официально именовалась «совмещенным план-индикатором воздушной обстановки», а мне чем-то напомнила полярную макушку нашей планеты, какой обычно изображают ее на школьной

карте. Там был свой, отмеченный точкой полюс, со всех сторон окруженный крохотными островками. Отличались они друг от друга лишь многозначными комбинациями букв и цифр, одну из которых Геннадий расшифровал так:

— Номер самолета 65615. Следует из Минска. Высота 7200 метров.

После этого стало ясно, что «острова» — самолеты, «полюс» — Пулково, а вся испещренная замысловатой графикой стрелок, многоточий, пунктиров «полярная макушка» — абсолютно точная картина воздушной обстановки в радиусе 100 километров от Ленинграда.

Это была волшебная картина. Волшебная в прямом смысле слова, так как экран не только демонстрировал настоящее, но и уверенно... заглядывал в будущее, прогнозируя обстановку, которая сложится в небе через несколько минут.

Нет, не только крыльями и мощностью двигателей держится в небе современный самолет. Не обойтись ему и без невидимой, но реальной поддержки локаторов, пеленгаторов и прочей наземной техники, питающей информацией быстродействующую ЭВМ.

Итоги ее «размышлений» и демонстрирует экран. Машина предлагает диспетчеру варианты бесконфликтных, как их здесь называют, режимов движения, анализирует текущую обстановку, предупреждает о возможных в данных обстоятельствах опасностях.

— Образно говоря, — заметил Фомичев, — если раньше на этой «фабрике» полетов мы были одновременно и чернорабочими, и бухгалтерами, и директорами, то теперь осуществляем лишь общее руководство. «Старт» освободил нас от второстепенных изматывающих забот, сделал работу действительно творческой.

Результаты этого творчества оценены весьма высоко: над столом Фомичева алеют вымпелы, отметившие победы пулковских диспетчеров во Всесоюзном социалистическом соревновании последних лет. Победы, особо примечательные тем, что именно в эти годы осваивался «Старт». И Г. Фомичева, А. Бондаря, Г. Васильева, их товарищей из других смен наряду с конструкторами, инженерами смело можно причислить к создателям системы. Все трудности испытаний, доводки АСУ легли на их плечи.

Им, кстати, мое исследование назначения АСУ показалось несколько неточным. «То, что «Старт» снимает нашу нервно-психическую нагрузку, а следовательно, вероятность профзаболеваний, — это, конечно, верно. Однако знаете ли вы, во сколько обходится час простоя Ил-62, Ту-154, Ту-134?» Оказалось, в 168, 193 и 67 рублей соответственно. Так вот, «Старт» повышает пропускную способность аэродрома в 1,6 раза да еще экономит топливо, значительно сокращая время пребывания самолетов в воздушной зоне аэродрома. Ну, а наиглавнейшее достоинство АСУ — все-таки повышение безопасности полетов.

Уже готовится к испытаниям еще более совершенная аэроразовая система «Старт-2», создается наземный автоматизированный комплекс, предотвращающий сближение самолетов на расстоянии, меньшее минимально допустимой безопасной дистанции, и, наконец, исследуется возможность использования для УВД искусственных спутников — своего рода космических диспетчеров, данные которых позволят контролировать и направлять движение всех воздушных судов над территорией нашей страны...

Недавно все это могло показаться фантастикой. Сегодня стало естественным продолжением работы, начатой учеными, инженерами, конструкторами в ленинградском аэропорту Пулково.

ПАРТИЗАНЫ

Анри РАЧКОВ

НЕВЫМЫШЛЕННЫЙ РАССКАЗ

ИЗ ЗИМБАБВЕ

Зимбабве — одно из самых молодых независимых государств планеты. Народ этой африканской страны добился освобождения благодаря упорной вооруженной борьбе, которую он в течение многих лет вел против гнета белых расистов. Об одном из участников этой борьбы, о человеке, в истории которого отразилась горькая и сложная судьба его родины, мы и хотим рассказать...

С этим человеком я познакомился в Ботсване. Журналистская дорога привела в небольшой городок, где гостеприимные хозяйки с гордостью показывали мне среднюю школу-новостройку. Неожиданно из окружившей нас группы местных жителей отделился один и на правильном русском языке произнес:

— Здравствуйте, товарищ! Добро пожаловать в наш город!

Я забросил его вопросами: кто? откуда? Выяснилось, что он окончил педагогический институт в Москве и ныне учителствует в родном городе, в этой самой школе. Новый знакомый — его звали Питер — был очень рад встрече и тут же пригласил к себе в гости. Я с удовольствием принял приглашение.

В небольшом аккуратном домике, куда мы пришли, не было никого, кроме одного довольно мрачного вида человека. «Это мой родственник, — пояснил Питер по-русски, — не будем беспокоить его, у него большое горе».

Сам хозяин был счастлив поговорить по-русски. Разговор шел о Москве, по которой мы оба соскучились. Я рассказывал о том, чего Питер уже не застал, — о новых районах, больших стройках...

Вдруг родственник, молчаливо сидевший в углу, вмешался в беседу:

— Вы говорите по-английски? Правда, что в Москве зимой так холодно, что вода становится твердой, а с неба вместо дождя идет снег — белый-белый?

Я подтвердил этот факт.

— А какой он, этот снег, на ощупь? — продолжал он серьезно свой допрос. — Значит, мягкий и пушистый? Я кивнул.

Мой собеседник задумался.

— Как же это получается, — строго спросил он, — если почти полгода идет снег и так холодно, что он не тает, то сколько же его накапливается за зиму?

Пришлось объяснить, что ветер зимой собирает снег в огромные сугробы, заметает дороги, которые потом расчищают специальные машины. А в старые времена путники, застигнутые бураном, порой теряли дорогу. И рассказал о старинной русской песне, в которой поется про ямщика, который замерз в степи. Он очень внимательно выслушал мой не очень складный перевод песни. А Питер даже напел мотив.

Гость помолчал, переживая нехитрый сюжет старой грустной песни. Потом неожиданно с болью сказал:

— Вот и со мной случилось почти то же самое. Сначала жена похоронила меня, а теперь...

И рассказал свою печальную историю.

Роберт Мавева, так его звали, был бойцом одного из партизанских отрядов в соседней Зимбабве. Вместе с другими патриотами он сражался за освобождение своей страны от гнета белых поселенцев, которые назвали ее Родезией, по имени одного из первых английских пришельцев — Сесилия Родса.

Война в буше, в зарослях джунглей, полна суровых лишений. Партизанам приходилось сражаться с коварным и хитрым врагом, вооруженным современным оружием, вертолетами и бронетранспортерами. Стремясь задуть патриотов голодом, правительственные войска в районах активных партизанских действий уничтожали продовольствие, сжигали амбары с зерном и урожаи. А чтобы лишить партизан помощи и поддержки населения, сгоняли жителей из мелких

деревень в более крупные, так называемые «укрепленные деревни», которые находились под надзором войск. Таким образом, партизанам, когда карателям удавалось загнать их в глубину джунглей и полностью отрезать от внешнего мира, приходилось вести суровую борьбу за существование. «Сражались» с мухаму цеце, пили воду из мутных речек.

«Ты чувствовал бы себя уютно, если бы ты был слон», — смеялся командир, подбадривая своих бойцов. Впрочем, слону приходилось плохо, если он встречался на пути. Его убивали, а мясо консервировали особым способом. Это обеспечивало отряд едой на несколько недель.

Попадались и другие животные. Хуже было то, что совсем не находилось более привычной для африканцев пищи — кукурузы. Но, главное, партизаны были лишены медицинской помощи. А ведь среди них имелись раненые и больные. Многие страдали от непривычного мясного рациона и потребления грязной воды. Применялись, правда, традиционные африканские методы лечения. Но они помогали не всегда.

Однажды отряд Роберта оказался сравнительно близко от его родной деревни. Он пошел к командиру и доложил, что хотел бы навестить семью, а заодно раздобыть, если удастся, кукурузной муки и немного лекарств. «Хорошо, — сказал командир, — ты неплохой боец, и я могу поручить тебе это важное задание. Вместе с тобой пойдет Джон, лучший разведчик отряда, — главное, постарайтесь раздобыть побольше лекарств».

Роберт радовался напарнику — это был веселый, ловкий и храбрый парень, всеобщий любимец отряда.

Целый день они пробирались только одному Роберту известными тропами к его родной деревне. Тут их ждала неожиданность: на окраине они заметили солдат в форме служащих «вспомогательных войск» — это были африканцы-предатели, служившие в войсках расистов. Новые хижины, выросшие на окраине деревни, дымки над ней — все говорило о том, что каратели устроили здесь еще одну «укрепленную деревню». Партизаны немедленно скрылись в чаще и, отойдя на приличное расстояние, устроили совещание: что делать? Неужели возвращаться с пустыми руками?

— Тебе идти нельзя, — сказал Джон, — тебя узнают и могут выдать. А меня примут за одного из новоприбывших.

Роберт с неохотой согласился: трудно было отказываться от столь долго ожидавшейся встречи с женой и детьми — и где? — у самого порога дома. Но делать нечего — он мог провалить задание. Роберт рассказал товарищу, как отыскать жену: «Она свяжет тебя с верными людьми из подпольного комитета Патриотического фронта, и они помогут найти все необходимое». Они договорились, где встретятся через сутки, и расстались.

На следующий день Роберт с нетерпением ожидал возвращения друга: хотелось поскорее узнать о семье. Как там они? Живы ли? Но Джон задерживался. Впрочем, это был неплохой знак: если он не вернулся сразу, значит, связь установлена. А добыть медикаменты и муку не так-то просто. А может быть, Джон попался? И теперь каратели идут сюда, чтобы схватить его, если напарник не выдержал пыток и проболтался? Чепуха, оборвал он себя. Не такой Джон парень. Да и не из таких передраг ему удавалось благополучно выпутываться.

В отдалении послышался слабый щелчок. Что это — выстрел? Роберт напрягся, вслушиваясь, ожидая ответной стрельбы. Если товарища обнаружили, его будут преследовать. Но все было тихо. Время проходило в томительном ожидании. Неподдалеку хрустнула ветка, и Роберт, вздрогнув, выхватил пистолет. Нервы были напряжены до предела. В это время сзади зашуруло в кустах, он обернулся. В зарослях, в нескольких шагах от него, шел человек в

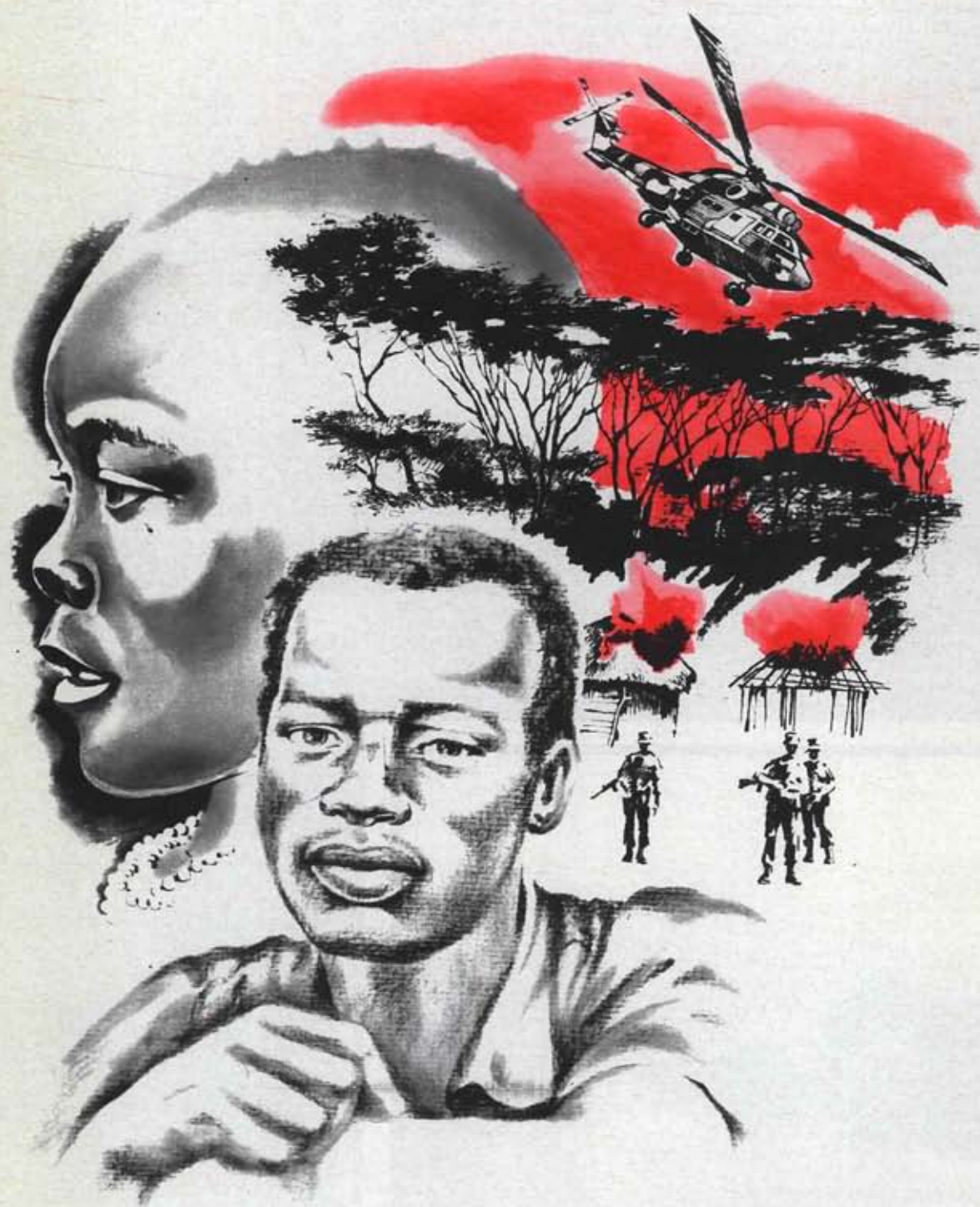

Рисунок Владимира РОДИНА

форме солдата вспомогательных сил. Направив пистолет, Роберт выстрелил... И только в момент, когда человек, протянув к нему руку, медленно опустился на землю, ему почудилось в его фигуре что-то знакомое. Он взгляделся: перед ним в форме врага лежал его товарищ.

— Джон!— позвал он.— Джон, ты меня слышишь?
— Роберт!— отозвался из-за кустов женский голос.— Роберт, что ты наделал?

Из зарослей вышла его жена:
— Что ты наделал, Роб?

Джон был убит наповал. Он и на этот раз сделал все, что мог, и выполнил свое последнее задание: отыскал нужных людей, и они помогли достать лекарства и кукурузную муку. Жена Роберта, которая решила помочь Джону донести два куля с мукой и лекарства, а заодно повидать мужа, рассказала: уже сравнительно недалеко отсюда они напоролась на солдата. Джон был быстрее — выстрелом из пистолета успел обезвредить врага, вооруженного автоматом. Тут ему в голову пришла «счастливая» мысль — надеть форму противника и продолжать в ней путь до самого отряда, не подвергая себя опасности неожиданного нападения. Эта мысль стоила ему жизни.

— Что будем делать, Роб?— спрашивала жена.— Ведь твои товарищи не простят тебя.

Он и сам знал это. Знал, как любили в отряде бесстрашного разведчика, который не раз приносил важные сведения, помогавшие партизанам избежать многих опасностей. Но что было делать? У него не было иного пути. А может быть, лекарства, мука и автомат, которые он принесет партизанам, хоть отчасти искупят его вину в их глазах?

— Я вернусь в отряд,— сказал он, и жена стала размазывать кулаками слезы.— А ты береги детей.

Они вырыли могилу, похоронили убитого, и Роберт ушел, тяжело волоча за собой кули. Только через два дня, измученный тяжелым грузом, добрался он до своих.

— А где Джон?— спросили его товарищи. Не отвечая, он направился к командиру. Его рассказ выслушали молча. Никто не проронил ни слова. Только командир сказал:

— Хорошо. Теперь иди отдыхать. Завтра мы решим, как поступить с тобой...

Но Роберт понимал, что окаменевшие, мрачные лица товарищей, избегавшие его взгляды не предвещали ему ничего хорошего. Он не выдержал, испугался суда и ночью, потихоньку выбравшись из расположения лагеря, бежал.

Он долго скитался по джунглям, пока случайно не встретил другой партизанский отряд, примкнул к нему и несколько месяцев воевал в его рядах. Однако

слух о его местопребывании каким-то образом достиг первого отряда, и его командир передал волю бойцов — судить и наказывать, как того заслуживает. Суд в суровых условиях войны был скорый: что он мог объяснить своим новым товарищам? Его приговорили к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

Однако пуля прошла мимо сердца. Его подобрали жители ближайшей деревушки и, думая, что с ним расправились каратели, приютили и вывели его. Он долго болел, а когда стал выздоравливать, перед ним снова встал тот же вопрос: что делать? Подвергать и дальше опасности тех, кто его выводил, он не хотел: ведь каратели жестоко мстили за «сотрудничество с террористами». Домой идти не мог. Партизаны его расстреляли. Куда деваться?

После долгих и мучительных раздумий Роберт отыскал свой первый отряд и явился с повинной. Хмуро встретили его бойцы. Привели к командиру. Тот долго молчал. Наконец, оглядев суровые лица обступивших их бойцов, сказал: «Дважды за одно преступление не расстреливают. Я — за то, чтобы простить его и дать возможность в боях искупить свою вину».

Так и порешили — простить и дать в руки боевое оружие. Он воевал хорошо. Стремясь восполнить потерю Джона, ходил в самые рискованные разведки, и смерть, казалось, ходила по его пятам, но не могла догнать. Наконец, наступило время, когда его равноправное положение в отряде было полностью восстановлено, никто больше не сторонился и не избегал его.

Как-то, находясь в одной из дальних разведок, он повстречал односельчан. Они рассказали: его жена, до которой дошло известие о его казни, забрала детей и отправилась в соседнюю Ботсвану, к дальним родственникам — положение ее в деревне стало трудным. С одной стороны, она, как жена партизана, опасалась репрессий карателей, которые, терпя поражения в боевых действиях в буше, все более озлоблялись; а с другой — отношение к ней в деревне резко изменилось с тех пор, как там узнали, что Роберт — «плохой партизан». А ведь он наказывал ей — беречь детей...

Больше о ее судьбе ничего известно не было. Он долго не решался обратиться к командиру. Наконец, после одного из жарких боев, в котором он снова отличился и командир при всех похвалил его за отвагу, Роберт попросил разрешения отправиться на поиски семьи и был отпущен.

И вот он пробрался в Ботсвану. У родственников ее не оказалось. Все же ему удалось выяснить, что жена и трое детей теперь находятся в одном из лагерей для зимбабвийских беженцев. Он отправился туда, но опоздал. Буквально накануне расисты совершили налет на лагерь. Это называлось у них — «преследовать партизан по горячим следам». Под таким предлогом они переходили границу и вымещали свою злобу за военные поражения на беззащитных людях, многие из которых — родственники борцов за свободу.

Вместо лагеря он нашел дымящееся еще пепелище. Во время налета бандиты в упор расстреливали бегущих беженцев, в основном женщин и детей. Лишь немногим удалось скрыться от преследователей. Раненых добивали. Хижины, где жила его семья, была разворочена снарядами. На горячей земле — следы крови. Среди собранных обезображенных трупов он нашел тела близких. Так Роберт похоронил свою семью.

Смерть все-таки догнала. И покарала — если не его самого, то жену и детей...

Когда рассказчик умолк, в комнате наступила тишина. Я впервые почувствовал близкое дыхание бушующей неподалеку войны. Мне почудилось, что земля под ногами чуть слышно содрогается и вдалеке раздаются едва уловимые раскаты оружейных залпов...

Когда пришла пора прощаться, Роберт Мавева сказал:

— Я запомнил мотив вашей грустной песни и, когда вернусь в отряд, обязательно расскажу о том, как в далекой России в пустыне, занесенной снежными сугробами, умирал раненый русский партизан и просил товарища передать наказ жене и детям...

Я не стал его поправлять. Разве так не могло быть в действительности? В каком-нибудь эпизоде гражданской или Отечественной войны?

А Питер, провожая меня в темноте до машины, сказал:

— Наверное, так рождаются легенды... Я не удивлюсь, если когда-нибудь вновь услышу историю о русском партизане, замерзающем в снежной пустыне. Возможно, в несколько ином виде, с иными деталями, а может быть, даже в чем-то сходную с историей самого Роберта...

Репортаж об интересном

Мария БОГДАНОВА.
Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

На высокой железнодорожной насыпи стоял странного вида состав: обуглившиеся, в кирпично-желтых ожогах остовы вагонов соседствовали с несколькими совершенно целыми, ровной темно-зеленой окраски. А между ними — открытая платформа с огромными черными головами юпитеров. Неподалеку в густеющих сумерках краснели две пожарные машины. Но стояли они так отстраненно и тихо, что сразу было видно: происходящее на железнодорожной насыпи не очень их беспокоит. Значит, никаких катастроф и бедствий.

В действительности. Но не в кино. Для съемочной группы, занятой подготовительной работой, этот обгоревший состав и эта высокая насыпь — место трагедии, разыгравшейся на «34-м скором». Так называется картина, снимаемая на киностудии «Мосфильм». Но в предстоящем эпизоде будут участвовать не актеры, хотя их фамилии поставят в титрах рядом с именами героев фильма. Не актеры сейчас будут прыгать из горящего вагона, катиться по каменистому склону, расцеплять на ходу охваченный пламенем состав... Это

примут на себя другие. Такова их профессия — каскадеры.

Пока горят юпитеры, пока еще неподвижна и тиха кинокамера, пока режиссер фильма Андрей Малюков и операторы ведут уточнения последних деталей будущей съемки, внизу под насыпью в сгущающейся темноте ходят двое, внимательно осматривая предстоящее место действия. Один — в светлом плаще и кепке, другой — в военной форме с погонами сержанта. Это отец и сын Массарские. Старший Массарский, кандидат педагогических наук, заслуженный тренер РСФСР — постановщик трюковых сцен фильма «34-й скорый», где занята его группа каскадеров. А младшему предстоит сыграть роль молодого сержанта, заменив в этой сцене актера, потому что по ходу действия его герой, спасая пассажиров из горящего вагона, загорается сам и бежит по насыпи в пылающей одежде, пытаясь сбить пла-

мя. Сыграть такую сцену могут доверить только каскадеру — человеку, знающему коварную природу огня и уже имевшему с ним дело, физически выносливому и ловкому.

Среди кандидатов для исполнения этой роли Александр Массарский выбрал своего сына. Два дня назад он сам «горел» в другом эпизоде. Ему-то хорошо известно, что значит оказаться охваченным пламенем, пусть даже в защитном костюме, и при этом сохранить способность ориентироваться и действовать по заданному рисунку роли. Теперь это испытать должен будет Массарский-младший.

Они поднимаются на насыпь. Операторы наготове, каждый у своего аппарата. Александр Массарский достает зеленый пластмассовый флакон с горючей смесью его собственного приготовления и смазывает фуражку, спину и ноги Кости. По единой команде вспыхи-

вает огонь, начинает стрекотать камера — и пылающая фигура юноши в военной форме страшными огненными зигзагами несется вниз по насыпи. Глядя на это движение, хочется крикнуть: «Давай же падай скорей!» Но каскадеру надо пройти весь намеченный заранее маршрут, чтобы эта сцена выглядела в фильме эффектно и выразительно. И вот он наконец падает на спину, чтобы сбить пламя, и первыми к нему бросаются его товарищи по ремеслу, каскадеры Олег Василюк и Вадим Андреев, которые, смешавшись с другими, спешат на выручку отважному «сержанту». В руках у них одеяло. Оно поможет поскорее сбить пламя.

Потом как-то в разговоре, который шел в купе «мирного» вагона в перерыве между съемками, Олег сказал, что среди прочих навыков каскадер должен уметь мгновенно реагировать на те опасности, которые угрожают ему само-

му, при этом не теряя из виду своего напарника. Согласованность действий, чувство партнера — непереносимое условие их работы.

У каждой специальности, вероятно, есть своя профессиональная этика поведения. В профессии каскадера необходимость в ней жизненно важна. Каскадеры — люди особого психологического склада. Они не просто мужественные и отважные. Ведь главное в поведении любого смелого человека, попавшего в критическую ситуацию, — мгновенно и с наименьшим риском избежать опас-

ности. Для каскадера такой выход чаще всего неприемлем. Во-первых, мгновенность действия некинематографична, зритель еще не успеет понять, что же происходит, как все уже кончится. Во-вторых, далеко не все люди, которых приходится изображать каскадерам, обладают мужеством и смелостью и умеют правильно вести себя в опасной ситуации. Есть такой эпизод в «34-м скором»: из вагона падает девушка и катится вниз по насыпи. Сильный и ловкий мужчина постарался бы сгруппироваться или же как-то притормозить свое падение. Но молодая, смертельно напуганная женщина не может это сделать. Поэтому не может это сделать и Олег Василюк, изображающий ее в этой

сцене. И он катится, беспомощно раскинув руки, расслабленно и беззащитно. После такого падения женщина вряд ли смогла бы сама подняться, не то что повторить его. А Олег встает и идет делать очередной дубль. Дело не только в том, что он может преодолеть боль, страх и усталость. У него есть профессиональные навыки падать так, чтобы создавалась полная иллюзия смертельной опасности, отделяваясь лишь ушибами и царапинами. В этом — искусство каскадерского дела.

Умение управлять инстинктом самосохранения (именно управлять, а не подавлять его, иначе каскадер проводил бы значительную часть жизни в больницах) — это умение составляет

КАСКАДЕР В КИНО — ПРОФЕССИЯ ТРУДНАЯ И СИНТЕТИЧЕСКАЯ. ОН ДОЛЖЕН ОДИНАКОВО МАСТЕРСКИ УМЕТЬ «ТОНУТЬ», ВЫПРЫГИВАТЬ НА ХОДУ ИЗ ГОРЯЩЕГО ПОЕЗДА, НЫРЯТЬ ВМЕСТЕ С ЛОШАДЬЮ В БУРЛЯЩИЙ ПОТОК, СОВЕРШАТЬ ПРЫЖОК С КРЫШИ ДОМА НА ЗЕМЛЮ, ПОПАДАТЬ ПОД МАШИНУ... И ВСЕ ЭТО КАСКАДЕР ОБЯЗАН ИСПОЛНИТЬ ПРАВДИВО, УБЕДИТЕЛЬНО.

Каскадеры

специфику работы каскадера. Но это только одна психологическая сложность исполнения опасных кинотрюков. Есть еще и другая.

Все каскадеры — мастера спорта. Но использовать напрямую свое спортивное мастерство зачастую не входит в «правила игры» кинематографа. Был такой случай на съемках «Освобождения», о котором рассказал Андрей Малюков, один из режиссеров этого фильма. Снимали схватку на занятой гитлеровцами переправе. Под ударами наших танков началось бегство противника. Одетые в фашистскую военную форму спортсмены (специально подобранные прыгуны с вышки) должны были изобразить солдат, прыгающих в воду... Но как же красиво, четко они летели вниз ласточкой!

Казалось бы, анекдотичный случай. Но скрытая в нем закономерность подтвердилась в следующей работе Малюкова — фильме «В зоне особого внимания». Для исполнения эпизодов с драками была приглашена спортивная группа каратистов. Ребята доброжелательно, со знанием дела наносили удары, защищались, импровизировали по-спортивному верно и точно, но... на экране это не производило никакого впечатления. Все финты были незаметны, принимавшие удар реагировали, как настоящие мастера, — молниеносно и в результате неэффективно. Словом, это была совсем не «кинематографичная» драка.

На съемку своего нового фильма «34-й скорый» Андрей Малюков пригласил каскадеров, имеющих уже большой опыт работы в кино, — группу под руководством Александра Массарского, в которую входят, можно сказать, почти профессионалы. Почему «почти»? Потому что эти каскадеры — Олег Василюк, Вадим Андреев, Костя Массарский — снимаются в кино, беря отпуск на своей основной работе, кто в конструкторском бюро, кто в вычислительном центре. Но назвать их работу в кино увлечением или хобби было бы слишком легковесно. Очень уж многого она требует от человека.

В этом деле необходимы особый психологический склад, особая физическая подготовка, большое мужество. Создание трюка требует и специальных знаний, изобретательности, фантазии. Как изобразить выразительнее и безопаснее переправу военных частей через реку под огнем противника, чтобы все выглядело достоверно? Для этого нужно знать, как люди падают от взрывной волны, как падают сраженные пулей, при этом нужно еще учитывать и выразительность позы и скорость движения... Нельзя забывать и о законах физики.

Если бы Александр Массарский «забыл» и не учел, что взрыв в воде гораздо опаснее, чем в воздухе, то сцена переправы в фильме «Блокада» принесла бы довольно существенные неприятности и актерам и каскадерам. По его совету пиротехники стали устраивать «взрывы» прямо на плотках и все ранения, к счастью, пришлось лишь изображать.

Каскадеры сами изобретают и защитные костюмы, которые предохраняют их от ожогов, и горючие смеси с низкой температурой горения, и различные типы страхующих матов для падения с высоты, и многие другие приспособления. К каждому фильму, к каждому трюку — свои. Конечно, опыт предыдущих работ помогает в последующих, хотя прямых, буквальных повторов не бывает. Но, к сожалению, никаких книг, наставлений, разработок по каскадерскому делу нет, не говоря уже о том, что нет никакой специальной школы.

О необходимости серьезной профессиональной подготовки людей для работы в трюковых сценах говорит и наш известный мастер «автомобильных чудес» Александр Микулин, автор знаменитых погонь в фильмах «Берегись автомобиля» и «Петровка, 38». Самые крупные неприятности, по его мнению, происходят чаще всего тогда, когда в трю-

ковых сценах заняты случайные люди, не имеющие ни достаточного опыта работы в кино, ни профессиональных знаний, ни тренированности. Но в то же время спортсмены-гонимки не часто оказываются способными выполнять кинотрюки. У них возникает своеобразный психологический барьер, ведь в работе каскадера нужно делать то, что ни один здравомыслящий, квалифицированный водитель никогда не делал и не намерен делать.

Чего только не приходилось исполнять Микулину за 17 лет работы в кино! И ездить, лежа на сиденье, чтобы не было видно, кто ведет машину, и выпрыгивать из автомобиля на ходу, и «гореть», и «тонуть» в машине.

Нельзя сказать, что тщательная продуманность и подготовленность к трюку, высокий класс вождения избавляют от риска. Как бы ни был продуман и подготовлен такой момент в фильме «Директор», когда Микулину нужно было сбросить пылающую машину с сорокаметрового обрыва в точно заданный квадрат, риск неизбежен.

При создании автомобильных трюков ответственный этап — подготовка машин к съемкам.

Для каждого трюка машина готовится специально. Причем парадокс в том, что для того, чтобы работа каскадера не была сопряжена с большой опасностью, автомобиль должен быть в таком состоянии, в каком ни один техосмотр не выпустил бы его на трассу. Для резких разворотов, столкновений или других трюков необходимо, к примеру, чтобы тормозило только одно или два определенных колеса, тогда выполнить трюк будет гораздо легче и менее рискованно. Покрышки тоже подбираются в зависимости от выполняемой задачи; иногда нужны совсем «лысые», а в других случаях годятся только новые.

Разрабатываются и необходимые для трюка приспособления. Трамплины, с которых машина совершает точно рассчитанные прыжки, специальные конструкции, помогающие эффектно и безопасно совершить наезд на какой-нибудь объект, будь то строительные леса или телефонная будка. Но прежде чем приступить к их изготовлению, описания и чертежи конструкции должны быть утверждены отделом техники безопасности киностудии. Но, конечно, невозможно предвидеть все.

— В самом начале моей, так сказать, «карьер» был случай, когда на полностью перекрытом участке горной дороги при очень сложной съёмке неожиданно за одним из «закрытых» выездов на трассу оказалась машина. Она выехала с боковой проселочной дорожки. Водитель, конечно, не предполагал о трюковых съемках, и как для него, так и для меня было полной неожиданностью увидеть друг друга за долю секунды до возможного столкновения.

Разъехались мы чудом. Хорошо, что он не успел среагировать и не бросился на правую сторону. Ведь я мчался по левой стороне, а он по середине шоссе.

Автомобильные трюки, исполненные или поставленные Александром Микулиным, всегда несут в себе определенный кинематографический образ. Он может быть героическим или ироничным, детективным или комичным... Эта образность в той или иной степени касается любого вида кинотрюков, будь то конные «каскады», работа с огнем, потасовки, падения. В них должен чувствоваться колорит времени, они должны выявлять характер героев, каждый из трюков призван выполнять свою определенную функцию в ряду других образов фильма, он должен быть и эффектным и достаточно эстетичным.

Так что каскадер для успешной работы в кино необходимо еще обладать и художественным воображением и артистизмом. Тогда появляются в кино такие великолепные трюковые сцены, как сражение Павла Верещагина с отрядом басмачей на борту баркаса в фильме «Белое солнце пустыни». Этот эпизод

может уже и сейчас служить классическим примером трюковых сцен.

Массарский, дублировавший актера Луспекаева, вспоминает, сколь тщательно продумывались вместе с режиссером фильма Владимиром Мотылем каждая деталь, каждый шаг и движение участников этой схватки. Шел подлинный творческий поиск средств выразительности, отвечающих духу и замыслу фильма. Как и откуда должны появиться перед Луспекаевым басмачи, как они должны напасть, и как должен защищаться русский силач; какие наносятся удары, чем — все это по многу раз проговаривали, меняли, придумывали... В долгих, подчас мучительных поисках родилась эта отточенная, яркая миниатюра, в которой с такой пронзительной ясностью выразились сила и обреченность доброго человека Павла Верещагина — последняя роль замечательного актера Луспекаева. Он один из тех немногих киноактеров, чья физическая подготовка и спортивные навыки позволяют не прибегать к помощи каскадеров во всех тяжелых и опасных эпизодах. Но все же в сцене на баркасе Луспекаева должен был дублировать Массарский, так как болезнь уже сильно подточила здоровье актера. Однако Александр Самойлович отмечает, что ему пришлось работать в этом эпизоде очень немного. Большинство трюков выполнял сам актер. Превозмогая боль, преодолевая невероятные физические трудности, потому что его ноги были поражены недугом. Это была героическая победа человека над жестокой болезнью.

Способность к столь высокой физической и психологической мобилизации воспитывается в человеке прежде всего спортом. Причем только настоящим, большим спортом, а не просто занятиями физкультурой. Именно поэтому за неимением профессиональных каскадеров постановщики фильмов ищут помощников среди спортсменов-мастеров. Может быть, человек неспортивный и хотел бы и пытался бы выбраться из той сложной ситуации, в которую попал Петр Ренский во время съемок фильма «Города и годы», да, наверное, не смог — ушел бы со съемок, и никто бы его за это не осудил.

Но Ренский, дважды чемпион мира по фехтованию, получив по нелепому недоразумению тяжелую рану (шлаштыковая схватка и, упав на землю, поднялся именно в тот момент, когда другой каскадер выдернул воткнутую винтовку и штык полрнул его по лицу), все же продолжал делать дубль за дублем. Прервать съемку значило сорвать план работы. Рана нещадно кровоточила, но Ренский взял у гримеров клей и залепил рану. Несколько дублей — и каждый раз приходилось накладывать новый слой клея.

В первом официальном документе, определяющем статус «трюкачей», — положении о каскадерах, его составил Александр Массарский ставил непереносимым условием работы человека в этой области высокий спортивный разряд. Этот устав был принят на «Ленфильме» и затем рекомендован для других киностудий страны. Сделаны первые шаги для перехода каскадеров в профессионалы.

Конечно, осуществить это не просто по многим причинам: нужно определить, в каком учебном заведении и как вести обучение каскадерскому делу, чтобы получившие диплом специалисты обладали способностью выполнять разнообразные трюки, стали своего рода многоборцами. Нужна гарантия постоянной занятости в фильмах. Нужно разработать различные нормативы и положения — без этого не обойтись. Работа каскадера не может быть хобби. Слишком много зависит от ее качества: и здоровье людей, и художественный уровень создаваемого фильма, и дальнейшее развитие кинематографа — самого зрелищного и обладающего огромными изобразительными возможностями, которые пока еще в немалой степени остаются лишь потенциальными.

Удачливая актриса — Ольга Остроумова. И не только потому, что, несмотря на молодость, имеет богатый «послужной список». Главное, думается, пощастливилось ей сыграть, и сыграть великолепно, именно в тех самых фильмах, не сереньких — крепких, значительных: «А зори здесь тихие...», «Любовь земная», «Судьба». Вот и название последнего фильма сразу «сработало» — подумалось: сложилась актерская судьба-биография у Остроумовой. А у многих не складывается, буксует. И часто у способных, с искорками таланта. И присасуют искорки.

...Помните эпизод из кинофильма «А зори здесь тихие...», когда героиня Остроумовой Женья Комелькова на глазах у затаившихся в прибрежных кустах фашистов бросается в студеную воду, чтобы специально привлечь внимание врагов и убедить их в том, что на противоположном берегу озера находятся ни о чем не подозревающие лесорубы? Рядом со мной на премьере в московском кинотеатре «Россия» сидел пожилой человек с выправкой, выдававшей в нем старого кадрового военного. Так вот, в разгар этого эпизода каким-то «вторым» слухом я уловил, как мой сосед стал рыться в карманах, и через несколько мгновений ощутил запах валидола... Столь же остро переживал ситуацию и весь зал.

Остроумова умеет захватить не только зал театра, но и кинозрителей, а это, как мне думается, значительно труднее — ведь в кино у актера нет контакта со зрителями и, вынося свою работу на их строгий суд, актер может полагаться лишь на свое понимание роли, чутье, вкус. Чувство вкуса, ощущение меры, по-моему, никогда не изменяли Остроумовой (по крайней мере в кино). Ей веришь как самому себе.

Героини Остроумовой в кино — это в основном испившие чашу горя женщины. Воплощая образы этих женщин, другая актриса, вероятно, пострадала бы вызвать в зрителях сочувствие, сожаление. Другая, но не Остроумова. Ее героинями восхищаешься — их цельностью, стойкостью, душевной красотой, и это несмотря на сложные перипетии их жизни (в фильме «А зори здесь тихие...» — Женья Комельковой, в «Любовь земной» и «Судьбе» — Мани Поливановой), которые других могли бы сломить, стереть в порошок. Они выстояли, потому что по-настоящему любили. В их жизни точкой опоры была любовь: любовь к Родине, любовь к жизни и к тому одному-единственному, ради которого жизнь имеет смысл. Вспоглощающее стремление соединиться с любимым даже в обход условностей буквально сжигало их души. Ханжам мерещилась безнравственность. А ее и в помине не было! Была высокая человечность, самоотверженная попытка стать выше условностей, разговоров, сплетен, пойти наперекор обстоятельствам, судьбе...

Да, зрители нередко отождествляют личность актера и его героя. Между тем порой бывает, что у актера, кроме умения лицедействовать, за душой нет ничего. Такой исполнитель, если он в ладах с актерской техникой, сыграет любую роль, но вряд ли сумеет уйти за рамки предложенного автором драматургического материала — он не смо-

ЧТО БЕЗ ХАРАКТЕРА ТАЛАНТ?

Евгений БОГАТЫРЕВ

жет привнести в роль что-то свое, потому что своего-то и нет. А есть ли «свое» у Остроумовой? Прямо спрашивать об этом у актрисы я считал тактичным, начал расспрос издаека.

— Все ваши героини, Ольга, люди весьма эмоциональные... Не в вас ли они?

— Я очень не люблю сравнение актеров с теми персонажами, которые они создают.

— А я вам этого и не предлагаю. Речь идет не о родстве душ, скажем, Остроумовой и Комельковой, а о чисто эмоциональной сфере. Если и сравнение, то вскользь.

— Конечно, в любой роли у актера проявляются его какие-то личные качества, его мировоззрение. Скажу о себе: как мне кажется, я по натуре человек... А, впрочем, даже сама не знаю, какой я человек... Когда прочитала повесть Бориса Васильева «А зори здесь тихие...», то загорелась желанием сыграть Женю Комелькову. Но хотелось сыграть и Риту Осянину. И могла бы ее сыграть, уверю вас в этом. В театре я играла одну эксцентрическую роль в комедии польского драматурга Г. Запольской «Их четверо». Играла безобразную дуру, которая в семейной жизни все хочет сделать как можно лучше, но тем не менее разрушает семью. Фарс, буффонада... Естественно, я люблю роли яркие, героические, но не собираюсь отказываться и от эксцентрических, комедийных ролей... Хочу быть актрисой без амшлу. Хочу на одном уровне играть комедию и драму. Никогда не играла в трагедиях. Очень хочется попробовать. Хочется научиться всему, расширить свои возможности.

Путь Ольги Остроумовой в искусство был не простым и не легким. Хотя она не из робкого десятка, умеет быстро найти контакт с людьми и расположить их к себе, постоять за себя, стойко принять удары судьбы. А их, ударов этих, было немало. Первый получила на собеседования перед вступительными экзаменами в ГИТИС. Кто-то из опытных педагогов заметил, что ее выигрышные внешние данные положительной героини не соответствуют тонкому голосочку — трагедии, а посему в театральном вузе ей делать нечего. Почему? Да потому, что даже в случае успешного окончания института она не сможет добиться серьезных успехов на сцене — играть ей будет просто нечего.

Каково услышать такое в 17 лет! Это был приговор. Но Ольга не пала духом. И доказала, что ошибаться могут и умудренные опытом театральные педагоги: поступила в ГИТИС с первой же попытки, а потом после окончания института создала в кино и на сцене много ярких образов современниц.

Если бы не настойчивость, Остроумова вряд ли бы появилась на экране в роли Женю Комельковой, принесшей ей всемирную славу. Я не оговаривался — именно всемирную. За исполнение этой роли в год выхода фильма на экран она признана лучшей актрисой мира по конкурсу кинозрителей, проведенному чехословацким журналом «Кветы», ей вручен приз «Серебряная нимфа» итальянских городов Соренто и Неаполя. С фильмом «А зори здесь тихие...» Ольга побывала на премьерах во многих странах Европы, Африки, Латинской Америки и везде встречала восторженный прием. Но этого могло и не быть, если бы в свое время она не позвонила режиссеру

Станиславу Ростоцкому, у которого, кстати, дебютировала в кино в роли школьницы Риты Черкасовой в картине «Доживем до понедельника», и не попросила попробовать ее на одну из ролей в новом фильме. В кино, как правило, все бывает по-иному — режиссер выбирает актеров и приглашает их на кинопробы. Актрису же предлагать свои услуги режиссеру как-то не принято. А тут еще так вышло, что к моменту, когда Остроумова собралась позвонить Ростоцкому, тот подобрал уже почти всех актеров, и лишь на исполнительнице роли Комельковой он никак не мог остановиться. И вот, попробовав в этой роли Остроумову, Ростоцкий решил, что она и будет Комельковой.

Узнав об этом решении, Остроумова почувствовала себя по-настоящему счастливой. Откуда ей было знать, что вскоре ее ждет еще одно испытание?

— Трудно сказать, какой представляли Женю Комелькову автор повести и сценария «А зори здесь тихие...» Борис Васильев и режиссер Станислав Ростоцкий, но меня стали перекрашивать и перекраивать, попытались сделать из моего лица тонкое, изящное... Однако эффект получился противоположным ожидаемому. После просмотра первых снятых эпизодов все мы испытали откровенное разочарование. Женя предстала с экрана холодной, злой, что называется, стервозной. Было отчего расстроиться и мне; и режиссеру-постановщику, и его коллегам. На Ростоцкого со всех сторон начали нажимать, предлагать ему немедленно принять меры (вы, конечно, догадываетесь, что под этим подразумевалось?). И тут я дрогнула, пришла к Ростоцкому и заявила: все прекрасно понимаю, очень хочу, чтобы картина получилась замечательной, а потому снимайте меня с роли, в обиде не буду.

Но Ростоцкий решил иначе. Он, единственный в группе, поверил в Остроумову. Внушил Ольге, что ей по силам сыграть Комелькову, разрешил сниматься без грима.

Не просто складывались сначала отношения молодой актрисы и с другим известным мастером кино — Евгением Матвеевым, пригласившим ее на главную роль в фильме «Любовь земная». Человек широкий, он требовал такую же ширь, удаливость, размах и от исполнительницы главной роли. «А у меня это не получалось», — говорит Остроумова. — Поэтому вначале возникли трения, недовольство друг другом. Но в конце концов он понял меня, предоставил свободу, и все пошло на лад. На съемках «Судьбы» мы уже понимали друг друга с полуслова».

Согласитесь, мало кто любит вспоминать о своих неудачах и просчетах. Но Остроумова ничего не стала скрывать и откровенно рассказала о трудностях в работе над любимыми ролями, хотя вполне могла бы о них и умолчать, тем более что эти роли удалась актрисе и полюбили миллионы зрителей. Кстати, «Судьба», вышедшая на экраны страны весной 1978 года, собрала в кинотеатрах за год более 100 миллионов человек. А за роль Мани Поливановой в «Любви земной» и «Судьбе» Остроумова удостоена высшей награды советской кинематографии для актера — золотой медали имени Александра Довженко и Государственной премии СССР.

Недавно в одной из московских газет мне попались на глаза заметки о творчестве Остроумовой, начинавшиеся с

описания ее внешности. Прочитал и, честное слово, обиделся за нее. Ибо глубоко убежден, что успехам в кино она обязана отнюдь не своим прекрасным внешним данным, а таланту, трудолюбию, целеустремленности, настойчивости.

Присмотритесь: а ведь удачливая молодая актриса появляется на киноэкране реже, чем многие ее менее известные коллеги. Почему? Объясняется это прежде всего высокой требовательностью Остроумовой к предлагаемым ролям и сценариям. После фильма «А зори здесь тихие...» к ней как из рога изобилия посыпались предложения играть сплошных Женек Комельковых, чуть-чуть в других обликах, с другими именами, но по сути тех же. Целых два года — до «Любви земной» — она отказывалась от всех предложений, от всех ролей.

После «Зорь...» стала «разборчивою невестой», из десяти предлагаемых ролей, как правило, отвергала все десять, потому что не было в них той глубины и цельности характера, как в Женю Комельковой.

Но есть у Остроумовой еще одна причина отвергать многочисленные малоинтересные предложения кинорежиссеров. Главным делом жизни, вечной, непреходящей любовью она считает театр.

Шесть лет работает Остроумова в Московском драматическом театре на Малой Бронной, до этого играла в другом столичном театре — Юного зрителя, была там, что называется, примой. О ее работах той поры много и благожелательно писала пресса. В новом же коллективе Остроумовой не сразу удалось раскрыть свои возможности. Коллеги по сцене утверждают, что ей иногда мешает слишком большая серьезность и частое использование в сценической жизни личного опыта. Но мне почему-то кажется, что они заблуждаются.

Успех сопутствует ей в тех ролях, где она в первую очередь идет «от себя». В этом один из секретов актерской магии Остроумовой.

Есть у нее и другие секреты. Скажем, свое, особое видение мира, зоркий взгляд, умение подмечать в людях их характерные черты, «фотографируя» человека, определять, что в нем главное, а что второстепенное, наносное. Кстати, она и на самом деле прекрасно владеет фотоаппаратом. Ее фотокomпозиции нешаблонны и по-настоящему интересны. Жаль только, что домашние хлопоты не позволяют ей часто брать в руки камеру.

Остроумова же жалеет только о том, что «ее» режиссеры — Ростоцкий и Матвеев — пока не приглашают сниматься в своих фильмах.

— Может быть, у них и есть желание работать со мной, да сценарный материал не позволяет занять меня. Но будь я на их месте, постаралась бы максимально использовать одних и тех же актеров, с которыми раньше сложились хорошие творческие связи. Потому что там, где собираются единомышленники, обычно получается хороший ансамбль, одна «компания», в которой все прекрасно понимают друг друга.

Спустя несколько дней после разговора с Остроумовой я беседовал с народным артистом СССР Евгением Матвеевым и не преминул его спросить, собирается ли он в дальнейшем приглашать Остроумову сниматься в своих фильмах, и в ответ услышал:

— Да, конечно!

— Работать с Остроумовой легко и приятно. Оля — замечательный человек: честный, отзывчивый, искренний, трудолюбивый, жадный до знаний, очень начитанный — ее эрудиция может позавидовать и многие актеры более старшего поколения. Остроумова — актриса широких творческих возможностей, которые она все больше и больше раскрывает каждой своей новой работой. А пять лет назад, когда я приглашал ее на роль Мани Поливановой в «Любовь земную», большинство моих коллег не верили в Остроумову, считали, что актриса еще не достигла большого мастерства в искусстве перевоплощения, и всячески отговаривали меня от, как им казалось, опрометчивого шага — снимать Остроумову в этой роли. Однако я поступил по-своему и считаю, что не ошибся. Хотя мы и не сразу нашли взаимопонимание. Да и не все сначала получалось у Оли, может быть, потому, что она никогда не жила в деревне и, попав в непривычную для себя обстановку, поначалу растерялась. Но со временем ей удалось найти нужные краски. Она до такой степени овладела лексикой и фонетикой своей героини, так прочувствовала народный колорит, так тонко провела линии роли, сумев уйти от традиционности в показе героини-разлучницы, что все те, кто раньше ее недооценивал, поняли, что родилась по-настоящему большая актриса.

В этом лишний раз убеждает работа Остроумовой в только что законченной режиссером И. Поплавской на «Мосфильме» картине «Василий и Василиса» по одноименному рассказу В. Распутина, в котором Ольга блистательно играет строптивую старуху Василису (как видите, она сама не побоялась состарить себя на экране). Даже товарищи по театру, вроде бы хорошо знающие возможности актрисы, и те были прямо-таки ошарашены достоверностью, реальностью Ольгиной Василисы. А одна из подруг призналась: «Сегодня я поняла, что быть красивой для талантливой актрисы трагедия. Нужна такая роль старухи, чтобы тебя по-настоящему оценили...» Здесь, кажется, в самый раз поставить точку. Так я и сделал бы, если бы случайно не узнал об одной истории, связанной с Остроумовой. Вместе с фотокорреспондентом мы однажды отправились к ней домой сделать снимки. Как раз накануне я смотрел в театре на Малой Бронной «Веранду в лесу». В этом спектакле Остроумова играет ботаника Лиду, влюбленную в родную землю, в природу, в свой заповедный край и отстаивающую эту любовь, свои взгляды, свои принципы без скидок на обстоятельства. И, надо же, у самого дома Остроумовой я случайно услышал историю, созвучную теме виденного накануне спектакля.

— Представляешь, на днях рабочие из районного треста по благоустройству собирались спилить эти столетние тополя, — говорил нестарый еще, лысоватый мужчина своему попутчику, показывая на могучие деревья, — кому-то пришлось в голову, что они затемят улицу. И спилили бы, не вмешайся наша соседка артистка Остроумова. Чуть ли не собой деревья заслонила — и спасла. Боевая женщина!

Я закинул вверх голову и увидел, как высоко в небе покачиваются тополиные ветви, словно приветствуя свою спасительницу.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены»

Рассказывают, что в старину было такое правило. Узбекский мастер-гончар, принимая к себе в ученики юношу, давал ему кусок глины и предлагал вылепить из нее всё, что тому заблагорассудится. Если юноша использовал всю глину без остатка и, закончив работу, мог объяснить, почему она не совершенна, он проходил испытание. Если сделанная юношей вещь нравилась ему самому, он не находил в ней изъянов, а часть глины оставалась неиспользованной — мастер отсылал его домой.

Потому что в гончарном, как и в любом другом деле есть свои законы, которые будущий художник должен постигнуть сам, без подсказки. Первый — уметь ценить материал, второй — никогда не удовлетворяться уже найденной формой. Может

Как же рождается керамика, которая на протяжении тысячелетий продолжает изумлять людей изяществом линий и игрой цвета? Оказывается, что нет какого-то единого рецепта, каждая школа мастеров владеет своими секретами изготовления керамики. Кто-то придает больше значения форме, кто-то прочности изделий, кто-то росписи. Потому и отличается процесс производства режимом сушки и обжига, а сам материал присутствием в нем тех или иных компонентов. И все-таки есть в самом процессе операции, практически общие для всех школ. Поэтому, понаблюдав за тем, как творят керамику мастера Ташкентского экспериментального комбината, мы получили представление об одном из древнейших национальных ремесел вообще.

Но прежде немного истории. «Прочную и красивую посуду, пригодную для стола и для украшения жилья, делают здесь в изобилии из обычной глины, подвергнув ее огненному закаливанию. Краски на посуде той чудны и хранят свежесть века», — так писал один из генуэзских купцов, посетивших Узбекистан в шестнадцатом веке. В Европу и Африку

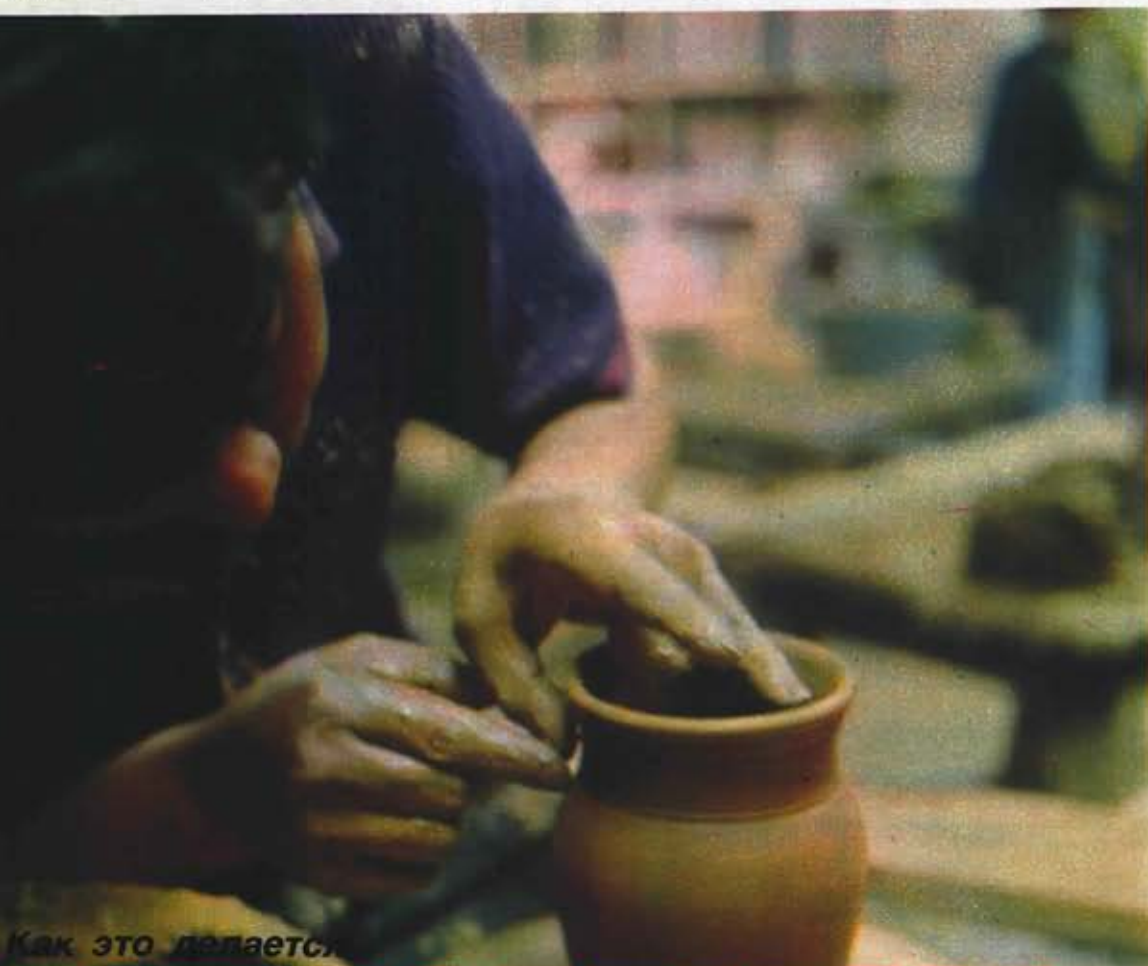
везли отсюда хрупкие вазы и кашпо, сосуды и пиалы, ляганы и шакасы. Везли и точные описания самого процесса их изготовления. Вдохновленные искусством узбекских мастеров, их заморские коллеги пытались создать подобные же предметы, последовательно повторяя все операции. Но их керамика либо рассыпалась при первом же прикосновении, либо выходила далеко не столь изящной. Главное же — никому из иноземных художников не удавалось постичь тайну раскраски изделий, цвета на них умирали, едва родившись. Может быть, потому, что нельзя было перевезти за море солнце и землю Узбекистана. Как бы там ни было, керамика осталась подлинным искусством лишь в Азии, а в наиболее интересных формах — в Узбекистане.

Но и в самой республике было и есть немало керамических школ с присущими каждой из них своей манерой росписи и цветовым колоритом. К примеру, самаркандские мастера всем иным цветам предпочитали серебристые, риштанские — цвет голубого неба, каттакурганские — алый цвет зари. Ташкентские же керамисты начинали со светлых тонов, но постепенно обогащали свою цветовую палитру, заимствуя у различных школ их классические оттенки и составляли новые. Но не теряли ташкентцы и свои исконные цвета — нежно-золотистый и палевый. И если выставить во двор всю керамику, сработанную мастерами комбината за день, то при всем многообразии оттенков тысячи изделий сольются — таки в золотое озеро, освещенное догорающим на горизонте солнцем.

Трудно, очень трудно поверить, глядя на рукотворную красоту каждой вещи, на этот истинный праздник линий и красок, что основа всему этому ничто не родящая глина. Впрочем, может, и не родит она ни цветов, ни трав, но знает за собой иную силу.

Да ведь и глина идет на керамику не любая. Должна она быть легкой и пластичной, а для

ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ ОГНЕМ.

Как это делается

КЕРАМИКА

быть, и поэтому тоже так многообразна и многолика узбекская керамика.

В специальном хранилище Ташкентского экспериментального комбината прикладного искусства собраны более двух тысяч образцов керамических изделий. Это своего рода золотой фонд комбината, овековеченная история современной национальной керамики. Но не только.

Стирая пыль с миниатюрных косушек, тяжелых ляганов, хрупких ваз и поднося их к свету, мы ощущали своеобразие каждой вещи, индивидуальность творческих почерков их создателей. Две пиалы, кажущиеся одинаковыми размером и цветом, когда они стояли на стеллаже, в руках были совершенно различны. Одна удивляла легкостью и послушностью линий боковых стенок, другая была массивна и словно прилипла к ладони. Разнились они и цветом: нежно-зеленый и изумрудный, и даже теплом: первая, легкая, была тепла, вторая — холодна как лед. Но и две тысячи образцов — лишь малая часть того, что сработано за десятилетия узбекскими мастерами. Собрать все их изделия невозможно, ведь почти каждый кишлак гордится своими собственными гончарами. И по праву.

**РУКИ МАСТЕРА
ОЖИВЛЯЮТ
МАТЕРИАЛ.**

**ПРОЧНОСТЬ
ИЗДЕЛИЯМ
ИЗ ГЛИНЫ
ПРИДАЕТ
И ГОРЯЧЕЕ
УЗБЕКСКОЕ
СОЛНЦЕ.**

прочности содержать в себе алюминий. Такая глина податлива человеческим рукам, а изделие из нее долговечно. Ташкентским керамистам за сырьем далеко ездить не надо, под самым городом, да и в нем самом есть и желтая и черная глины, считающиеся среди знатоков идеальными. Уже на комбинате добавляют в глину так называемого лесса, легкого пылевидного суглинка палево-желтоватого цвета. Он еще более прибавит сырью прочности.

Но до полной готовности ей еще далеко. Прежде мощные шаровые мельницы перетрут смешанную с водой глину до состояния суспензии — крошечных первородных частиц, которые только в микроскоп и рассмотришь.

Затем суспензию пропускают через мельчайшее сито, в одном квадратном сантиметре которого четыре с половиной тысячи отверстий. Это чтобы очистить материал от инородных ему тел — дерева и травинок. Уже из девственно чистой глины под давлением удалят воду и воздух и, наконец, добавят в нее последний компонент — камышовый пух. Собирают пух специальные бригады старателей в

ет. Казалось бы, все просто — поворот круга, легкий нажим тыльной стороной ладони, два-три прикосновения к заготовке пальцами — и сотворена вещь, которой, может быть, суждено пережить самого создателя. Тут же на круг кладется очередной кусок глины, и спустя минуту-другую он словно по волшебству принимает форму пиалы или сосуда. И невозможно уследить, когда же именно совершается это превращение глины в готовую вещь.

Каемся, пробовали и мы сделать хотя бы по простейшему блюдцу. Материал пристывал к пальцам, размазывался по поверхности круга, мы чертыхались в душе, но продолжали работу. Наконец, блюда были готовы, но какими же уродцами они казались по сравнению с образцами, появившимися на свет здесь-то быстрее из-под рук мастеров.

— Для начала неплохо, — утешил нас главный художник комбината Рафкат Мухамеджанов. А потом прибавил: — Гончаром надо родиться. Ходить по этой глине босыми ногами еще мальчишкой.

Наверное, прав Рафкат: человек, не познавший

МНОГООБРАЗНА И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ В ЧЕМ-ТО ТРАДИЦИОННА ТАШКЕНТСКАЯ КЕРАМИКА, УДИВИТЕЛЬНАЯ ПО ЦВЕТОВОМУ ЗВУЧАНИЮ, ОСОВРЕМЕНЕННАЯ.

пору полной его зрелости, когда пушинки становятся легче воздуха. Тончайшие волокна пуха свяжут глину невидимыми, но прочнейшими нитями, благодаря которым выстоит она в огне, не рассыплется и остывая.

Теперь можно приступать к делу. Осталось лишь запастись красителями. Их тоже готовят мастера сами, используя оставшиеся еще от предков рецепты. Все из природных материалов — кварцевого песка, мела, полевого шпата, добавляют лишь окиси металлов да свинцовый сурик для глазуровки.

Но вот и начинается главное таинство — руки мастера оживляют мертвый материал. На работу керамиста можно любоваться часами, и не надо еда-

РАБОТЫ СТАРЕЙШЕГО ТАШКЕНТСКОГО МАСТЕРА-КЕРАМИСТА МУХИТДИНА РАХИМОВА ИЗВЕСТНЫ НЕ ТОЛЬКО В РЕСПУБЛИКЕ.

до конца материал и его душу, не в состоянии овладеть и самой формой. Существует поверье, будто работать с глиной может человек только с добрым сердцем и открытой душой, материал не подчинится себялюбцу и скупцу. Может быть, поэтому до сих пор никогда не подходит к гончарному кругу человек, которого гнетет какая-то печаль, не будет ему удачи в работе.

Итак, изделие, еще влажное, непрочное, но уже обретшее окончательную форму, готово. Очень осторожно, ведь оно еще такое хрупкое, его выносят во двор, где под горячим ташкентским солнцем уже сушатся сотни сделанных только за один день самых различных керамик. Почти сорок часов твердеют они на воздухе. Теперь уже изделие достаточно прочно, чтобы выдержать оправку.

По сути, это обычное вращающееся колесо с наждачной поверхностью. Оправщик легкими касаниями прижимает к нему изделие, снимая шероховатости. Абсолютно гладкое и еще теплое, придет наше блюдо или пиала в цех росписи, где художники, макая кисти в ангоб — специальный состав из белой или цветной глины, — нанесут на изделия узоры. И хотя существует своеобразный эталонный

А ЗАТЕМ БЛЮДО РАСПИШУТ ИСКУСНЫЕ РУКИ ХУДОЖНИЦ.

рисунок, который должен быть образцом для той или иной серии керамики, невозможно найти две абсолютно схожие вещи, вышедшие из цеха росписи. Бывает, увлечется художница, внесет в рисунок дополнительную волнообразную линию, понравится она, и смотришь — вся смена кладет новую линию на пиалы. И все равно — разные рисунки выходят. У одной художницы рука легкая, и рисунок получается легким, воздушным. У другой тот же рисунок выглядит резче, контрастнее. Это от более плотного нажима кисти, от характера, темперамента самой художницы.

Следующий этап — обжиг, его называют сердцем керамики. Горновая печь формой напоминает ангар самолета — длинная, призматическая, с полукруглыми сводами. Она практически никогда не остывает, как и доменная. Температура в печи постоянная — около 650 градусов, именно столько нужно, чтобы первое крещение керамики огнем не разрушило изделия. Удивительное это зрелище — когда, раскалившись, сотни самых разнообразных предметов начинают светиться рубиновым огнем. Но стоит передержать керамику в печи самое малое время, и она погибнет — покроется паутиной трещин, деформируется, рассыплется на кусочки. Поэтому режим обжига соблюдается неукоснительно — 8 часов!

Но это только начало. Раскаленные докрасна блюда и сосуды, пиалы и ляганы вынимают из печи и ставят на солнце — пусть «остывают». Потом их расписывают белой глазурью, которая высвечивает естественные краски, придает им мягкость. И вновь — в печь, глазурь должна сплавиться с глиной, оживить ее. Больше десяти часов остывает керамика после последнего обжига, выходит она из печи уже готовой, чтобы восславить людей, ее создавших, воспеть искусство, пришедшее к нам из веков, чтобы просто служить человеческому столу.

Но рассказ наш о керамике будет неполным, если мы минуем мастерскую художников-керамистов, создающих новые образцы изделий, которые потом придут к людям тысячными тиражами или будут единственными и неповторимыми. Тиражированные чайные или столовые наборы, косы и пиалы, ляганы и кашпо, вазы и шакасы — лишь часть продукции Ташкентского комбината. В мастерских, где рядом со старейшими прославленными мастерами, такими, как народный художник Узбекской ССР Мухитдин Рахимов, Ахат Аминов, работают молодые керамисты, создаются вещи оригинальные, самые необычные по форме и декору.

У каждого из молодых мастеров — Анатолия Ярового, Назира Аучиева, Анвара Мамеджанова, Людмилы Козловой, Галины Визирь и других — минимум по несколько серьезных самостоятельных работ. Это керамические скульптуры, украсившие общественные здания, сложные фризы, национальные наборы, тематические блюда. Почти о каждой из этих работ можно говорить подробно — восхищаться своеобразием творческой манеры ее автора, цветовыми сочетаниями, техникой.

Нельзя не заметить и стремления художников, особенно молодых, сохранив древний национальный колорит керамики, наполнить свои работы дыханием времени. И тогда удивительная легкость, стремительность, раскованность охватывают старинные мотивы Мерва и Риштана, Афрасиаба и Гиджувана. Особенно интересны работы выпускницы ташкентского художественного училища Людмилы Козловой. Ее композициям свойственны свободная фантазия, лиризм, безукоризненный вкус и чувство меры. Национальные наборы, созданные Людмилой, ее тематические блюда, керамические серии на темы «Вальс цветов», «Звездные сонаты» и другие удивляют цветовым темпераментом, ярким колоритом, полной раскрепощенностью формы. Художница работает над своими вещами почти без эскизов, полностью отдаваясь на милость воображения. «Эскиз часто тормозит фантазию, которая разыгрывается в тот момент, когда руки начинают конструировать», — призналась Людмила. Что ж, у каждого художника своя манера.

Мы завершаем нашу экскурсию в мастерской старейшего мастера керамики Мухитдина Рахимова. Впрочем, это даже не мастерская художника, а комбинат в миниатюре, где есть своя горновая печь и цех росписи. Изделия Рахимова — это тысячи прекрасных образцов национального искусства керамики, они экспонируются и в государственных музеях страны и за рубежом. Художник прекрасно владеет любым материалом и методом, он же фольклорист и реставратор древней керамики. Кроме того, Рахимов — воспитатель, мудрый и добрый учитель. Мы застали у него группу молодых художников, пришедших к старому мастеру на очередной творческий урок.

— Керамика — воплощенная в материале душа художника, — говорил им Рахимов, — она может быть прекрасной, возвышенной, но может быть и несовершенной. Учитесь доброте, и тогда ваша керамика научит тому же других людей.

Автобиографии

**Иван БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза**

Родители мои — отец Хачатур Баграмян и мать Мариам — всю жизнь прожили в селе Чардахлу, которое лежало в нагорной части Елизаветпольского уезда Азербайджана. Отец происходил из бедной крестьянской семьи, мать же была дочерью сельского кузнеца Артема Мартиросяна. Хоть грамоте они никогда не учились, но житейской мудрости им было не занимать, и они, как могли, отдавали ее воспитанию своих шести сыновей и одной дочери.

Что больше всего запомнилось из детских лет? Многие, конечно, уже не вспомнишь. В частности, как назывались те разнообразные игры и детские забавы, в которых проводили мы, сельские ребята, время. Но хорошо помню, как в летние месяцы вместе с другими ребятами пас корову, как слушали мы, раскрыв рты, сельских сказителей братьев Гусейна и Гасана, работавших в артели по ремонту железной дороги. Это от них впервые услышала наша детвора занимательные народные сказки, повествования о приключениях мудрого Моллы Насреддина, о подвигах армянского народного героя Давида Сасунского. Уверен, что это в немалой степени способствовало формированию у меня и у моих сверстников понятий о мужестве и доблести, честности и благородстве, верности и преданности Родине. Вообще жители нашего села всегда высоко ценили эти благородные качества, и они особенно ярко проявились во время Великой Отечественной войны. Наше село дало фронту 1200 добровольцев. 324 моих одноклассника, четверо — генералами, а двое — маршалами (главный маршал бронетанковых войск А. Б. Бабаджания и я).

Отец, как я уже говорил, сам малограмотный,

го полка, дислоцировавшегося в Елизаветполе. А как только в связи с обстановкой на фронте было принято решение о формировании армянского и грузинского армейских корпусов, я оказался во вновь сформированном 1-м особом армянском военном полку.

1923 год был знаменателен для меня тем, что открыл целую полосу встреч с людьми, которые оставили ярчайший след в моей жизни, дали многое в постижении не только военного искусства, но и самой сути человеческой, характеров бойцов революции и, конечно, времени, столь богатого на революционные преобразования. И первым, конечно, был активный участник гражданской войны Гайк Дмитриевич Бжишкян, или просто Гай.

Встретился я с ним в один из весенних дней, когда он, будучи народным комиссаром по военным делам Советской Армении, приехал в наш конный полк. Шли как раз учения, и Гай на разгоряченном вороном коне взлетел галопом на холм, возвышавшийся над учебным полем, и властным жестом опытного кавалериста осадил лошадь в самом удобном для наблюдения месте. «Порадуйте-ка мою кавалерийскую душу и разверните полк в «лаву», — сказал он командиру полка. Блеснули на солнце выхваченные из ножен клинки, как вихрь, лавиной, взвивая пыль, прощумели конскими копытами по склону холма наши конники. Гай внимательно наблюдал за ходом учения, а когда задачи его были выполнены, полк собрался послушать любимого командира. Оказалось, он был и одаренным оратором — его речь отличалась яркостью, образностью, сочным юмором. После встречи с бойцами нарком нашел время поговорить по душам с командным составом полка, в том числе и со мной. «Скоро у нашей армии, — сказал он мне, — будет много прекраснейшего оружия. Пока же пулемет в кавалерии останется одним из главных, решающих огневых средств, поэтому твоя миссия, Ваня, очень ответственна. Помни, что конница подготавливает удар огнем, а решает его конем».

Я почувствовал страстное, неодолимое желание во всем подражать Гаю. А укрепилось оно еще больше в 1925 году, когда я стал слушателем кавалерийских курсов усовершенствования комсостава. Я всюду жадно искал сведений о Гае, и,

ПРИСЯГА

очень хотел дать образование хотя бы одному из сыновей. За учебу в гимназии нужно было платить десять рублей золотом в месяц. Такие деньги оказались, конечно, не по карману родителям, и потому меня отдали в железнодорожное училище, которое я окончил в мае 1915 года. Родители были очень довольны, что я пошел работать, и как железнодорожник не подлежал призыву в армию, но только поработать мне пришлось совсем недолго — всего три месяца. И причина тому — разгоревшиеся боевые действия на Кавказском фронте. К тому времени мне было уже почти 18 лет, и я достаточно хорошо понимал сложившуюся на Кавказском фронте общую военную обстановку и суть кровавых событий, ввергших население Западной Армении в пучину горя. Я чувствовал, что не могу оставаться в стороне от борьбы, и, преодолев сопротивление родителей, 9 октября 1915 года добровольно вступил в армию.

Я и мои сверстники — добровольцы, как я, с нетерпением ожидали отправки на фронт. Наконец в декабре 1915 года из нашей части был сформирован маршевый батальон для укомплектования частей экспедиционного корпуса генерала Баратова. Корпус, преодолевая жесточайшее сопротивление противника, продвигался вперед. Примерно в это время мне предложили поучиться в школе прапорщиков. И хотя жаль было расставаться с однополчанами, потому что вместе с ними я получил боевое крещение, познал многотрудную боевую жизнь, возражать не стал. Вместе с еще двумя кандидатами отправился в Тифлис. Обучение в школе было рассчитано всего на четыре месяца. И вот я уже назначен младшим офицером одной из рот пехотно-

когда мне наконец стал понятен его боевой почерк, этот необычайный человек стал еще более импонировать мне. Не скрою, и в дни Великой Отечественной войны я не раз вспоминал легендарного Гаю и мысленно спрашивал себя, как бы поступил он, оказавшись в той или иной ситуации. Так было, и когда я выводил свой сводный отряд из вражеского кольца в сентябре 1941 года.

Вспомнил я тогда один эпизод из истории гражданской войны, когда 1-я революционная армия, действовавшая в Поволжье, оказалась в кризисном положении. Этим воспользовались белочехи, и в результате их наступления группа Гаю оказалась окруженной. Собрав разрозненные отряды в один кулак, Гай повел их по тылам врага. Ведя непрерывную разведку и умело маневрируя, Гай разбивал отдельные вражеские группировки и заслоны, уклоняясь от столкновения с основными силами. Совершив марш в 150 километров по району, занятому противником, не растеряв свои войска, Гай вывел колонну (в будущем Железную дивизию) из окружения и соединился с главными силами армии. И вот точно так же пришлось прорываться из фашистских клещей мне и моим соратникам на Украине в 1941 году. К нашему небольшому, но крепко сколоченному отряду присоединились большие и малые группы бойцов и офицеров, одиночные воины. Глядя на нашу дисциплинированность и целеустремленность, они обрели уверенность и готовность дать врагу бой. Вот тогда я особенно отчетливо осознал, что ничто так не цементирует бойцов в бою, как победы, пусть сначала малые по своему масштабу. Мне думается, что секрет боевого мастерства Гаю основывался именно на этом.

Фото Александра ЗЕМЛЯНИЧЕНКО

Я ОТЧИЗНЕН

Говоря о Гае, я несколько забежал вперед в изложении фактов своей биографии, и поэтому хочу вернуться к тому времени, когда еще служил в конном полку. Через некоторое время после посещения полка Гаем я был вызван к исполнявшему обязанности командира дивизии Араратову и военному комиссару Осипяну. Они сообщили мне, что я назначен командиром конного полка. Разъяснений, касающихся поводов этого повышения, я не получил, но мне дали понять, что уровень боевой подготовки и дисциплины в сабельных эскадронах нашего полка оставляет желать лучшего. Несмотря на то, что до этого я не командовал полком, мне удалось за зиму, опираясь на партийную организацию, на командиров эскадронов, многие из которых участвовали в восстании против дашнаков в 1920 году, выправить положение.

Осенью 1924 года я был направлен на кавалерийские курсы усовершенствования комсостава при Высшей кавалерийской школе Красной Армии в Ленинграде. Для меня это было полнейшей неожиданностью, но, как я понял позже, решение командования связывалось с серьезными преобразованиями, проходившими тогда в армии. Одной из задач военной реформы было и дальнейшее совершенствование командных кадров. В Ленинград мне разрешили взять семью — жену Тамару и годовалую дочурку Маргариту.

Впервые я оказался в самой колыбели революции. На учебу прибыло из различных военных округов более двухсот человек. Руководил курсами В. М. Примаков, в прошлом командир легендарной 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества.

В нашей группе оказались А. И. Еременко, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, С. П. Синяков, В. И. Чистяков и другие командиры полков, которым предстояло за время учебы овладеть военным искусством, научиться командовать крупными соединениями. Молодые, сильные, физически и морально закаленные, мы старались передеголять друг друга в учебе и конноспортивных состязаниях. Дух соревнования только помогал крепнуть нашей дружбе. Верховая езда в манеже и в поле, выездка молодых лошадей, фигурная езда, преодоление препятствий — во всех этих видах конного искусства первыми неизменно были Жуков, Еременко, Рокоссовский. Я, естественно, старался не отставать от них, но больше любил фехтовать, и в поединках на саблях со мной некоторым будущим маршалам приходилось весьма туго. А вот плавание с конем при форсировании водного рубежа у меня не получалось. Мало самому уметь плавать в обмундировании, нужно еще научиться управлять плывущим конем. Я плавал очень плохо, и однажды на учебных сборах, переплывая реку Волхов на разошедшей лодке, чуть не утонул.

Со всеми коллегами по школе у меня были хорошие отношения, но наиболее крепкие узы дружбы связывали с Жуковым и Рокоссовским — дружба наша длилась десятилетиями.

В наших биографиях с Жуковым было много общего: оба мы вступили в армию в 1915 году, принимали участие в боях первой мировой войны, служили в пехотных, кавалерийских частях, командовали взводами, эскадронами, а затем полками. Связывала нас и потребность учиться, стремле-

ние овладеть высотами военного искусства. Но должен признать, что именно Георгий Константинович сыграл решающую роль в моей судьбе. Расскажу, как это произошло. После командования полком, учебы в Академии имени Фрунзе и службы в должности начальника штаба 5-й кавдивизии имени Блинова я был направлен в Академию Генштаба. Окончил ее, и меня оставили в ней старшим преподавателем. Больше двух лет пришлось мне как специалисту по кавалерии работать на кафедрах тактики высших соединений и оперативного искусства. Конечно, честь была высокая, но, откровенно признаться, меня всегда в эти годы мучило неодолимое желание вернуться в войска. Что делать? И вот я узнаю, что Жуков назначен командующим войсками Киевского округа. А что, если ему написать? Все-таки друг, да ведь и прошусь-то не в Москву, а в войска. Письмо получилось кратким: «Вся армейская служба прошла в войсках, имею страстное желание возвратиться в строй... Согласен на любую должность...» Вскоре пришла телеграмма: Георгий Константинович сообщил, что по его ходатайству нарком назначил меня в войска Киевского военного округа начальником оперативного отдела штаба 12-й армии. Мне предписывалось немедленно выехать в Киев. Подобрать необходимые материалы по вопросам оперативного искусства, я сентябрьским вечером простился с семьей, которая впервые за всю мою долгую армейскую службу не следовала за мной: сын и дочь только начали учебный год.

Жуков встретил меня мягкой улыбкой. Встал из-за стола, протянул руку. «Давненько мы с тобой не виделись, Иван Христофорович, давненько...»

Сразу ехать в штаб 12-й армии не пришлось — Жуков попросил помочь подготовить доклад для важного совещания в Наркомате обороны. Имея расторопных помощников, я довольно быстро справился с заданием.

Вскоре Жуков возглавил Генштаб, а в июле 1941-го стал командующим войсками Резервного фронта.

Непосредственные контакты с Георгием Константиновичем возобновились летом 1942 года, когда я после неудачной Харьковской операции был назначен командующим 16-й армии на Западный фронт, которым командовал Жуков. В первых числах августа он вызвал меня в штаб фронта для доклада о положении войск и их готовности к обороне. Я вылетел в Малоярославец. Встретились мы очень тепло. Чувства свои Жуков проявлял скупой, но все же обнял за плечи и, встряхнув, с грубоватой лаской произнес: «Под Харьковом пережил ты настоящую драму, а держишься молодцом». Растроганный, я поблагодарил за его хлопоты в связи с моим назначением. «Ну, это для пользы дела! — как обычно в таких случаях, сказал он. — Детище Рокоссовского надо было передать в надежные руки. Но инициатор этого дела не я, а Верховный: вот его и благодарим».

В ходе Курской битвы мне вновь посчастливилось встретиться с Жуковым. Нашу 16-ю армию, которая незадолго до этого была преобразована в 11-ю гвардейскую, он посетил летом 1943 года.

28 июля у меня состоялся важный разговор по телефону с Верховным Главнокомандующим. Он выразил удовлетворение действиями 11-й армии в Орловско-Курской операции и выделил нам крупное пополнение, чтобы поддержать наступление. 29-го я вылетел в 16-й гвардейский корпус, который отражал яростные атаки эсэсовской дивизии «Великая Германия». Едва я прибыл на командный пункт корпуса, как узнал, что на КП армии приехал маршал Г. К. Жуков. Я срочно вылетел в Минино. Когда увидел лицо Жукова, то сразу понял, что маршал не в духе. Мое настроение, вызванное похвалой Сталина и его обещанием дать пополнение, как рукой сняло. Довольно сухо поздоровавшись, он резко спросил: «Как это ты, Иван Христофорович, опытный генерал, уговорил командующего фронтом (В. Д. Соколовского) принять явно неправильное решение — ввести 4-ю танковую армию на неблагоприятном для массированных действий танков направлении... Идет третий год войны, и пора бы уже, кажется, научиться воевать и беречь людей и технику!» К моему огорчению, В. Д. Соколовского в этот момент не было, и мне пришлось одному, собрав все аргументы, докладывать, что это не так, что в действительности я настаивал на том, чтобы ввести танки в сражение именно на хотынецком направлении. Как и следовало ожидать, Георгий Константинович поверил мне и смог вскоре сам убедиться в том, что главные силы перегруппированы так, как я и докладывал.

Другим человеком, который в моей жизни запечатлелся не менее сильно и оставил добрую о себе память, был Константин Константинович Рокоссовский.

Рокоссовский выделялся среди нас почти двухметровым ростом. При этом он был необычайно пластичен и имел классическое телосложение. Держался свободно, пожалуй, чуть застенчиво, а добрая улыбка на красивом лице не могла не притягивать. Внешность как нельзя лучше гармонировала со всем душевным состоянием будущего прославленного полководца, с которым нас десятилетия, вплоть до его кончины, связывала настоящая дружба. Мы оба вместе много занимались спортом. Он был непревзойденным фехтовальщиком на рапирах, я же побеждал в поединках на саблях. Часто мы подолгу беседовали, вспоминали минувшие битвы, и в оценке их опыта наши мнения всегда совпадали. Сближало нас, очевидно, и то, что оба мы происходили из среды железнодорожных рабочих. Его отец был паровозным машинистом, а мой — путейцем.

Крепнуть нашей дружбе суждено было в годы войны. Помню, в июле 1941 года Ставка направила Рокоссовского в распоряжение военного совета Западного фронта. Перед отъездом он зашел повидаться со мной. А через год он уже командовал Брянским фронтом, я же, как уже сказано, вступил в командование его детищем — прославленной 16-й армией. Война разбросала нас по разным направлениям, и встретились мы снова только 22 мая 1944 года в Генеральном штабе. Обнялись, расцеловались. После приема в Генштабе снова встретились и наговорились, что называется, всласть, рассказали друг другу о своих боевых делах. На другой день в Кремле обсуждался грандиозный замысел действий

четырёх фронтов в операции «Багратион». Мне довелось первым докладывать свое решение по организации прорыва обороны и развития наступления в оперативной глубине. «Хорошо, — слышался глуховатый голос Сталина, склонившегося над картой. — Только, по-моему, взятый вами участок прорыва великоват». Затем докладывал К. К. Рокоссовский. Хорошо помню, что вопреки первоначальной наметке Генштаба нанести мощный удар войсками 1-го Белорусского фронта только на одном участке, Константин Константинович обоснованно предложил создать две ударные группировки, которым надлежало прорвать оборону врага на двух участках и последующим наступлением окружить и разгромить главную группировку противника. Это предложение встретило довольно резкие возражения Сталина. Но Рокоссовский держался стойко, и его мнение взяло верх при решительной поддержке Жукова и Василевского. Подобная размовка с Верховным для Константина Константиновича была редкостью, ибо тот проявлял к нему явную симпатию. Маршал С. К. Тимошенко рассказывал мне как-то, что Сталин сравнивал Рокоссовского с Дзержинским. «Такой же честный, умный, добрый, человечный, — говорил он, — только Феликс был немного потверже и поостроже».

Как известно, Рокоссовскому выпала честь командовать парадом Победы 24 июня 1945 года. «Командование парадом Победы, — говорил мне Константин Константинович, — я воспринял как самую высокую награду за 30 лет службы в Вооруженных Силах».

Итак, после учебы в Ленинграде я вернулся в свой полк.

В 1930 году меня направили на курсы усовершенствования высшего состава Красной Армии, а через полгода, не прибегая к помощи репетиторов, успешно сдал конкурсные экзамены в Военную Академию имени Фрунзе. Закончил я курс обучения с высоким баллом, и руководство академии советовало мне остаться в ней преподавателем. Пришлось приложить немало усилий, чтобы уклониться от этого лестного предложения. Я рвался в войска и вскоре был назначен начальником штаба 5-й кавалерийской дивизии, которая входила в кавалерийский корпус имени Котовского. Корпус находился под началом соратника Котовского Н. Н. Криворучко. Вскоре наш корпус вошел в состав Киевского военного округа, которым командовал И. Э. Якир.

Служба у меня шла неплохо, и я был вполне доволен своей судьбой. Однако когда в апреле 1936 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение сформировать Академию Генерального штаба, я, как и многие мои товарищи, прямо «заболел» желанием попасть в это учебное заведение. Преодолев различные препоны, я все же стал слушателем академии. Кто знал тогда, что через двадцать лет меня назначат начальником этой академии...

Первый набор слушателей был выпущен досрочно, и некоторые из выпускников, в том числе и я, были назначены преподавателями.

Преподавал два года. Затем, как уже писал выше, судьбе было угодно пойти навстречу моим желаниям — я стал начальником оперативного отдела штаба 12-й армии, а затем начальником оперативного отдела штаба Киевского военного округа.

Масштабы работы в Киеве были огромны. Иногда думал: а справлюсь ли? Но военному человеку сомнения противопоказаны. Коль назначен — делай все, чтобы оправдать доверие.

Война застала меня неподалеку от небольшого украинского местечка Броды — я ехал в колонне машин, и самолеты с черными крестами на плоскостях пикировали на нашу колонну, поливая ее пулеметным огнем. К счастью, пострадало всего два человека. Пока мы преодолевали 60 километров, оставшихся до Тернополя, небольшие группы фашистских самолетов еще дважды бомбили нашу колонну. Не оставалось никаких сомнений, что война ступила на советскую землю.

О боях под Москвой, на Северном Кавказе, под Сталинградом написано немало. Бывало, некоторые участники событий стремились взвесить на чаше весов истории весомость вклада в победу того или иного фронта, той или иной армии. Я же думаю, что, например, победа в Сталинградской битве одержана не только теми войсками, которые непосредственно в ней участвовали. Она принадлежит всей нашей армии, всему народу.

Более трех десятилетий отделяет нас от событий второй мировой войны, но интерес к ним не убывает. Весной 1974 года мне довелось принять участие в дискуссии, организованной французским телевидением.

Тема ее — Курская битва. Помню, многотысячный коллектив французского телевидения даже прервал на время забастовку, чтобы провести передачи из зала, в котором мы заседали. Полемика развернулась острая, ведь на Западе до сих пор в ходу всякие домыслы о Курской битве, были и неблизки. Но мне-то хорошо запомнилась весна 1943 года...

В конце апреля меня вызвали в штаб Западного фронта. Я доложил командующему фронтом В. Д. Соколовскому, что войска армии заканчивают перегруппировку. Как было приказано, они занимают оборону южнее Сухиничей и Козельска, вдоль реки Жиздра, удерживая значительный плацдарм на ее южном берегу. «Как оценивают обстановку твои гвардейцы?» — спросил Соколовский. «Ждут приказа окружить и разгромить немецкие войска в Орловском выступе», — ответил я.

«Ну-ну, Иван Христофорович, вы осторожнее с такими разговорами!» — встрепенулся начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. П. Покровский. Командующий рассмеялся: «Вот ведь как получается: мы вызываем командира, чтобы сообщить ему сутью секретную информацию, а у него, оказывается, бойцы уже все знают...» Я попытался смягчить их озлобленность: «Горжусь, что команду такими мудрыми солдатами». «Ладно, шутка шуткой, а то, что вы сейчас от меня услышите, никто больше знать не должен». И командующий коротко рассказал о замысле Ставки. Войскам Западного, Брянского и Центрального фронтов предстояло встречными ударами с севера и юга отсечь и уничтожить орловскую группировку врага. Нашей армии, имевшей в своем составе девять стрелковых дивизий, два танковых корпуса и другие средства, необходимо было прорвать оборону противника южнее Козельска и развить удар строго на юг — на Хотынец, с тем, чтобы войти во фланг и глубокий тыл орловской группировки немцев. Вместе с начальником штаба армии генерал-майором И. Т. Гришиным мы подолгу просиживали над расчетами и картами. Я знал, как трудно организовать взаимодействие соединений, выполнявших одну оперативную задачу, но входивших в армии разных, пусть и соседствующих фронтов, тем более в наступлении, когда войска должны быстро реагировать на обстановку, когда необходим стремительный маневр всеми силами и средствами. К тому же обоим фронтам предстояло главными силами наносить удары на других, весьма удаленных от нас участках: Западный фронт готовил Смоленскую операцию, а Брянский поведет наступление из района Новосила на Орел. Возможно ли в этих условиях организовать достаточно тесное взаимодействие между фланговыми армиями двух фронтов? К сожалению, рассчитывать на это не приходилось. Взвесив все, мы пришли к выводу, что в замысле операции необходимо внести поправки. Наши соображения я подробно доложил В. Д. Соколовскому, но они оказались командующему недостаточно убедительными и расхолись с замыслом Ставки.

Вскоре нас вызвали в Москву на совещание, которым руководил И. В. Сталин. О замысле Орловской операции и предложениях командующих фронтами информировал генерал-полковник А. И. Антонов. Его обстоятельный доклад Сталин слушал внимательно. Затем он задал несколько вопросов, уточняя детали взаимодействия фронтов. Я сидел как на иголках. Сейчас Верховный одобрит план, и он обретет железную силу. Но как оспорить предложения командующих фронтами, уже одобренные Генштабом? Ведь могут превратно истолковать мою настойчивость. Тем временем уже начали сворачивать карты. Верховный спросил: «Все согласны с данным решением? Возможно, у кого-нибудь есть иное мнение?» Я попросил разрешения высказаться. Стараясь сдерживать волнение, изложил свою точку зрения. Одну-две минуты царил молчание. Затем слово взяли командующие фронтами В. Д. Соколовский и М. А. Рейтер. Последний закончил отповедь словами: «Товарищ Сталин, Баграмян упорно добивается, чтобы ему создали условия, облегчающие решение задачи. Если его послушать, то получается, что нужно не только усилить боевой состав армии, но еще и поддерживать ее действия ударами соседей». Сталин, до этого внимательно изучавший карту, поднял голову, вынул изо рта трубку, неторопливо разгладил усы. Все смолкло. Рейтер бросил на меня осуждающий взгляд, словно хотел сказать: «Предупреждали: не высказывай, помалкивай. Не послушался, теперь пеняй на себя». И вдруг Верховный очень тихо и очень спокойно сказал: «А ведь Баграмян дело говорит. И, по-моему, с его предложением нужно согласиться. Что же касается заботы командарма о более благоприятных условиях для выполнения

задачи, то это похвально. Ведь на него ляжет вся ответственность в случае неудачи... Охотников продолжить спор не нашлось.

Вернувшись на передовую, я сразу принялся изучать район предстоящих боев, знакомиться с полосой обороны врага. Наша армия должна была не только самостоятельно взломать ее, но и развить успех вплоть до достижения целей операции в полном объеме. Мы подготовились к боям основательно и ждали только сигнала. Наконец, пришел долгожданный приказ. 12 июля в 3 часа 20 минут земля задрожала от грохота нашей артиллерии — на участке прорыва на километр фронта приходилось до 200—260 стволов. В 6 часов 05 минут в ста метрах за передним краем обороны противника взметнулась черная стена земли и дыма — обозначился первый рубеж огневого вала. Пехота и танки уже ворвались в расположение врага и вскоре овладели первой позицией главной полосы обороны. Теперь можно было вводить и передовые отряды. Отдаю приказ танковым соединениям и по привычке поглядываю в небо. Там господствовали наши летчики. Однако с полудня 13 июля резко возросла активность вражеской авиации: группы по 20—30 пикирующих бомбардировщиков все чаще прорывались к нашим боевым порядкам. Учитывая это, я приказал генералу М. Г. Сахно закрепиться основными силами корпуса на достигнутом рубеже. За первые два дня наступления наша армия прорвала тактическую зону вражеской обороны, нанеся противнику ощутимый урон в живой силе и технике. Вечером 14 июля позвонил Верховный Главнокомандующий. Поздравив с успехом, он спросил, как идет наступление. Выслушав мой доклад, Сталин сделал несколько замечаний, а потом сказал: «Ваше наступление — первое в летней кампании. Рокоссовскому стало уже легче, и он скоро нанесет удар. Главное сделано: в ходе боев произошел перелом. Имейте в виду, что за вами пойдут крупные резервы. Желаю успеха...» К исходу седьмого дня боев полоса наступления нашей армии расширилась до 120 километров, войска вклинились в глубину обороны противника до 70 километров. Вечером 29 июля Соколовский и Попов звонили Сталину, и, когда Верховный подошел к аппарату, Попов передал мне трубку. Сталин поздравил с завершением операции по ликвидации орловского плацдарма немцев. Но для ее завершения было необходимо пополнение, и об этом я сказал Верховному. «Сколько же вам нужно и куда подать?» — спросил Сталин. Я быстро прикинул, какое количество пополнения потребуется на двенадцать стрелковых дивизий. «Двадцать четыре тысячи человек, — был мой ответ. — Прошу приказать подать их на станцию Козельск». Получив пополнение, наша армия более двух месяцев непрерывно наступала, освободив свыше восьмисот населенных пунктов.

В ноябре 1943 года Ставка приняла решение назначить меня командующим 1-м Прибалтийским фронтом. В декабре войска фронта перешли в наступление и наносили удары по врагу в течение всей зимы 1944-го. В мае Ставка задумала провести операцию по освобождению Белоруссии под кодовым названием «Багратион». Силам 1-го Прибалтийского фронта после окружения и разгрома витебской группировки противника предписывалось развивать наступление к границам Советской Литвы и юго-восточной Латвии. Удар мы нанесли внезапно и по самому уязвимому месту. 26 июня в Москве был произведен первый в 1944 году победный салют в честь войск нашего фронта. 146 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Не останавливая наступления, войска фронта с упорными боями вступили на территорию Литвы, встречая ожесточенное сопротивление армий «Север» и «Центр». 12 октября наши передовые части вышли на побережье Рижского залива, тем самым осуществив мою мечту, которую я хранил в душе с самого начала наступления, — отрезать группу армий «Север» от Германии. Из 50 дивизий армий «Север» 26 были разгромлены, 3 полностью уничтожены, остальные оказались блокированными на Курляндском полуострове и в Клайпеде.

Мы уже были в Восточной Пруссии, когда в ночь на 22 февраля 1945 года пришла директива Ставки, согласно которой 1-й Прибалтийский фронт упразднелся, а его армии включались в состав 3-го Белорусского фронта, который возглавлял маршал А. М. Василевский. Я был назначен его заместителем. К концу апреля остатки недобитых фашистов из восточнопрусской группировки войск были загнаны нами в обширные болотистые плавни устья Вислы. Доколачивать их выпало на долю 48-й

армии генерала Н. И. Гусева. Не успел он развернуть эту операцию в полную силу, как мне позвонил генерал А. И. Антонов и передал указание Сталина — во избежание ненужного кровопролития предъявить противнику ультиматум. Срок — до 10.00 9 мая. Гитлеровцы его не приняли. Пришлось применить силу. В результате более 30 тысяч солдат и офицеров во главе с тремя генералами вынуждены были капитулировать. Так вот и получилось, что в день Великой Победы, когда в нашей стране царил невиданный ликование, мы еще продолжали вести бои.

Более трех десятилетий минуло с того исторического времени. Все эти годы я был и продолжаю оставаться в строю. Сразу после войны помогал восстанавливать народное хозяйство в республиках Прибалтики, налаживать там мирную жизнь. Затем работал в аппарате Министерства обороны в качестве заместителя министра. Часто выезжал в войска, совершал поездки в воинские подразделения стран социалистического Содружества. Сейчас состою в группе генеральных инспекторов Министерства обороны, веду работу по дальнейшему совершенствованию Советских Вооруженных Сил.

Одной из самых почетных и ответственных своих должностей считаю пост председателя Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Работа эта для меня очень интересна. В памяти четко запечатлелись, например, представительный слет победителей Всесоюзного похода в Волгограде в 1975 году, в Минске в прошлом году, открытие первой Вахты Памяти в Наро-Фоминске...

С комсомольцами, ударниками новостроев, воинами Советской Армии и Флота у меня постоянная связь, которая позволяет мне не чувствовать своих восьмидесяти трех лет. Хотя, конечно, были и тяжелые в жизни минуты: в 1973 году умерла жена, с которой я счастливо прожил более полувека, недавно скончался сын Мовсес, художник. Теперь моя семья — это я, дочь и двое уже взрослых внуков. Иван работает в Министерстве внешней торговли, Каринэ заканчивает в этом году Институт иностранных языков.

В часы досуга я очень люблю слушать народные песни в исполнении Александра Огнивцева и Людмилы Зыкиной, смотреть футбол с участием «Арсенала», ЦСКА, «Спартак». Но все же во встречах между этими тремя командами желаю победы «Арсеналу».

С Огнивцевым я познакомился у Семена Михайловича Буденного, с которым был дружен. Лет тридцать назад он представил мне молодого солиста оперы Большого театра, высокого, статного, светловолосого, как две капли воды похожего на Шаляпина. Часто в семейном кругу маршал и певец пели дуэтом. Получалось неплохо — Огнивцев умел ловко подстраиваться под «звучание» Буденного. Разница в годах и различие в профессиях не помешали родиться и моей с Огнивцевым взаимной крепкой дружбе.

Давно, сразу после окончания войны, я задумался о том, чтобы написать книгу воспоминаний о пережитом, о людях, с которыми встречался, с которыми воевал и дружил. Но дела по службе долгое время не позволяли мне этого сделать. И все же в последние годы, используя каждую свободную минуту, осуществил свою мечту — написал две книги: «Так начиналась война» и «Так мы шли к победе». Два года назад вышла третья книга — «Мои воспоминания». Сейчас занят работой над четвертым томом, где речь пойдет о крупных военных деятелях эпохи гражданской войны, которые для меня, в ту пору молодого командира, стали примером беззаветного служения делу революции; сюда же войдут и воспоминания о таких полководцах, как Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев и другие.

В кругу моих повседневных забот и депутатские обязанности — рассмотрение заявлений, жалоб, просьб избирателей, принятие по ним соответствующих решений. Не ослабевает и поток писем со всех концов Советского Союза. Пишут ветераны войны, сегодняшние солдаты, студенты, рабочие... Советуются, ищут поддержки. Сотни писем — сотни ответов. Иногда решается нечто важное в жизни человека, порой сама судьба — тут промедление с ответом невозможно. Помочь человеку найти свое место в жизни, научить плодотворно трудиться на благо своего народа, во имя дальнейшего процветания нашей великой Родины — в этом я вижу смысл каждого своего прожитого дня.

Литературная запись Юрия БЕСПАЛОВА.

Михаил СМОРОДИНОВ

Воспоминание о ночных стрельбах

За сигнальной ракетой в угон треск несется фазаньем испорхом. Испытательный полигон пахнет горькой полынью и порохом. Пушки бухают сквозь туман, и снаряды во тьму вонзаются, словно в бубен стучит шаман колотушкой из лапы зайца. У «шамана» кругло лицо, щелки глаз, как у Будды, узки. Ночь устала в конце концов от безумно гремящей музыки. И в нахлынувшей тишине, что на ветках повисла в страхе, очень явственно слышен мне стук сердечка оглохшей птицы.

Погашают военные займы

Погашают военные займы, и в сберкассах — народу полно. В разговорах — как на вокзале: все по-разному, но про одно. Погашают военные займы... Жили бедно и голодно мы. Были люди безденежны сами, все стране отдавая взаимы. Что взаимы!

Так несли, бескорыстно, чтоб скорее осилить врагов. Шли тогда треугольные письма из огня подмосковных снегов. Молча прятала мать за икону облигацию в двести рублей, а на фронт отправлялись патроны — двести будущих вражеских смертей. Те рубли, стариковские, вдовьи — каждый потом соленым пропах. Проверялась гражданственность кровью. Разве думали мы о рублях? ...Погашают военные займы!

Миг осени

Когда, печально веселя, бушуют краски сада и бешено летит земля навстречу листопаду; когда, черней, чем катафалк, громада туч накатит и содрогается асфальт от цокающих капель; когда утрюмом гречу прощально машут дети — я не особенно грущу об отгоревшем лете. Привет вам, ветры сентябрей! Не заскучаешь в мире, где бреет осень-брадобрей, и только после мылит. Надет на солнце абажур, и рыхлый свет неясен, и мир взлохмачен, дик и хмур, но и такой прекрасен.

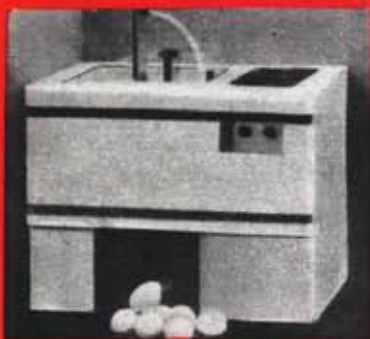
Птица

Мечтал я искренне о том, чтобы на чистую страницу перенести простым пером парящую над Камой птицу. А получался — хоть убей! — в моих твореньях изначальных насмешливый бумажный змей с хвостом, ветрами измочаленным. Я рифмы новые искал, искал сравнений невозможных, — вновь змей бумажный возникал, дразнил меня и корчил рожицы. И вдруг представил я ружье и птицу...

Птица получилась: под оперением ее мое живое сердце билось.

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПРОЩЕ ВЫЕДЕННОГО ЯЙЦА

В конце концов механизировать на кухне можно почти все, но в любом случае обычной хозяйке вряд ли понадобится устройство, которое за час очищает от скорлупы 2 тысячи яиц. Однако в столовых и ресторанах оно, конечно, будет весьма уместно. Технологический процесс, разработанный одной из западногерманских фирм, прост: сваренные вкрутую яйца помещаются в кассету в верхней части машины, откуда идут в небольшую камеру, где надкалываются с обоих концов, а затем подвергаются действию гидравлического устройства, «сдувающего» скорлупу. После этого с одной стороны машины выходят совершенно очищенные яйца, а с другой — спрессованная скорлупа. Она, кстати, является ценным компонентом для кормов и охотно приобретает животно-водческими фермами.

«БИЛЬД ДЕР ВИССЕНШАФТ»,
ФРГ

КОЛУМБ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В АМЕРИКУ

Христофор Колумб, или, точнее, Кристобаль Колон — такое имя получил великий гегузец, перейдя на службу к королю Испании, и такое имя носят все его потомки, — командуя более чем тремястами моряками, покинул порт Кадис и направился к берегам Америки.

На этот раз океан пересечет не «Санта Мария», а двухмачтовое учебное парусное судно «Хуан Себастьян Элькано» испанского военно-морского флота. Его капитаном назначен недавно Кристобаль Колон де Карвахаль и Марото, герцог Верагуа, герцог Вега и маркиз Агилафуэнте — прямой потомок в семнадцатом поколении великого первооткрывателя. Судьба, как видно, была гораздо милостивее к наследникам умершего в юности, позабытого всеми мореплавателя. Его наследники обрели титулы и поместья. Прапрапра...внук открывателя Нового света, если судить по сохранившимся портретам Христофора Колумба, удивительно похож на своего великого предка. Потомок унаследовал от него и любовь к морю. Он гордится своим 38 годами службы во флоте. Сейчас он доволен, что командует судном «Элькано», на котором обучаются будущие моряки. «Это большое счастье для меня, — сказал он перед отплытием, — потому что некогда на этом корабле я сам начинал изучать морскую профессию».

На лице 56-летнего Кристобала Колона де Карвахала появляется улыбка, когда речь заходит о его происхождении.

«Имя не оказывало влияния на меня, а иногда даже ставило в неудобное положение, — говорит он. — В нашей семье не было особых морских традиций. Из 17 потомков по прямой линии только четверо до меня были моряками».

«КАМБИО 16», ИСПАНИЯ

С МУЗЫКОЙ В ЗУБАХ...

Недавно в полицейское управление Нью-Йорка позвонил живущий в пригороде 56-летний Джордж Диллард, который заявил, что хотя в его доме и вблизи него нет никаких радиоприемных устройств, он все время слышит тихую музыку. Дежурный полицейский посоветовал звонившему прилечь отдохнуть или обратиться к психиатру. Однако через час тот снова позвонил и снова начал жаловаться на «таинственную» музыку. Делать нечего, пришлось ехать к Дилларду. Прибыв туда, полицейский агент установил: да,

несмотря на отсутствие какой-либо радиоаппаратуры, в доме Дилларда звучит тихая музыка. С помощью приборов удалось установить: загадочный «приемник» находится в... искусственной челюсти хозяина дома. В силу сочетания в ней разных материалов она стала принимать передачи находящейся неподалеку радиовещательной станции. А полость рта и кости черепа стали своего рода усилителем и резонатором. Когда Диллард вынул изо рта челюсть, музыка прекратилась.

«ТАЙМ», США

НАРКОТИКИ НАСТУПАЮТ

Статистика утверждает, что в Италии в настоящее время имеется 65 тысяч наркоманов, большую часть которых составляют молодые люди от 18 до 25 лет. Каждый третий из четырех наркоманов — нарушитель законов. На их счету многое — от мелких краж до участия в похищении людей.

Героиновая отравы распространяется подобно идовой заразе. Полиция что-то предпринимает, но много ли значат несколько десятков килограммов конфискованных наркотиков, если только в Милане их потребляется за год, по оценкам экспертов, не меньше полутона? Больше всего искателей призрачно-обманчивого наркотического счастья на промышленном севере страны, особенно в Милане — здесь насчитывается не менее четвертой части всех итальянских наркоманов. Милан называют столицей наркотиков. Сюда приезжают за товаром посредники и перекупщики из Венеции, Пьемонта и даже из Швейцарии.

Это звучит парадоксом, но это так: успешная полицейская акция, победа закона в борьбе с отравой имеют часто катастрофические последствия. Некоторое время назад миланская полиция захватила 56 килограммов чистого героина. Успех, казалось бы, фантасти-

ческий. Но опасную социальную болезнь вылечить этим не удалось. На рынке наркотиков возникла анархия: обычные поставщики «товара» исчезли, но наркоманы нуждались в очередных дозах, без которых они уже не могли жить. И вот появились новые поставщики, предлагающие «товар» третьесортный и втридорога... «В те дни в порошке был едва ли один процент героина, остальное — гнусный зрац», — заявил один из постоянных потребителей. — Нам делалось от него плохо, но все равно все мы его покупали. Иначе мы бы просто сдохли. Хотя и так мы все равно сдохнем».

Борьба против наркомании — дело необычайно трудное, тем более, что в распространении наркотиков непосредственно заинтересована мафия. Но дело это не столь уж безнадежное. Например, в Генуе благодаря организации сети наркологических центров удалось довести процент излеченных наркоманов до двенадцати (в среднем по Италии — четыре процента), а общее число людей, пристрастившихся к наркотикам, за последние три года снизилось. Но пока Генуя остается хоть и положительным, но все же единственным примером.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

Деньги из перьев

У жителей острова Санта-Крус, расположенного в южной части Тихого океана, сохранился древний обычай использовать в расчетах между собой «денежные знаки», сделанные из птичьих перьев. Разумеется, за товары, привезенные из других мест, оплата производится в официальной валюте, которая принята в Новой Гвинее. Но когда речь идет, скажем, о выкупе невесты у ее родителей, в силу вступают деньги из перьев. Эти оригинальные « моне-

ты» имеют форму гирлянды длиной 10 метров, шириной 6 сантиметров и толщиной 2 сантиметра. Сплетены они из перьев дикого голубя. В наши дни единственным в своем роде «монетный двор» испытывает большие трудности с пополнением «разменной монеты», так как на острове осталось всего три мастера, умеющих «чеканить», то есть плести их...

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

НИ ОДИН НЕ ПОНЕС НАКАЗАНИЯ

О систематическом нарушении прав человека в Великобритании свидетельствуют такие цифры: с момента ввода английской армии в Северную Ирландию в 1969 году в этом районе было убито свыше двух тысяч человек и более 20 тысяч ранено. В настоящее время в Ольстере 15,9 процента людей активного возраста не имеют работы, в самой же Великобритании этот процент составляет 8,9.

Мало кто верит, что в методах действия британских вооруженных сил в Северной Ирландии что-либо изменится. За последние десять лет военные без всякой причины застрелили более 70 невооруженных гражданских лиц, никакого отношения к событиям не имеющих. Ни один солдат, виновный в смерти этих людей, никогда не предстал перед судом.

С 1969 года число политзаключенных в Северной Ирландии увеличилось с 712 до 2700. На основании закона, который дает возможность судить «лиц, подозреваемых в терроризме», без участия присяжных, люди формально осуждаются «по закону», но, естественно, с вопиющим нарушением международно признанных правовых норм. Около 80 процентов всех приговоров было вынесено только на основе «признания» обвиняемых или просто по заявлению органов безопасности. О том, что это за «признания», можно судить по сотням жалоб на пытки и издевательства, применяемые при допросах.

«100+1 ЗАГРАНИЧНИ ЗАЙИМАВОСТ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

КОНГРЕСС ПО ТАТУИРОВКЕ

Недавно в Голландии завершился свою работу «второй международный конгресс по татуировке». Всякий, незнакомый с этим сомнительным «искусством», возможно, удивится, узнав, что общее число татуированных жителей нашей планеты превышает 500 миллионов. И это число постоянно растет, так как традиции переходят из поколения в поколение. Сейчас в портовом районе Амстердама имеются целые улицы с магазинчиками-салонами для любителей татуировки. Татуированные имеют свой клуб и журнал, в котором встречаются и научные сообщения. Например, такое: при недавних археологических раскопках на острове Святого Лаврентия в слое вечной мерзлоты был обнаружен труп эскимоски, плечи которой были покрыты татуировкой. Изотопные анализы показывают, что она умерла 1600 лет назад.

Разумеется, с татуировками было немало курьезных случаев. Один свидетель по судебному делу в Кентукки был вынужден недавно заплатить крупный денежный штраф за «оскорбление суда». Когда он поднял руку для произнесения клятвы, судья обнаружил на ней... вытатуированную обнаженную женскую фигуру. И все же самым любопытным остается, вероятно, случай со шведским королем Карлом Иоганном XIV, который в молодости служил фельдфебелем у Наполеона. Когда он тяжело заболел, лекарь прочел на его левой руке вытатуированный текст: «Надеюсь, доктор, вы сохраните в тайне ваше открытие!» — предупредил его будущий король. Под татуированной якобинской шляпой стояла нестираемая надпись: «СМЕРТЬ КОРОЛЯМ!».

«ОТЕЧЕСТВЕН ФРОНТ»,
БОЛГАРИЯ

ПОДЖОГИ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Лейтенант нью-йоркской полиции Артур Даллас выражается кратко: «Город горит — мы проигрываем битву. Мы бессильны против этого». Лейтенант Даллас, конечно, в курсе дела — он является начальником отдела по расследованию причин пожаров и взрывов в одном из районов Нью-Йорка, Бронксе. В прошлом году в Бронксе произошло 2500 пожаров. Причина — поджог.

Этот некогда вполне спокойный район на северной оконечности Манхэттена сегодня может отпугнуть кого угодно: выжженные улицы, дымящиеся развалины домов, руины, как после бомбежки. Здесь нередко можно встретить любопытствующих туристов — такое увидишь не каждый день! По официальным данным, удается обнаружить лишь один процент поджигателей — обычно это связанные с преступным миром деклассированные элементы, всякая мелкая уголовная сошка, специализирующаяся на устройстве поджогов по таксе от 50 до 500 долларов. Стоящие за ними крупные акулы,

гребущие за эти «операции» огромные суммы, остаются, естественно, в тени.

Система довольно проста — заинтересованное лицо за несколько тысяч долларов через трудно проходимую цепочку фирм-посредников покупает обветшалый, пустой или населенный беднотой дом, страхует его на высокую сумму (страховые агенты часто даже не осматривают здание)...

Часты случаи гибели во время пожара жильцов-бедняков. Впрочем, судьба их никого особенно не волнует. Специальный комитет американского сената пришел к выводу, что число поджогов удалось бы существенно снизить, если бы страховые компании изменили свое отношение к этой проблеме, тщательно изучая вопрос, кто именно страхует на высокие суммы подозрительные дома, а потом получает страховые премии.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ОГНЕОПАСНЫЙ РОК

Лондонские пожарники запретили гастроли американского ансамбля «Плазматикс», называемого нередко «Рок- и шок-группой». Почему вмешались пожарники? Дело в том, что «Плазматикс» пытается привлечь публику, предлагая всевозможные «сильные ощущения», далеко не всегда безопасные. Так, участники ансамбля доставляют на сцену автомобили или устанавливают телевизоры, а во время концерта взрывают

их. Разрушая «любимые объекты потребительской культуры», они выражают свой «бунт» против общества потребления.

Реклама «Плазматикс» утверждает, что за время двухлетней карьеры ансамбль взорвал 70 автомобилей, 157 телевизоров и 214 гитар. И лондонские пожарники решили не рисковать...

«ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Праздник СЛОНОВ

Достопримечательностью для туристов, посещающих Таиланд, является ежегодный «праздник слонов», который проводится в селении Сурии. Это, пожалуй, самый необыкновенный фестиваль на свете, в котором принимают участие огромные, весище несколько тонн слоны, демонстрирующие свои необычайные способности. Во вступительном церемониале участвуют около двухсот слонов с наездниками в традиционных костюмах. К постоянным номерам программы относятся также состязания слонов, как бега с препятствиями, в которых неповоротливые на вид колоссы ловко мигают хитроумные заграждения. Слоны демонстрируют и свою силу — сто солдат, тянущих канат, не могут сдвинуть слона с места. Поскольку в Таиланде пользуется большой популярностью футбол, слонам на фестивале тоже дают возможность погонять мяч...

«КОБЕТА И ЖИЧЕ», ПОЛЬША

«ВОЗЬМИТЕ В ТЮРЬМУ...»

Необычный случай произошел в американском городе Гейнесвилле, штат Флорида. Никки Джеймс Вилкокс, 40 лет, не имея при себе никакого оружия, вошел в здание филиала банка «Грейт Американ» и потребовал от перегулянной кассирши наличные деньги. Получив их, «грабитель», к великому удивлению служащей банка, попросил вызвать полицию. Блюстители порядка прибыли незамедлительно и на месте преступления допросили виновного. Вот какую историю они услышали: страдающий хроническим диабетом, безработный и без единого гроша в кармане, Вилкокс решил спровоцировать свое задержание полицией, рассчитывая, что в тюрьме он получит пищу и хоть какую-то медицинскую помощь.

«Преступник» признался, что не ел два дня и не принимал лекарств, совершенно необходимых при его заболевании. Вилкокс представил полиции рекомендации из учреждения, где работал, в которых он характеризовался как серьезный и квалифицированный специалист, но по болезни неспособный справиться с возложенными на него обязанностями. От него просто избавились, как от ненужной вещи.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении

Не знаю, нуждался ли прокурор в нашем совете — я подробно пересказал ему разговор с Чергинцом, — но поступил он именно так: пригласил на беседу Галину Курань.

К тому часу было установлено следующее. Никакого прощального письма Люба Сличко не оставила. Девчонкам в лаборатории она ничего никогда не рассказывала ни об отце, ни о том, что произошло у Бизяевых. Никто из тех же девчонок не подозревал о ее беременности. Во всяком случае, так явствовало из их бесед со следователем.

Любины сестры Вера и Надя, которые двое суток тому назад ушли из дома, с того дня и не бывали в Крутом переулке. Никаких ссор между отцом, совершенно неожиданно для них вернувшимся из небытия, и теткой они не видели и не слышали. Так же, как и Софья. О том, что отец вне закона, сестры якобы не знали.

И, конечно, никаких подозрительных перчаток найдено не было.

Экспертиза подтвердила, что тетю Пашу никто не убивал. Однако прокурор предложил в интересах дела — как он сказал, временно — считать, что ее задушили. Для чего это ему понадобилось, понять я не мог, но обязан был, коль скоро вник в дело, считать, как все.

Галина Курань — чуть не назвал ее, как Чергинец, Жуйчихой — не изобразила, по словам прокурора, из себя мученицу, держалась превосходно. Суть ее ответов сводилась к отрицанию всего, что теперь могло быть связано со Сличко. По ее показаниям, она узнала о его присутствии в Новоднепровске лишь сегодня, то есть наутро после его смерти. Будто бы в десять часов утра в магазин, который все еще был закрыт на переучет после кражи, пришел брат Галины и сообщил сестре новость, поразившую ее. Иначе говоря, она доказывала, что не виделась со Сличко с сорок пятого года.

Прокурор этой женщине не поверил с первого ее слова. Вероятно, ему не составило бы труда уличить ее во лжи. Он не стал этого делать, может быть, посчитав преждевременным. А не верил он ей с самого начала еще вот почему. Она прекрасно знала, что укрывательство уголовных, а тем более военных преступников — дело уголовно наказуемое. Зная об этом и еще в сорок четвертом и сорок пятом укрывая предателя, она заготовила себе нечто вроде спасательного круга — беременность. Суд принял во внимание ее беременность и осудил тогда, в сорок пятом, лишь условно. Выходило, что она, еще совсем молодая, сумела рассчитать наперед и уйти от ответственности. Это обстоятельство соответственно настроило прокурора перед беседой с ней.

В ходе беседы он задал Галине вопрос, которым вроде бы и не планировал загнать ее в тупик, но с которым, очевидно, связывал какие-то свои планы. Он поинтересовался, где ее нынешний муж. Больше, чем ее, этот вопрос удивил меня. Галина же спокойно ответила, что ее муж поехал вчера к своему сыну от прежнего брака, в Старопавловку, и утром обещал быть дома.

На вопрос о причинах появления Сличко в Новоднепровске, то есть, конечно, о тех, какие она могла бы предположить, — прокурор ведь понимает, что истинные причины ей не могут быть известны, раз она даже не знала о пребывании Сличко в городе, — так вот на этот вопрос она ответила без запинки и совершенно определенно: «Не знаю». А прокурор полагал так: если человек предварительно не думал о чем-то, а его попросили высказать предположение, он станет размышлять и не спешить с ответом, если же человек знает, о чем может пойти речь, он заранее приготовит ответ. Наверняка так и было в этом простейшем случае.

Он задал ей еще вопрос: «В сорок пятом кто мог сообщить милиции, что Сличко укрывался у вас?» Тут Галина, напротив, не поспешила с ответом, но прокурор снова разгадал немудреную хитрость: она ждала навязывающего вопроса. Привалов пошел ей навстречу: «Могла ли этим человеком быть его свояченица Павлина Осмачко?» «Могла, — быстро ответила Галина, но, чуть помедлив, добавила: — И другие тоже

могли». Наверняка она считала, что пустила прокурора по следу, который был ей выгоден. Интересно, а знал ли прокурор имя человека, сообщившего о Сличко в сорок пятом? Он мягко уклонился от ответа, когда я спросил его. Так или иначе Галине он ни в чем не поверил.

Привалов понимал, что версия о желании отца на старости лет повидать после долгой разлуки дочерей неприемлема в данном случае. Но он должен был проверить и ее. Он и установил, насколько было возможно в столь короткий срок, что никаких вестей дочери от отца не имели до того часа, когда он заявился в дом, который ему не принадлежал никогда. И появление его закончилось смертью женщины, выкормившей, вырастившей четырех племянниц.

Что же все-таки привело его в Новоднепровск? Что заставило его устранить свояченицу, если он, конечно, устранил ее каким-то неизвестным криминалистом способом (а как еще понимать требование Привалова считать тетю Пашу задушенной вопреки показаниям вскрытия)?

У меня же возник к Привалову вопрос, совершенно естественный теперь, после его знакомства с Галиной Курань, поскольку ее поведение и ее ответы, по мнению самого же прокурора, наводили на мысль, что и она заинтересована в том, чтобы о причинах, приведших Сличко в Новоднепровск, никто и никогда бы не узнал.

— Может быть, они что-то не поделили? — спросил я. — Может быть, Сличко где-то припрятал какие-то ценности, награбленные во время оккупации? Припрятал так, что место знал только он один. По его убеждению. Но оказалось, что знала и свояченица. И припрятала. Он своего клада не обнаружил и догадался по каким-то приметам, что только она могла знать место.

— О, какая фантазия у нашего доктора! — Приваловскую колкость я пропустил мимо ушей, и он добавил примирительно: — В нашем деле фантазии могут быть только гипотезами, основанными на фактах. В то, что вы сочинили, можно внести, к примеру, и такое наслоение: о кладе узнала или давно знала и эта Галина.

— В таком случае он должен был задушить и ее? — откликнулся я.

— Однако нельзя исключить, что Галина отвела от себя подозрения, направив гнев Сличко на свояченицу. — Прокурор так активно включился в игру, что я понял: фантазии подобного рода действительно должны хотя бы в какой-то степени опираться на факты. Так что пора было вернуться к реальности.

— Что вы намерены с ней делать?

— С Галиной? Пока ничего, — ответил прокурор. — Вернее, по этому делу ничего. У ОБХСС свои дела с ней. Видите ли, в нашей истории все в таком состоянии, что даже следить за этой Галиной ни к чему. Но если мы установим, что она помогала Сличко делать какие-то дела в Новоднепровске — установим и сможем это доказать, — то она понесет наказание по суду за укрывательство государственного преступника. Получит то, от чего ускользнула в сорок пятом. Потому что она-то знала, что он тогда бежал.

— Хоть он и преступник, вы разве не должны установить, кто его все-таки убил?

— Должны, должны. Мы же этим и занимаемся, — ответил Привалов. Но сказано это было таким тоном, каким обычно говорят: «Да какая разница?» Однако прокурор не скрыл от меня своих предположений, тем более что его версия, как ни странно, в чем-то совпадала с моей. Я не сказал ему об этом, ведь, что ни говорите, обе они были построены на зыбком песке поверхностной информации.

— План его мог быть таким, — объяснил прокурор. — Ликвидировав свояченицу, он намеревался сразу же спрятать тело. Может быть, в овраге. В такую ночь, в такой дождь ему бы удалось. Как мы уже установили, он не успел скрыть следы. Не успел даже подушку убрать. Кто-то вошел. И увидел. Началась погоня. Победил тот, другой. Криков, шума никто не слышал. Глухая кирпичная стена, дождь, ветер, темень. До оврага семьдесят метров пустыря. И вечный грохот «Южстали». Кто это был? Мужчина? Женщина? Один? Двое?

Честное слово, в ту минуту я вновь подумал, что прокурор продолжает игру, бессовестным образом все сочиняя. Но он говорил внешне вполне серьезно, и мне ничего другого не оставалось, как участвовать в

его игре. А может быть, так и ведутся расследования — что в какие-то моменты порой и впрямь напоминают игру? Невеселые это игры.

— Да, вы правы, двое сумели бы справиться с ним, — сдержанно подсказал я, чтобы он ни в коем случае не догадался о мыслях, только что посетивших меня. Прочти он их, и, как знать, не завершилось ли бы на этом мое участие в следствии, чем я уже по-настоящему начинал дорожить.

— Смотря кто это был бы. Он и с двоими вступил бы в борьбу — крепок был здоровьем. И злой волей своей.

— А вы не исключаете, что этим вторым могла быть Галина?

— Чтобы говорить о втором, не помешало бы знать первого, — на этот раз добродушно усмехнулся прокурор. — Не исключено. Если то была она, вряд ли она совершит ошибку, которая выдст ее. Хитрая женщина. Но этот клубок мы все равно распутаем, хотя пока мы знаем лишь меньшую часть того, что произошло. Вообще же должен вас предупредить, что нас даже никакие сроки не торопят.

— Как это понимать? — не поверил я, потому что до сих пор он сам действовал и меня просил все делать безотлагательно.

— А вы рассудите спокойно, без охотничьего азарта. По-человечески. Этот Сличко получил свое. И у нас есть все основания предположить, что произошел несчастный случай. Не забудьте о его легком опьянении. Иначе говоря, в состоянии опьянения он упал в овраг.

— Вы готовы сделать такой вывод, чтобы не искать, кто его убил? — все еще не верил я.

— Я бы так и поступил. Если б, конечно, имел право. У меня нет доказательств, но вполне возможно, что и моего старшего брата в сорок втором году погубил этот тип. Зато у меня есть доказательства участия этого гада Сличко, — голос Привалова вдруг задрожал, и он теперь смотрел мне прямо в глаза, не моргая, — в других трагедиях. Так что он получил свое, даже если некто совершил над ним самосуд. И тетю Пашу он мог задушить, что бы там ни показывала экспертиза. А что касается девчонки, — голос его мягче не стал, и он по-прежнему смотрел на меня в упор, так смотрел, словно гипнотизировал меня, — она могла отравиться по той же причине, по какой две ее сестры, более опытные в житейском смысле, ушли из дома, в котором появился отец. Могла ведь, могла.

Привалов замолчал и резко отвернулся к стене. То ли он слишком многое сказал мне, то ли не договорил чего-то? Я понял, что не следует спорить с ним. Все доводы, какие я мог бы ему привести, он наверняка и сам себе приводил.

Помолчав минуту, я все-таки сказал:

— Но самая старшая не ушла.

Ему будто нужен был хоть такой, хоть самый простенький вопрос, чтобы прийти в обычное состояние. Он вздохнул коротко, решительно и обернулся ко мне:

— Хотя эта самая старшая, Софья, в ту ночь была на работе, с шести вечера до шести утра, как и вы, дежурила в больнице, я ей не верю, ни одному ее слову не верю.

— Да я не об этом, — возразил я. — О другом. Должна же существовать причина, которая заставляла ее оставаться в доме, не уходить из него, как те две сестры?

— Причина может быть и та, что все люди разные. Даже дети предателя.

— Или — тем более дети предателя. Ни в чем не виновные, — вставил я, но Привалов пропустил эту реплику мимо ушей.

— Была причина, — продолжил он. — Завещание тетки. Нотариус уже ознакомил меня с ним. С этим любопытным документом. Любопытным не столько потому, что тетка в случае своей смерти завещала весь дом одной, именно этой своей старшей племяннице. Кстати, обратили внимание, как зовут сестер? Вера, Надежда, Любовь и старшая Софья. То есть мудрость. Ну, это так, к слову. Так вот завещание любопытно своей датой. Покойная тетушка явилась в нотариальную контору как раз в то утро, когда было обнаружено, что ограблен магазин на Микитовке. Если верить расчету вашего друга Чергинца, Сличко уже был здесь.

— Тетка предвидела свой скорый конец? — ужаснулся я.

— Кто теперь знает. — Прокурор уже был совершенно спокоен. — Она даже договорила с нотариусом: придет на днях, чтобы вообще переписать дом на Софью. Когда — на днях? Когда Сличко уедет? Или когда его заберет милиция? Или кто-то его убьет? Заметьте, что Вера и Надежда — про младшую я не знаю — понятия не имели, что дом уже определен старшей сестре. А Софья об этом знала.

— Как же те две объясняют свой уход?

— Одна тем, что боялась потерять то ли жениха, то ли еще не жениха, то ли уже не жениха. Вторая — ссорой со старшей сестрой, но не из-за дома. И

обе — присутствием отца. Я с ними не встречался, все это они говорили следовательно угрозыска. А разрешение на похороны я дал.

— Угрозыск работает, прокуратура работает. Ну, для чего вам я еще нужен?

— Доктор, истину надо установить. И ваша помощь, поверьте, очень нужна. Скоро вы сами в этом убедитесь. Но вас с Чергинцом, повторяю, никакие сроки не лимитируют.

— Мы с Сережей должны устанавливать истину? — возмущению моему, как принято говорить, не было предела. На самом-то деле предел, конечно, был, ибо что-то все-таки меня удерживало от решительного отказа.

— Ну, почему вы не хотите меня понять? — вопросом ответил мне прокурор. Насколько я знал, подобная манера разговора была ему чужда, чаще всего он был точен. — Если бы мы имели дело с уголовниками, рецидивистами, я бы вас ни о чем не просил и ни во что не вмешивал. Но обычно люди, пусть даже и запутавшиеся в чем-то и совершившие что-либо нехорошее — слово «преступление» пока произносить не буду, — легче открывают душу в неофициальной обстановке, чем в кабинете прокурора или следователя. А нам сейчас важнее узнать причины. Чем все кончилось, и так ясно. И здесь вы с Чергинцом незаменимы. Но от сестер и Чергинец ничего не узнает, — добавил он. — Есть другая дорога.

— Вероятно, — ответил я. — И Чергинец вам поможет, что-нибудь придумает, но я-то тут при чем?

— Доктор, давайте заключим договор, — более чем серьезно вдруг сказал Привалов. — Вы потерпите и сделаете все, что можете, чтобы нам помочь. А я даю слово, что со временем объясню вам без малейших недомолвок, почему втянул вас в эту историю. В историю, — повторил он и протянул для рукопожатия руку.

— Ладно. Согласен, — сказал я.

Вообще-то я хотел сказать проще: «Ладно, черт с вами». Но решил, что еще успею нагрубить Привалову. В ту, например, минуту, когда все наши конструкции рухнут и останемся мы перед зияющей пустотой. Тогда-то и появится повод нагрубить ему, поручившему сбор информации по такому делу врачу и сталева-ру, пусть даже и депутату облсовета.

5

— Ну, что, государственный человек, уселся за свой реферат?

И часа не прошло, как я снова нарушил одиночество Сергея. Но теперь-то я понимал, чего хочет от нас Привалов. После нашего завтрака Сергей спать не ложился. Я пересказал ему разговор с прокурором. Он понял все мгновенно.

— Ладно, ясно, — согласился Сергей. — Время у меня есть, ничего, что потом в ночную — сейчас все равно не уснуть. Поехали к Мальхе. Это верно, что с теми сестрицами я и говорить не стану.

На автобусах, с пересадкой, отправились мы в речной порт. Сидя у окна и поглядывая на прохожих, Сергей вдруг сказал:

— Доктор, я тогда не сказал вам, уж как-то вы спрашивали с подтекстом. Володьки Бизяева дома ночью не было... с десяти вечера его не было до трех ночи.

— Родительская информация?

— Нет, они как раз думали, что он у себя в комнате.

Да, ситуация. Выходит, тем вторым человеком, или даже первым, мог быть и девятнадцатилетний Владимир Бизяев, которому родители не разрешили жениться на младшей дочери Сличко. Собственно, одним из двоих, если их, конечно, было двое, мог быть кто угодно. Вот только вряд ли первому попавшемуся взбредет в голову часов в одиннадцать вечера тащиться в Крутой переулочек, мрачный и неуютный, да еще по такой погоде. Значит, нужно искать людей, которых что-либо привязывало к дому Павлины Назаровны Осмачко. Пока что алиби имела только Софья, пребывавшая на ночном дежурстве в больнице.

И вдруг невероятная мысль поразила меня: а почему там не могла быть сама Люба Сличко? Смена в лаборатории тоже начинается в двадцать три сорок (ловлю себя на том, что время я уже называю профессионально, как при экспертизе, — не одиннадцать вечера, а двадцать три часа). Спрашиваю Сергея:

— Сколько времени ты тратишь на дорогу? Когда, допустим, идешь в ночную смену?

— Полчаса. Если иду через Октябрьскую площадь. А если наискосок, мимо ЦУМа, там, правда, через парк ночью неприятно, то двадцать пять минут. Но это до завода. А там еще до цеха.

Вполне могло быть, что именно Люба увидела, как отец справлялся с теткой. Потрясение было столь велико, что она не вернулась в дом, а помчалась на завод, к людям. И ни с кем ничем не поделилась? Нет, это пустая фантазия. Тем более что я по-прежнему верил показаниям экспертизы, что тетку Павлину не

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

убили, но, повинувшись решению Привалова, в рассуждениях исходил из противоположного. Тем не менее мыслью о Любе я поделился с Сергеем, чтобы и от него услышать опровержение.

— Вы ее не знаете, доктор. Если б она увидела, то одно из двух, нет, из трех. Или бросилась бы защищать тетку. Да, она такая была. Или... обморок. Или... побежала бы к Бизяевым. Да, да, несмотря на то, что они ее... ну, скажем, не приняли к себе.

— Значит, не она была тем вторым человеком, о котором говорил прокурор. И с Володей она не могла там быть, раз они не виделись столько дней?

— О Володьке только и думаю. Его, я говорил, не было дома с десяти вечера до трех ночи. Это я точно знаю. В десять я зашел к нему домой, я часто иду на завод раньше, чем смена. Он проводил меня до ЦУМа. Я разрешил ему не выходить в смену, но в два часа ночи его видели в цехе. Не я, другие. Пешком от его дома до цеха чуть ли не час ходу. Туда и обратно — минимум полтора. Зачем он ходил? Виделся с Любой? Вряд ли, он бы не посмел. Шел, чтоб встретиться, но не посмел? Только я прошу вас: его мы пока не будем трогать. С ним разговор в последнюю очередь. Идет?

— Конечно, — согласился я. — Уверен, прокурор поймет.

Володю я знал как молчаливого и достаточно самостоятельного человека. Он преклонялся перед своим сталева-ром, был предан ему. Сергей в его глазах был непогрешим во всем: и в том, что связано со сталью, и в том, что связано с людьми, — а это и значит, что абсолютно со всем в их жизни. Жизнь Чергинца принадлежала стали и людям, правильнее — людям и стали. И точно так хотел жить Бизяев да и вся чергинцовская бригада.

Автобус сделал круг по Портовой площади — тоже новой, ухоженной, архитекторами продуманной и хуже, чем гордость города Октябрьская.

Сергей вдруг вскочил и, расталкивая пассажиров, бросился к выходу. Я, естественно, не последовал такому примеру. Из автобуса он вылетел первым.

— Мальха! — закричал Сергей, выйдя на проезжую часть. — Скорей сюда!

Когда одним из последних пассажиров и я выбрался из автобуса, рослый, красивый парень уже шел к Сергею. Он и правда был настолько красив, что даже в потертом ватнике выглядел киноактером. Или капитаном дальнего плавания, коль скоро мы находились в порту.

— Надо потолковать, — предложил Сергей.

— Сейчас? — спросил Мальха. — Я ж на работе. — И он рукой махнул в сторону порта. Там, откуда он подошел к Сергею, с автокара на грузовик ребята-речники переносили какие-то ящики.

— А где твое начальство? — спросил Сергей.

— Что случилось? — не вытерпел Мальха.

— Да ты сам знаешь.

— Ах, это. — Парень вздохнул. — Но я-то зачем? Верку уже вызывали. Даже два раза, сперва в цехе — из-за Любы, а потом приезжали за ней. Наверное, и еще...

Сергей решительно перебил его.

— Где твое начальство?

— Вон. — Мальха снова махнул в сторону грузовика.

Погрузкой руководил низкорослый крепкий в синем габардиновом плаще. К нему мы и направились. А он — к нам навстречу. Остальные в нашу сторону и не глянули, занимаясь своим делом. Мальха даже подбежал к ребятам и помог снять самый большой ящик с

кара. На секунду положили его на землю, а потом по команде «взять-ии» взметнули его на грузовик. И меж этих ребят Мальха выделался, но не своим старым ватником, который резал глаз на фоне элегантной формы речников, а — иначе не скажешь — красотой, он и здесь актером выглядел. Правда, уже не капитаном, раз командовал крепыш.

Крепышу и протянул Сергей свою депутатскую книжку.

— Я тебя и без того знаю, — сказал крепыш, который испугался вроде не на шутку. — А в чем дело? Чего это чучело натворило? Мальха, ты чего натворил?

— Пока еще ничего, — успокоил крепыша Сергей. — Но если будет мне врать, то натворит — что и не расхлебать. Отпустите его на час.

Крепыш подумал, прежде чем ответить:

— Хорошо. Но если он...

— Если виноват — свое получит, — сказал Сергей. Обеспокоенному, растерянному Мальхе он бросил: — Веди домой.

Мы пошли следом за вдрызг увидшим красавцем в сторону неказистых барачков.

Недолго им еще оставалось торчать здесь бельмом: по проекту застройки Портового района уже в этой пятилетке уступят бараки место башням с лоджиями. То-то будет вид с какого-нибудь восьмого этажа — на порт, на реку и дальше на плавни...

Мальха занимал комнатенку в бараке, который отапливался портовой котельной. Комнатенка стала еще более тесной от вещей женщины, недавно перебрывшей сюда. Сразу было видно, что ее вещи не успели привыкнуть к своим новым местам: лежали невпопад. И еще удивил меня сырой воздух, хотя сами мы пришли из морозного дня. С детства помню такой воздух: он почти всегда стоял в коммунальных кухнях, где обязательно какая-нибудь из хозяек вешала мокрое белье поближе к плите.

— Ну, начнем, — сказал Сергей, усевшись к столу, приткнутому в угол. Локти он положил на стол, подбородком уперся в кулаки и уставился почему-то прямо в стену, словно собираясь на ней читать ответы. Вышло так, что мы с Мальхой видели только спину Сергея. Зато я мог видеть лицо хозяина комнаты.

— А с чего начинать? — спросил Мальха. Голос его выдавал неуверенность в себе.

— Что ты делал этой ночью? Расскажи все подряд, а мы послушаем. Начинать... Ну, с восьми часов вечера.

— С восьми? Серега, ну, зачем? Ты хоть объясни. В чем меня подозревают? — спрашивая, Мальха с надеждой заглядывал в мое лицо, словно искал во мне спасителя или хотя бы заступника. — Тетку Павлину я не душил.

— А откуда ты знаешь, что ее задушили? — быстро спросил Сергей, не оборачиваясь.

— Да Верка же говорила.

— Ладно. Если ты не душил, то кто ее душил?

— Откуда мне знать?

— Ты доктора не стесняйся, он тебе не враг. Если нужно будет, еще и спасет тебя. И я тебе помогу, Гриша, если ты сам не наломаешь дров. Что ты делал ночью? С восьми вечера.

— Ну, Верку ждал, — смирился Мальха.

— Дождался?

— Нет. Сегодня утром она только пришла со смены, когда все то уже и случилось. Знаешь, Серега, она в последние дни твердила, что я ее брошу из-за отца. Аж зло брало. Чего ж я ее брошу? Раз так получилось — чего уж теперь? Тебе скажу: жениться на ней я и не собирался. И она знала. И бросать не хотел. Знаешь ведь, как решиться на жену? Я ж потом бегать по сторонам не стану. Но раз все так сошлось, то женюсь. Она не знает пока.

Я не был уверен, что Мальха терпеливо поджидал свою подругу. Меня настрожила его фраза: «Аж зло брало». Он считал: вечером она должна прийти. А она, оказывается, пришла утром со смены. Так он сам нам сказал. Выходит, он не знал, что она в ночную смену вышла. Мог же Мальха не усидеть в своей комнатенке? Побежать искать ее?

— Дальше, — потребовал Сергей.

— А чего дальше-то? Проспал всю ночь. Верка утром разбудила, говорит: Люба отравилась да дома еще несчастье. Мы-то сейчас уже в порту мало работаем. Навигацию почти закончили, консервируем до весны. До следующей навигации будем прохладждаться. Если уж только что-то срочное, как сегодня.

— Значит, ты спал? А кто-нибудь может подтвердить, что ты спал ночью? Раз Верки не было — с кем-то ты мог же спать, а?

— Серега, да брось ты, я с этим все, завязал.

— Ну, может, кто видел, как ты в туалет бегал ночью? Нужно, чтоб тебя видели здесь, в порту. Не усек еще?

— Да кто ж тут по ночам будет кого сторожить? Охота кому была по порту ночью шастать.

— Ладно. — Только теперь Сергей повернулся к

нам: — Главное не это. Что ты знаешь — как сестры жили меж собой?

— Думаешь, мне до их свар? Знаю, что все они друг дружку ненавидели. Одна Люба... все пыталась их примирить.

— Ненависть-то растет не на голом месте.

— Если хочешь правду — из-за меня, — вдруг сказал Мальха.

— Какое сокровище! — Сергей присвистнул точно так, как обычно Привалов. — Было б из-за кого!

Мальху даже будто и не задела издевка Сергея. Он добавил:

— Из-за Надькиного Елышева тоже.

— Кто такой Елышев? — наконец-то получил повод подать голос я.

— И я не знаю, — заметил Сергей.

— Старшина-сверхсрочник из Красных казарм, — пояснил Мальха. — Понимаете, я уж год с Веркой хожу, с той осени. Вдруг Сонька как-то мне говорит: брось ты, мол, Верку, скоро я одна стану хозяйкой всего дома, я их всех выгоню, будем с тобой жить. Здрасьте, со мной, значит. Сонька — красивая, конечно, но ум у нее змеиный. Я поспеялся, да Верке рассказал. Что там было... Такого они друг другу наговорили!

— И этому Елышеву, что с Надькой гуляет, она предлагала то же самое? — спросил Чергинец.

— Ну, да. Только это вы у него самого узнавайте. Потому как то, что со мной, еще зимой было, ну, в феврале. А с Елышевым — недавно. Уже отец ихний объявился там. В войну он, говорят, сволочью был. Таких тюрьмой не вылечить. Зверем ушел — зверем и пришел. Людям на глаза не казался, в доме никого не терпел. Что сдох он — туда и дорога. Вот и Елышеву отец этот скулу чуть не свернул.

— Даже так? — вырвалось у меня. Еще один на подозрении. И Слишко не побоялся со старшиной связываться? Ведь показываться ему не должен был.

— Где Надька живет? — спросил Сергей.

— Ушла к Павлу Ивановичу.

Судя по последовавшей реакции Сергея, Мальха словно задался целью нас порадовать.

— К Павлу Ивановичу? — впервые не сдержавшись, воскликнул Сергей. — К нему? Как смогла? А Елышев твой?

— А чего он? На какого ему Надька? За ним такие женщины бегают! Одна врачиха — закачаешься! Да и другие...

Смутное подозрение шевельнулось в моем сознании. Но лишь гораздо позже я понял, в чем дело.

Сергей теперь обратился ко мне:

— Новая фигура — Павел Иванович, но вы про него хоть что-нибудь наверняка слышали. После войны его судили. Бывший... полицией не полицией, а так, холуй-прихлебатель. Прикинулся душевнобольным. Посидел лет пять — освободился. До сих пор прикидывается. И Надька ушла к нему! Вот она-то уж точно рехнулась.

Сергей повернулся к Мальхе:

— Гришка, ты — туз. Только упаси тебя... нет, не бог, а хотя бы черт... ты ж нам в одном наврал. Не было тебя дома. Как я это понял — мой секрет. Но мы тебя пытать не будем. Пока что. Ладно. Сам придеши потом рассказать все, как было. Только не опоздай. А сейчас иди, скажи своему начальству, что поедешь с нами. Так надо. Он тебя отпустит.

Пока мы ждали Мальху на автобусной остановке, Сергей делился со мной своими выводами:

— Тут важны два пункта. Первый. Мальхи дома не было. Одно из двух — или пошел объясняться с Веркиным отцом, или пошел объясняться со своими портовыми бабами из-за Верки. Тут новеньких нелегко встречают. Хотел бы ему поверить, что он завязал. Второй пункт. Петрушин. Это Павел Иванович, о котором мы говорили. Довоенный дружок Слишко. Уловили? Но он нам не по зубам. Тут дело самого Привалова. А вот с Елышевым вы поговорите сегодня же. Поедете с Мальхой. А я напрямик к Привалову — насчет Петрушина. И как я сразу не подумал? А потом спать. Я ж с ночи, если б не снова в смену, я бы сон забыл. Какой тут сон! — Сергей даже взмахнул могучей рукой. — Вы хоть понимаете, почему я влез в это дело?

— Почти.

— Мне важно спасти Володьку. Нет, не от суда, если он виноват. Как человека. От его же совести. Люблю его. Поверите ли, как брата. наших младших у нас с вами нет теперь. Я ведь для вас не младший? Плохо жить без старшего брата, плохо — и без младшего. И Володька мне как брат теперь. Дрожу над ним. Даже когда в футбол играет. Чтоб травму не получил, дрожу. На стадион ходить перестал. Да, так вот... Вон и Мальха. Он уже за себя побаивается, потому Елышева выпотрошит.

Я ожидал увидеть парня такой же яркой внешности, как Мальха. Вышел же к нам, за КПП, чистенький, аккуратный старшина, ростом ниже среднего, ладно

скроенный, в целом симпатичный, но с жестким взглядом.

Завидев Мальху, он в удивлении растянул улыбку, поспешил к нам, протянул крепкую руку с длинными пальцами.

— Вот этот товарищ, — сказал Мальха, — занимается смертью Надькиного отца, ну, и Веркиного, понято.

Мы с Мальхой уговорились, что именно так он начнет: важно было увидеть, как станет реагировать на известие о смерти Слишко старшина. А тот равнодушно ответил:

— Значит, он умер? Послушаем.

Но я ему не поверил: было ясно, что о смерти Слишко он уже знал. Знать он мог, и не побывав сам ночью в Крутом переулке. Мог узнать — уже полдня ведь прошло — от кого-то, от той же Софьи. Но если узнал, то... быстро. Значит, ему надо было об этом узнать? Или кто-то поспешил ему сообщить?

— Время у тебя есть? — спросил Мальха и, не дожидаясь ответа, предложил: — Пошли на кладбище пойдим.

«Подходящая будет обстановка для беседы», — подумал я, но здесь поблизости действительно уединиться больше негде. Елышев не возражал. Он вообще вел себя так уверенно, словно ничего не боялся. А может, хотел показать, что ничего не боится?

— Так в чем дело? — начал он сам, когда мы уселись на первой же от входа скамейке, спрятавшейся в кустах.

— Меня и тебя могут подозревать в убийстве ихнего отца, — быстро сказал Мальха.

Я обратил внимание на эту фразу. Насчет нее мы не улавливались, только насчет самой первой, и поэтому Мальха вполне мог упомянуть и о тетке Павлине, парень ведь знал от Веры, что ее тоже убили. Елышев же как-то неловко пожал плечами, словно пытался изобразить недоумение или сам себе удивился, что не нашел подходящего слова. Он потому и спросил, лишь бы что-то спросить:

— Сразу обоих подозревают?

— И в раздельности тоже, — буркнул Мальха. — Так что давай не темнить. Дело не только в том, что он умер. Черт с ним. Дело в том, что он тайно приехал. Верка мне утром рассказала, да я верить не хотел, а вот они подтверждают, что его приговорили в сорок пятом к расстрелу, а он сбежал, скрывался столько лет.

— Во, какой! У меня солдаты в самоволку сходить не рискуют, а он... — Елышев решил пошутить, но обстановка не располагала, и Мальха перебил его:

— Ты отвечай на вопросы. Лучше ведь, когда без протокола?

— А кто знает? — уклонился Елышев. — Мне бояться нечего.

Однако он о чем-то напряженно мозговал, замешательства скрыть не мог, и я это видел. И он видел, что я вижу и ему не верю. Он пыливо посмотрел в мое лицо, отвел взгляд, снова посмотрел.

— Расскажи, как провел прошлую ночь, — предложил я, глянув на часы: они отмерили уже половину пятого — нет, я ведь уже почти профессионал, так что шестнадцать тридцать. — Имей в виду, что все можно легко проверить. Но для начала знай вот что. Прокурор хочет, чтобы, прежде чем до вас до всех следствие официально доберется, он убедился в вашей непричастности. Это и следствие поможет, и ему, и вам. Поэтому мы здесь. Теперь отвечай.

— В части меня ночью не было.

— Точнее, пожалуйста.

— В половине седьмого вечера я ушел. Прибыл в часть к семи утра, как положено. Это вы можете проверить. Остальное — никак не можете.

— А кто знает? — ответил я теми же словами, какими он — Мальхе минуту назад. — Придумай... что-нибудь пооригинальнее.

— Был у знакомой. В семь пришел к ней.

— А в полседьмого утра ушел?

— Почему в полседьмого? — не то удивился, не то забеспокоился Елышев.

Я объяснил:

— Ты же наверняка шел по прямой или ехал кратчайшей дорогой. Из части ушел в полседьмого вечера — в семь был у нее, в часть вернулся в семь утра — значит, от нее вышел в полседьмого. Так ведь?

Смутное подозрение, которое появилось у меня тогда, когда Мальха у себя дома упомянул о елышевской врачихе («За ним такие женщины бегают! Одна врачиха — закачаешься!»), начало превращаться в догадку. Я этого сверхсрочника-старшину никогда раньше не видел, но о существовании некоего старшины знал. И если бы этот Елышев оказался тем самым старшиной, о котором я слышал, то тогда я уже сейчас, можно считать, знал бы, где он мог находиться прошедшей ночью.

Елышев снова быстро взглянул в мое лицо и столь же быстро отвел взгляд. Мне вдруг показалось, что и он хоть меня и не видел, а о моем существовании

знал: поглядывал он на меня так, как смотрят на человека, о котором что-то знают.

— Может, так оно и было, как вы говорите,— сказал он.

— Понятно,— ответил я.— Но на официальном допросе тебе придется указать адрес этой знакомой. Важно, что ты был у знакомой. Всю ночь.— Я решил не открывать ему, что о чем-то догадываюсь, то есть решил пока и не проверять, правильна ли моя догадка, ведь в части он не один-единственный старшина. Чтобы увести его в сторону, я сказал:— Не исключено ведь, что твоя знакомая в ту ночь обитала на Яруговке,— тем самым я намекнул ему на Софью, которая, как и я, дежурила ночью в нашей яруговской больнице. Намекнуть на Софью было полезно со всех точек зрения. Думал-то я в тот момент совсем о другой женщине, но ведь и Софья—врачиха, так что и Мальха ничего не должен был понять.

— Почему?— Елышев вновь неловко пожегся.— Почему на Яруговке?

Значит, Софья ему сразу в голову не пришла. И тут вмешался Мальха:

— Давай начнем с Надьки. Ты ведь не собирался на ней жениться?

Елышев кивнул в знак согласия.

— Как и я тогда на Верке. А что у тебя дальше было?

В этот момент что-то в Елышеве дрогнуло. Он принял решение.

— Хорошо, пусть так. Мне, правда, и самому противно вспоминать. Меня не было две недели—по степи гонялись, учения. Приехали. Надька не приходит. Ждал день, другой, третий. На пятый пошел к ним домой. Днем я там не бывал ни разу. Дома была только Сонька. Спрашиваю про Надьку. А она смеется. Я не сразу и допер, в чем дело.

Мне казалось, что Елышев рад случаю скинуть тяжесть с души.

— Последний раз, когда с Надькой виделись, поссорились. Я ей тогда точно сказал, что никогда на ней не женюсь. Она меня приревновала к одной, с чего и

пошел разговор. Повод у нее, честно, был, но я и на той не собирался жениться.

От этих его слов моя догадка только крепла. Нечто подобное я и слышал про ТОГО старшину.

— Спрашиваю про Надьку, а Сонька смеется. А потом и говорит, стерва: в больницу, мол, Надька попала по моей вине и сейчас в больнице—ну, в тот день была, оттого ко мне и не приходила. «Ты ж на ней жениться не хочешь, вот и пришлось ей ко мне в отделение лечь»,—так прямо Сонька и сказала. Я аж закачался: от злости на Надьку, на себя, на эту Соньку. А она вдруг меня обнимать, целовать, уговаривать: «Ты Надьку брось, скоро я хозяйкой тут буду, всех выгоню, будешь ко мне ходить». Не знаю, как кто поступал в таких случаях, а я... Сколько-то продержался, потом не смог. Красивая же она. Нет, не думайте, не на хату позарился. Мне бабы и не такое предлагали. В общем, я, конечно, по-вашему, сплеховал. Только я ведь не бревно.—Елышев как-то жалобно, что ли, улыбнулся. Жалобно или жалковато.

И мельком глянул на меня. Но я терпеливо ждал, заговорит ли он о своей встрече с отцом Софьи. Мы с Мальхой еще раньше договорились не вспоминать об этом ни в коем случае. Не было никаких доказательств, которые бы подтверждали виновность Мальхи или Елышева. Но в том, что оба они темнили, я не сомневался.

— Что дальше?—спросил я наконец.— Ты виделся с Надеждой?

— Ну, да. Они потом друг другу глаза чуть не выцарапали.

— Но ты не вмешивался?

— Что я мог?

— А до тебя они жили в мире, в согласии?

— Они?—Елышев махнул рукой.— Надька все время жаловалась, что с сестрами жизни нет.

— Ты припомни: как ты думаешь, что имела в виду Софья, когда говорила, что скоро станет хозяйкой—единственной—дома? Ты думал об этом?

— А зачем мне?—быстро ответил он.—Мне-то какая разница?

Вполне вероятно, что ни Мальха, ни Елышев не придали значения этим словам Софьи. А если тогда в какой-то мере и придали, то теперь ни за что не признаются. Им ведь известны обстоятельства, приведшие к тому, что Софья действительно оказалась единственной хозяйкой дома в Крутом переулке. Этих парней, избалованных женщинами, можно понять. И я их понимал. Потому я и не гожусь в следователи, что не факты принимаю во внимание в первую очередь.

А факт, между прочим, был в том, что Елышев упорно не хотел говорить о самом для нас главном—о Сличко. Это его упорство мне хотелось объяснить тем, что он справедливо опасался: его стычку со Сличко могут превратить в нечто большее, чем просто драка.

— И никаких поправок ты не внесешь в свой рассказ?

Вот тут Елышеву выдержка изменила. Он быстро взглянул—вопросительно—в лицо Мальхи и быстро отвел взгляд. Мальха же в ту секунду смотрел на двух пожилых людей, неподвижно склонившихся над свежей могилкой—друга ли, сына ли, дочери ли? Не знаю, как Мальха, а я вспомнил о Любе Сличко, с гибели которой начался для меня сегодняшний день.

Елышев и Мальха. Оба ли они были там? Похоже, что оба. Были оба, но не стоворились, как вести себя дальше? Или не подозревали, что оба находятся в одной точке? Или лишь один из них видел другого? Кто кого? Елышев Мальху? По их нынешнему поведению это самое правдоподобное. А если наоборот? Если Мальха Елышева? И потому так охотно привел меня сюда?

Мы проводили старшину до КПП, спустились с Мальхой до ЦУМа, и там я оставил его, насколько не сомневаясь, что Мальха, простившись со мной, побжит назад, в Красные казармы.

Продолжение следует.

Конкурс Эрудитов

В минувшем году редакция журнала «Смена» объявила конкурс эрудитов. Большой поток писем и отзывы на них свидетельствуют, что игра пришлась по душе очень многим нашим читателям. Причем с каждым туром число желающих участвовать в ней растет. Практически все участники единодушны в одном: конкурс интересен тем, что повышает знания и развивает эрудицию, учит работать с различного рода литературой. Итак, прошло три тура. Каждый имел самостоятельное значение, так как итоги подводились сразу, в конце его.

Продолжая конкурс, напоминаем, что условия не изменились. Авторы его—вы сами, дорогие читатели. Вопросы из разных областей общественной жизни, науки, литературы, искусства редакция отбирает по вашим письмам. Просим вас и дальше составлять и присылать их в любом количестве. К каждому вопросу обязательно надо прилагать ответ и четко указывать первоисточник.

Отвечая на вопросы и прилагая свои для следующего тура, желательнее писать их на одной стороне листа.

Как показывают результаты предыдущих туров, претендовать на победу могут те читатели, которые наиболее полно и точно ответят на большинство вопросов. Победителей конкурса жюри определит в конце тура. Призы—книжки и альбомы.

УЧАСТВОВАТЬ В ПОСЛЕДУЮЩИХ ТУРАХ МОЖЕТ КАЖДЫЙ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ДО СИХ ПОР НЕ ВСТУПАЛ В ИГРУ.

Ждем ваших писем с содержательными ответами очередного и вопросами для следующего тура. Срок их отправки—до 1 августа.

Итак, задание очередного тура:

1. У художника П. Андрианова есть картина «В. И. Ленин и Я. М. Свердлов на Красной площади 1 Мая 1918 года наблюдают за полетом самолета». Какой это был самолет, где построен и кто его пилотировал?

*В. ИШУТКИН,
пос. Чернь Тульской области*

2. Когда было издано первое Собрание сочинений В. И. Ленина и как оно называлось?

*А. ГРИШАНОВ,
Ленинград*

3. Селение Москва стоит близ реки Волга. Где это?

*В. ПОЛИКАРТОВ,
пос. Угловка Новгородской области*

4. Шла вторая мировая война... Какой писатель и по какому радио произнес тогда самую короткую в мире речь? процитируйте ее.

*В. ПУТИЛОВА,
Красноуральск Свердловской области*

5. Где и когда была открыта первая советская сберкасса? Кто был ее первым клиентом?

*А. ШУБАЕВ,
Анапа*

6. В четырех крупных произведениях русского поэта у героинь одинаковое имя. Назовите поэта, произведения и имя героинь.

*Г. БАЛАШОВА,
Москва*

7. Во время какой демонстрации и кто впервые в России нес красное знамя?

*В. ЮРЬЕВ,
г. Энгельс Саратовской области*

8. Когда и где был впервые описан полет на Луну?

*П. СТАРЫЙ,
пос. Талнах Красноярского края*

9. Кто был первым в истории Франции композитором, которого восторженная публика аплодировала?

ментами вызвала на сцену? Назовите его полное имя. Широкою известностью он заслужил успехами в другой области. В какой?

*Л. МОСКВИТИН,
Бирюсинск Иркутской области*

10. Какая рыба и когда плавает хвостом вперед?

*Б. МОЩИЦКАЯ,
Иркутск*

11. Назовите самую удаленную сейчас от Солнца планету.

*Р. ТЕМИРГАЛИЕВ,
Ташкент*

12. Знаете ли вы самый древний военный орден?

*С. ДАНЧЕНКО,
Бердянск Запорожской области*

13. В основу произведения популярного писателя легла романтическая история одного из декабристов. Назовите писателя, произведение, декабриста. Кто послужил прототипом героини произведения?

*О. БАГРОВА,
Харьков*

14. Среди античных ученых была женщина. Назовите ее имя. Где она жила? В каких областях науки она известна? Она изобрела несколько приборов. Каких?

*А. ЛОПАТИН,
Новосибирск*

15. В какой стране растет патриарх деревьев? Каков его возраст?

*В. РАЗИН,
Москва*

Ждем ваших писем с ответами на этот тур и вопросами для следующего тура.

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Ход черных. Каким способом они выигрывают?

Напоминаем, что ответ на каждое задание, исполненный в сокращенной шахматной нотации, вы посылаете в адрес редакции на отдельной почтовой открытке (письма на конкурс в конвертах не рассматриваются). Обязательны фамилия, инициалы отправителя, его точный адрес, а также пометка «Шахматный конкурс «Смена-81», тур второй».

Срок отправки ответов на второй тур — 25 августа 1981 года (согласно штампу вашего отделения связи).

**ПОБЕДИЛ
ЧЕМПИОН МИРА**

Весна нынешнего года надолго останется в памяти любителей шахмат. В течение трех недель все мы с огромным интересом следили за международным турниром гроссмейстеров в Москве. Убедительную победу одержал чемпион мира Анатолий Карпов. Высокие призовые места, оставив позади крупнейших зарубежных шахматистов, заняли советские гроссмейстеры Гарри Каспаров, Лев Полугаевский и Василий Смыслов. Из иностранных гостей лучших результатов добились венгр Лайош Портиш и румын Флорин Георгиу. Впечатляют творческие достижения участников московского турнира. Проиллюстрируем это примерами из партий соревнования.

На диаграмме изображена позиция, возникшая после 19-го хода черных у А. Карпова (он играл белыми) с экс-чемпионом мира В. Смысловым. Водрузив своего белого слона на центральный пункт «d5», белые в стремительном темпе развивают наступление на королевские бастионы противника.

20. Cf3—d5! Cf8—g7 21. d4:c5 Cg7:c3 22. Лс1:c3 Кd7:c5 23. Лс3—f3 Лe8—e7 24. h3—h4! Лb8—f8 25. Фb2—f6 Кc5—e4.

Оказывается, что естественный на вид выпад черного ферзя 25. ...Фe5 терпит фиаско из-за неожиданного и сразу решающего удара 26. С:f7+!

26. Фf6—d4 Ke4—c5 27. h4—h5 Kc5—d7 28. h5:g6 h7:g6 29. Лf3—g3! Фc7—e5 30. Лg3:g6+ Кpg8—h7 31. Лg6—g3! Кd7—f6 32. Фd4—h4+, и черные сложили «оружие».

Здесь перед вами положение, создавшееся после 29-го хода черных в партии Л. Полугаевского с экс-чемпионом мира Т. Петросяном. На поле «боя» материальное равенство, но задача черных не из легких, ибо их король лишен пе-

щечного зaslona и подвержен опасным угрозам.

30. Cf4—g5! Фf6—f7 31. Kh3—f4 Cg7—f6 32. Фh7—h6+ Kpf8—e7 33. Лd1—c1! Лa8—d8 34. Лf1—e1 Cf6:g5 35. Фh6:g5+ Фf7—f6 36. Kf4—g6+ Kpe7—f7 37. Kg6—e5+ Kpf7—e7 38. Ke5—g6+ Kpe7—f7 39. Kg6—e5+ Kpf7—e7 40. Фg5:f6+ Kpe7:f6 41. Ke5:d7+ Лd8:d7.

Повторение ходов было вызвано цейтнотом, то бишь недостатком времени, отведенного на обдумывание. Теперь белые, получив в эндшпиле лишнее качество, находят остроумный план — ладейным дуэтом они сплетают вокруг неприятельского короля матовую сеть.

42. f2—f3 b6—b5 43. Kpg1—f2 Лd7—b7 44. Лe1—h1! Лb7—b6 45. Лс1—c7! Лb6—a6 46. f3—f4!, и черные признали свое поражение.

К такому положению пришла схватка Г. Каспарова (у него были белые фигуры) с филиппинским шахматистом Э. Торре. Умелой переброской коня с одного фланга на другой белые добились ощутимого пространственного превосходства.

17. Kf3—d4! Лс8—c7 18. Kd4—b3 Kb8—d7 19. Лf1—d1 Kd7—b6 20. Ce2—f3 Cc6—b7 21. Kb3—a5! Лa8—d8 22. Ka5:b7 Лс7:b7 23. h2—h3 Лb7—d7 24. Лb1—b5 Лd7—c7 25. Фа3—b3 Лс7—d7 26. a2—a4! d5—d4.

Белые несложной, но довольно элегантной комбинацией переводят борьбу в легко выигрышный эндшпиль.

27. e3:d4 c5:d4 28. a4—a5! Kb6—c8 29. c3:d4 Лd7:d4 30. Лd1:d4 Лd8:d4 31. Фb3—c3! Лd4—d8 32. Лb5—b7 Фe7—d6 33. Лb7—c7! Kc8—e7 34. Лс7:a7 Ke7—g6 35. Фc3—c7 Фd6—f6 36. Фс7:d8+, и черные сдались.

Вы видите дислокацию фигур, сложившуюся после 19-го хода белых в поединке чемпиона СССР А. Белавского (он играл черными) с Л. Портишем. Нескольким ранее черные в целях захвата инициативы отдали пешку, и обстановка предельно обострилась.

19...Cс8—f5! 20. Фс2—b2 Фа5—e5 21. Cd2—b4 Ce7:b4 22. a3:b4 Лf8—e8 23. Лd1:d4 Cf5—c2! 24. Лd4—d2 Cc2:b3 25. Фb2:b3 Фe5—a1+ 26. Фb3—d1 Фa1:d1+ 27. Лd2:d1 Лa8:a4 28. f2—f3 Лa4:b4.

Белые вернули партнеру пешку, разменяли ферзей, и на доске вроде бы воцарилась спокойствие и равновесие. Но это впечатление иллюзорно.

29. Кре1—f2 Лb4—b2! 30. Лh1—e1 g7—g6 31. Kpf2—f1 Kf6—h5! 32. g2—g3 Kh5—g7 33. Лd1—d7 Kg7—e6 34. Лe1—d1 Ke6—d4! 35. Лd1:d4 Лe8:e2 36. Лd7:b7.

Положение белых уже совершенно безнадежно, настолько опасен дуэт черных ладей, ворвавшихся в лагерь соперника.

36. ...Le2—f2+ 37. Kpf1—g1 Лf2—g2+ 38. Kpg1—h1 Лg2:h2+ 39. Kph1—g1 Лb2—g2+ 40. Kpg1—f1 Лg2—c2 41. Kpf1—g1 Лh2—g2+ 42. Kpg1—f1 Лg2—f2+, и белые капитулировали.

(Продолжение.
Начало см.
в № 11 журнала).

ВТОРОЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в два хода.

Белые начинают и дают мат в два хода.

Рисунок Юрия БЕСПАЛОВА

Рисунок Николая БЕЛЕВЦЕВА

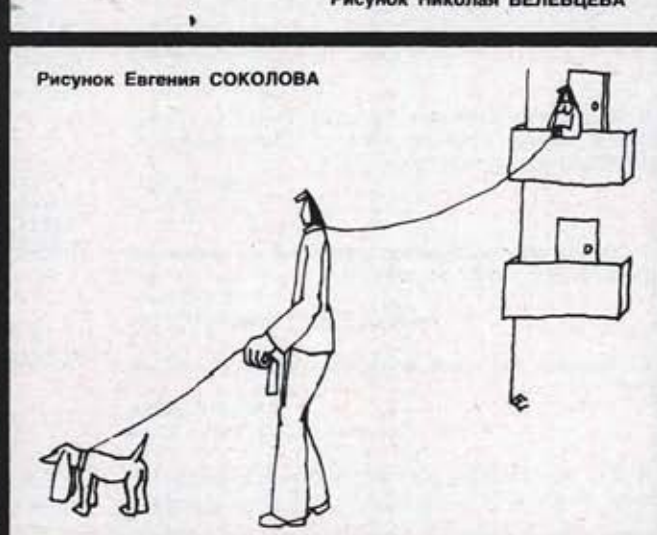

Рисунок Евгения СОКОЛОВА

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.05.81. Подписано к печати 19.05.81. А 05106. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 1291. Заказ № 676. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

С ДВУХЪЯЗЫЧ. ОБЪЕДИНЕН.

МОЛОДЫЕ ОТЦЫ

Музыка Леонида ПЕЧНИКОВА Стихи Олега ДМИТРИЕВА

*На бульварах деревья густые
облетают и снова цветут...
А под ними отцы молодые
круглолицих детишек ведут.
Голубые коляски качают,
поднимают мальчишек смешных,
и горят у отцов за плечами
беззаботные рожичи их.*

*Это значит, недаром, недаром
уходили в сраженья бойцы...
По бульварам,
идут по бульварам
молодые отцы.*

*Ах, мои дорогие ребята,
вспомним дни, что уже далеки.
Ведь и мы подрастали когда-то,
но не знали отцовской руки.*

*Вместе с нами они не бродили
по земле ни весной, ни зимой.
А в шинелях они уходили
и потом не вернулись домой.*

*Это значит, все будет в порядке,
если шар у девчонки в руке
и ее золотистые прядки
прикоснулись к отцовской щеке.
Значит, мир и покой в нашем доме,
и беда от людей далека,
если в теплой отцовской ладони —
озорная ребячья рука.*

*Это значит, недаром, недаром
уходили в сраженья бойцы...
По бульварам,
идут по бульварам
молодые отцы.*

К Р О С С В О Р Д

Составил В. ИГНАТЮК, Брест

По горизонтали:

- 7. Один из героев романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».
- 8. Действующее лицо оперы Г. Доницетти «Любовный напиток».
- 10. Оптический прибор для наблюдения излучения.
- 12. Русская народная игра с мячом.
- 13. Плавающий горнообогатительный агрегат.
- 14. Единица магнитной индукции.
- 15. Приморский курорт в Литве.
- 17. Итальянский скрипач, композитор XVIII века.
- 19. Птица семейства ястребиных.
- 20. Инструмент для нанесения резьбы на винтах, болтах.
- 24. Вид изобразительного искусства.
- 26. Мужской голос.
- 27. Опера В. Беллини.
- 28. Южное созвездие.
- 30. Персонаж комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль».
- 31. Живописец-маринист, автор картины «Девятый вал».
- 32. Водный путь для безопасного плавания судов.
- 33. Горный массив Тянь-Шаня в Киргизии.

По вертикали:

- 1. Массовое народное гулянье.
- 2. Ластоногое животное.
- 3. Шахтерский город в Коми АССР.
- 4. Устройство для регулирования тока в электрической цепи.
- 5. Аргумент, основание для действия.
- 6. Трагедия Софокла.
- 9. Гимнастический снаряд.
- 10. Верхний слой воздушной среды, окружающей Землю.
- 11. Химический радиоактивный элемент.
- 16. Чешский писатель-сатирик.
- 18. Манильская пенька.
- 21. Балка, перекрывающая пролет между колоннами.
- 22. Венгерский композитор, пианист, музыкальный фольклорист.
- 23. Геодезист.
- 25. Самая яркая звезда в созвездии Скорпиона.
- 26. Роман Л.М. Леонова.
- 29. Административно-территориальная единица Монгольской Народной Республики.
- 30. Морской двустворчатый моллюск.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

- 4. Косатка.
- 7. Севастополь.
- 10. Непал.
- 12. Эскиз.
- 14. Футболист.
- 18. Крепь.
- 19. Зебра.
- 20. Горловка.
- 21. Ермолаев.
- 22. «Марта».
- 23. Кодры.
- 24. «Новоселье».
- 27. «Орфей».
- 28. Орлик.
- 31. Кибернетика.
- 32. Лисичка.

По вертикали:

- 1. Горал.
- 2. Бартоло.
- 3. Скипа.
- 5. Кенаф.
- 6. Клест.
- 8. Температура.
- 9. Минералогия.
- 11. Луговской.
- 12. Эскамилло.
- 13. Триглав.
- 15. Бодайбо.
- 16. Лушение.
- 17. Гравюра.
- 24. Нежин.
- 25. Скандий.
- 26. Ерика.
- 29. Федин.
- 30. Этика.

Знакомый голос

Есть на Востоке древняя легенда о караване, заблудившемся в пустыне и в течение долгих суток бредущем без воды. Когда изможденные люди не могли двигаться и не было уже надежд на спасение, вдруг появился юноша. Он окинул взглядом бескрайние просторы пустыни, посмотрел на отчаявшихся людей и уставших животных, на раскаленное солнце, но щадившее ни небо, ни землю, ни путников, и неожиданно зашел... Его голос вливал в людей силу и бодрость. Его пение было подобно струе прохладной воды.

Юноша пел и пел, пока сквозь раскаленные пласты песка не пробилась голубая жилочка родника.

Эта легенда, услышанная Ренатом Ибрагимовым еще в детстве, потрясла его воображение и долго грела сердце, притягивала недоступной глубиной.

Песни, живительные, как родник, слушал он, гостя в селе у родственников под Казанью, когда с мальчишками-сверстниками наблюдал за уенами — молодежными играми с песнями и хорами — водками вокруг ночного костра. Смоляное небо с яркими звездами и летящими к ним легкими искрами, таинственная темнота и тишина ночи, подступавшие вплотную к огню, были словно непременными участниками песенного действия. И оттого песня казалась одухотворенной, принимала зримый образ, сливаясь то с тонкой березкой, то с причудливым пламенем костра, то с падающей с неба звездой...

Песня кочевала из легенды в жизнь, из жизни возвращалась в легенду. Звуки рождали яркие краски и образы, краски начинали звучать, мир раскрывался гаммой цвета и музыки.

Огромный мир входил к Ренату через сплетение музыки и света. Рука тянулась к кистям и краскам, глаза радовались сочным тонам, а внутренний слух улавливал причудливые мелодии, и пока не давала тайна — родник из легенды. И волновала загадка, есть ли и в жизни волшебство и волшебник, подобные тем, из легенды? И какая сила может заставить голос превратиться в родник?

В детстве он не думал всерьез стать профессиональным певцом. Пел по потребности души, когда внутри все ликовало, когда накатывалась печаль или тревога, когда друзья просили спеть. Творческое воспроизведение мира разрешалось для него более материализованным, зримым способом: в доме появились акварели, натюрморты, портретные наброски.

Он метался между музыкой и живописью, пел с самодеятельными вокально-инструментальными ансамблями на школьных вечерах, а в свободное время, с утра пораньше, пока еще солнце смешивает алые краски где-то за горизонтом, брал этюдник — и на Волгу...

Но песня победила. Чуть ли не в последний момент подал Ибрагимов документы в консерваторию.

Консерватория, подготовившая многих известных вокалистов, в 1972 году рекомендовала для стажировки в Татарский театр оперы и балета имени Мусы Джалиля студента четвертого курса Рената Ибрагимова.

Студент консерватории впервые пришел в оперу, пробуя силы в эпизодических ролях — Маролес в «Кармен», Заречкой в «Евгении Онегине». А уже через год, в 1973-м, он исполнил ведущую партию в опере С. Бабаева «Орлиная крепость». Опера была дипломной работой студентов консерватории, и, когда проходило распределение выпускников, Ренат Ибрагимов выбрал родной театр, где ему и «стены помогают творить».

За восемь лет работы в театре певцом созданы разнохарактерные образы оперных героев: Белькоре в «Любовном напитке», Валентин в «Фаусте», Рубен в «Орлиной крепости», Сильвио в «Паяцах», Эскамильо в «Кармен», Игорь в «Князе Игоре». Каждый образ — увлекательное путешествие в мир сценического героя, в глубины его психологии, в нюансы характера, в перипетии судеб.

И если опера приучала к определенной вокальной системе, развивала, так сказать, вокалиста «вглубь», то необозримую широту, простор душе давала песня.

Репертуар Ибрагимова разнообразный: старинные романсы и арии из опер,

русские и татарские народные песни, современные зарубежные шлягеры и песни советских композиторов.

Репертуар певца — в постоянном творческом обновлении. Сейчас Ибрагимов пересматривает свою концертную программу, но и меняя ее конструктивно: вместо двух отделений он планирует три получасовых блока, которые певец условно обозначил так: песня-зов (фольклор и народные песни), песня-мысль (камерное отделение) и песня-настроение (эстрадные песни).

...Два потока — традиции народного искусства и современность, которые питают талант Рената Ибрагимова в равной степени активно, делают его творчество многогранным, живым и постоянно обновляющимся, подобно самому времени. «Я к роднику стремлюсь, как к другу, за советом, припасть хочу, чтоб силы влил в меня», — пишет в одном из своих стихотворений Ренат Ибрагимов.

О каком роднике говорит Ренат? О том, который напоил в знойной пустыне погибающий караван? О народе, питающем искусство истинного художника. О творцах, возвращающих своему народу духовные ценности: скульптуры, рисунки, песни...

Елизавета ЗАХАРОВА

РОДНИК